

**Автономная некоммерческая организация
высшего профессионального образования
«Московский гуманитарный университет»**

**Шилов
Николай Андреевич**

**ИДЕОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
XV-XVI вв.
(по материалам литературных памятников)**

Специальность: 07.00.02 — Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент О.А. Плотникова

Москва – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Московское княжество на пути к централизации	30
1.1. Возвышение Москвы и территориальное расширение Московского княжества.	30
1.2. Борьба великокняжеской власти с удельными князьями	41
1.3. Реорганизация системы управления на Руси XV-XVI вв.	46
Глава 2. Идейные предпосылки централизации.	65
2.1. Образ единства светской и духовной власти как оплота государственности в памятниках Куликовского цикла.....	66
2.2. Идеология возвышения великокняжеской власти по материалам литературных памятников эпохи	76
2.3. Церковь и государство на пути к централизации.	92
Глава 3. Завершающий этап централизации: идеология власти...	105
3.1. Задачи Боярской Думы в централизующемся государстве: реальность и идеология	106
3.2. Идеология реформ системы управления в период царствования Ивана Грозного.....	113
3.3. Идеология самодержавия от Степенной книги до посланий Ивана Грозного	129
Заключение	144
Список сокращений	154
Список источников и литературы	156

Введение

Актуальность темы исследования. Изучение идеологических предпосылок создания централизованного Московского государства является малоизученным и актуальным исследовательским направлением. Долгое время проблема идеологических и духовно-нравственных основ централизации замалчивалась, что в итоге привело к деформации представлений о причинах централизации. Назрела насущная потребность еще раз обратиться к анализу и оценке основных этапов централизации и ее идеологических предпосылок. Несмотря на широкую разработку проблемы централизации в целом, малоизученными остается проблема идеологии централизации, выраженной в политических и православных идеологемах, обнаруживаемых в литературных памятниках.

Образование централизованного государства на Руси являлось процессом длительным и сложным. Некоторые черты его прослеживаются уже начиная с конца XIII в. Однако говорить о централизации как целостном явлении, затронувшем все сферы жизнедеятельности общества и государства можно начиная с 80-х годов XV в. Завершение политической централизации, оформление единой системы управления на всей уже целостной территории России приходится уже на XVI век.

Основополагающее значение для процесса централизации в XV веке играла политика ослабления авторитета и власти бывших удельных, а также служилых князей. Благодаря такой политике великокняжеская власть с течением времени становится все в большей степени единодержавной.

Создание единого Русского государства и изменение социально-экономических условий хозяйственной жизни привели к постепенному отмиранию старых органов управления и появлению новых. Удельные князья теряют свою самостоятельность и становятся служилыми князьями великого московского князя. Одновременно несколько слабеет роль боярской знати, при усилении значения мелких и средних феодалов, постепенно возвышается дворянство.

Конец XV в. ознаменовался ликвидацией независимости крупнейших русских княжеств, именно в этот период сложилась единая территория, а необходимость перестройки системы управления стала очевидной. Уничтожение удельной системы и в том числе на территории самого Московского княжества, основного территориального ядра единого Русского государства, центра политического и идеологического объединения страны, играло решающую роль в процессе централизации..

Однако, для полной перестройки жизнедеятельности страны требовались не только экономические и социальные реформы, но и серьезные идеологические основания нового статуса государства и властных институтов. На материалах литературных памятников хорошо прослеживается развитие концепции о божественных и исторических правах московских самодержцев на господство во всем православном мире. Среди ключевых идей, легших в основу этой концепции – «Москва – Третий Рим», теория «передачи царственности» от Византии к Руси и на Руси от Киева через Владимир к Москве, легенда о происхождении Рюриковичей от императора Августа. Идеи эти нашли отражение, в первую очередь, в литературных и историографических памятниках эпохи: во Введении к «Новой пасхалии» митрополита Зосимы, в Хронографе 1512 г., в «Посланиях» старца Филофея, в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы, в «Сказании о князьях Владимирских», в Никоновской летописи, в «Степенной книге царского родословия».

В период образования Русского государства сформировались многие особенности и механизмы функционирования властной системы, которые и в современной России ощутимо проявляют себя. На значимость исследований древнерусской государственности для понимания современных социально-политических процессов указывалось неоднократно¹. Централизация явилась заменой одного типа самоорганизации общества другим. Начался столетний период непрерывной экспансии, «собирания русских земель».

---

¹ См., например: Плотникова О.А. Князь в системе социально-политических отношений Древнерусского общества VI–XII вв.: принципы властвования. М., 2006. С.4-5.

Стоит отметить, что в отечественной историографии долгое время практически не рассматривались вопросы идеологии власти, идейной платформы централизации, сакральности власти, мало внимания уделялось теологическому фактору и его отражению в литературных памятниках. Однако, нельзя отрицать тот факт что за канвой явлений и событий, социально-экономической и политической направленности, способствующих формированию единого Русского государства просматривается еще один фон явлений без которых централизация была бы не возможна – это идеология Православной Церкви и духовенства, идеология великокняжеской власти. В диссертационном исследовании предпринята попытка проследить эту идеологию основываясь, в первую очередь, на данных источников и материалах литературных памятников исследуемого периода. Автор учитывал, что в средневековье именно христианская риторика имела наибольший вес в обществе, являлась базовой отправной точкой для всех идеологических построений, именно она стала тем мечом, которым власть прокладывала себе дорогу к централизации. Проблема роли и влияния духовенства на политику и культуру не утратила актуальность и в настоящее время.

В современной исторической литературе государственность понимается как исторически сложившаяся система представлений о роли, функциях, правах и обязанностях государства и его институтов, традициях государственного управления. Эти общественные представления существуют в различных формах: в исторической памяти людей, в социально-психологических представлениях о власти, в научных исследованиях по истории, праву и экономике. Идеи государственности служат своего рода «системой координат в социальном поведении»¹. Идеологию современная историческая наука рассматривает как систему политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, художественных взглядов, отражающих интересы определённого класса, общественной группы, сословия².

---

¹Пихоя Р.Г. Предисловие // Государственность России: идеи, люди, символы / Сост., науч. ред. Р.Г. Пихоя. М., 2008. С. 5.

² Словарь исторических терминов / сост. В.С. Симаков. СПб., 1997. С. 84.

Идеологию централизации мы определяем, в соответствии с традиционными дефинициями идеологии, как совокупность взглядов, выражающую интересы великокняжеской власти и православного духовенства, основывающую с религиозной и политической точки зрения необходимость объединения страны. В диссертационном исследовании предпринята попытка проследить эту идеологию, основываясь, в первую очередь, материалах историографических и литературных памятников исследуемого периода.

Актуальность темы исследования в первую очередь связана с необходимостью нового осмысления закономерностей и особенностей процесса централизации Московского княжества с учетом идеологических предпосылок и духовно-нравственных основ общества. Так же, как и в период создания Русского централизованного государства, в современной России появилась потребность осмысления задач, стоящих перед государством, выработки нового курса по сплочению общества и единению политических сил, управленческих элит, власти и общества.

Накопленный опыт исследования и осмысления исторических процессов XV- XVI вв. позволяет по-новому поставить проблему централизации Русского государства, с учетом знаний об идеологических концепциях, направленных на изменение восприятия статуса власти и государства, а также духовно-нравственной сферы жизни общества.

Историография проблемы. В связи с тем, что для исследования важное значение имели как общие работы по проблеме централизованного Московского государства, так и посвященные проблеме централизации, реформированию системы управления в рассматриваемый период, а также работы раскрывающие суть идеологии власти и идейного содержания централизации, раскрываемого в оригинальных памятниках литературы, необходимо классифицировать накопленный в этой сфере историографический багаж на две группы.

Первую группу составят базисные труды, посвященные вопросам централизации Московского государства и реорганизации системы управления в указанный период. Эти работы отражают разные исторические концепции и относятся к разным периодам отечественной историографии, однако, их значимость для исследования огромна, так как они показывают состояние проблемы в целом.

Исследование историографического багажа данной группы необходимо начать с работ, созданных в XIX в. Стоит отметить, что в историографии XIX в. превалировала так называемая карамзинская традиция. В ней, в частности, заслуга проведения реформ системы управления в период правления Ивана Грозного вслед за Н.М. Карамзиным¹ приписывалась исключительно «Избранной Раде», а в частности Адашеву и Сильвестру. Последователем этой традиции были, например, М. П. Погодин и Н. Г. Устрялов.

В середине XIX в. в отечественной историографии появляется новый подход к историческим процессам с позиции их закономерности. Этого принципа придерживались представители так называемой государственной школы – К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и частично С. М. Соловьев. Так, например, явления и процессы XVI в. К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев² рассматривали как борьбу государственного начала с родовым, окончившуюся победой первого из этих начал во время правления Ивана Грозного. Возвышение «служилого сословия» – боярства неизбежно, по мнению историков, должно было сопровождаться столкновением с царем, что и происходило в действительности.

Историография по проблеме создания централизованного Русского государства последних полутора веков очень велика. В работах различных до-революционных и послереволюционных исследователей анализировались различные аспекты данной тематики. При этом исследователи, относимые нами к первой группе, сосредотачивались преимущественно на социально-

---

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 3. М., 1989.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. II, III. М., 1852.

политической и социально-экономической стороне данной тематики, лишь отчасти касаясь культурно-идеологических проблем.

Среди дореволюционных и начавших работать в дореволюционный период авторов, занимавшихся проблемой централизации русского государства можно выделить Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, С.Б. Веселовского, М.А. Дьяконова, Н.Г. Павлова-Сильванского, А.Е. Преснякова, В.И. Сергеевича¹. Наиболее значимым обобщающим трудом по исследуемой проблеме в эмигрантской историографии стали соответствующие тома компендиума Г.В. Вернадского².

Советские концепции создания и развития Московского централизованного государства, социально-политических реформ московских князей и Ивана IV представлены, прежде всего, в работах Л.В. Черепнина, А.А. Зимина, В.А. Кучкина, В.Б. Кобрин, А.В. Чернова и ряда других исследователей³. Характерной и естественной чертой работ указанных авторов являлось следование марксистской теории общественного прогресса. С этой точки зрения,

---

¹ Веселовский С. Б. Приказной строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912. Т. 3; Дьяконов М. А. Власть московских государей. СПб., 1889; Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912; Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения. М., 1956. Ч. 1.; Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. М., 1902; Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991; Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале Древней Руси // Исторические монографии и исследования. Т.1. СПб., 1872; Павлов – Сильванский Н.Г. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1898; Пресняков А. Е. Московское царство // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990; Сергеевич В.И. Лекции и исследования. 4-е изд. СПб., 1890.

² Вернадский Г.В. История России. Т.4-5. (Том 4: Россия в средние века. М., 1988; Том 5: Московское царство. М., 1989).

³ Гальперин Г.В. Формы правления Русского централизованного государства XV – XVI вв., Л., 1964; Зимин А. А. Россия на рубеже XVI-XVII столетий. М., 1982; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV-первой трети XVI вв. М. 1988; Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984; Леонтьев А. К. Государственный строй, право и суд // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2; Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV-первой половине XVI в. М., 1961; Лихачев Д.С. Великий путь. М., 1987; Смирнов И. И., Очерки политической истории Русского государства 30-50-х годов XVI в., М.-Л., 1958; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1960; Чернов А. В. О зарождении приказного управления в процессе образования русского централизованного государства // Труды Московского историко-архивного института. М., 1965. Т. 19; Чернов А. В., История государственных учреждений в XV–XVI вв., М., 1956.

в частности, происходило отторжение морализирующей карамзинской традиции – в частности, позитивная оценка любых форм борьбы монархов с боярской аристократией.

В постсоветский период исследованием проблем эволюции русской государственности в социально-политическом ее аспекте занимаются многие ученые¹. Их работы, естественно, более идеологически свободны, что ведет к формированию действительно альтернативных в методологическом плане научных подходов к проблематике.

Важной стороной научных дискуссий последних десятилетий является оценка понятия «централизованное государство». Во многих случаях предлагается вводить термин «единое государство», ранее прилагавшийся к Киевской Руси в отличие от Московской.

Вторую группу трудов по тематике, избранной для нашего исследования, составляют работы, посвященные отдельным аспектам истории общественно-политической мысли, политической истории, истории Церкви, отраженной в исторических и литературных памятниках исследуемого периода. В дореволюционный период этим аспектом исследования темы в разной степени занимались Е.Е. Голубинский, Н.И. Ефимов, А.В. Карташев, П.В. Покровский, В.Н. Малинин и др.²

Работы, вышедшие в советский период (И.У. Будовниц, А.Л. Гольдберг, Л.А. Дмитриев, Р.Г. Скрынников и др.), как правило, не носили обобщающего характера³. В русле господствующих концепций они либо исследова-

---

¹ См., например: Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998; Пихоя Р.Г. История государственного управления в России. М., 2001; Петров Ю.А. и др. Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012.

² Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т.1. М., 1901; Ефимов Н. И. «Русь – Новый Израиль» – Теократическая идеология своеземного православия в допетровской письменности. Казань, 1912; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т.2. М., 1997; Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901; Покровский П. В. Страшный Суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса, 1887. Т. 3; Степанов Н.В. Новый стиль и православная пасхалия. М., 1907.

³ Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М.-Л., 1946; Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI-XIV вв.) М., 1960; Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 30. Л., 1971; Гольдберг А.Л. Идея «Москва – Третий Рим» в цикле сочинений

ли отдельные памятники или явления духовной жизни, либо рассматривали культурные факторы централизации сугубо в контексте социально-политических.

Вместе с тем, именно этот период отмечен разработкой огромного фактического материала русских литературных памятников на уровне современного источниковедения и филологии, значительными успехами в деле их публикации и интерпретации, в том числе и в историко-культурном ключе.

На постсоветскую историографию культурно-идеологических аспектов централизации большое влияние оказали достижения западной методологической мысли XX в., в частности концепция «другого средневековья» Ж. Ле Гоффа¹. Следует отметить также расширение круга введенных в научный оборот сопоставительных источников, в том числе за счет иудаистики, расширившей представления о культурном контексте европейского позднего средневековья².

Большое значение для оформления новых подходов к культурно-духовной истории эпохи централизации имела работа Я.С. Лурье «Две истории Руси XV в.», пересмотревшая многие концепты советского времени³. В даль-

---

первой половины XVI в. // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983; Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982; Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.-Л., 1955; Карпец В. И. Символизм в политическом сознании: эпоха Московской Руси // Из истории развития политико-правовых идей. М., 1984; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой Руси. М., 1984; Плигузов А.И., Тихонюк И.А. Послание Дмитрия Траханиота Новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмиричности счисления лет // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988; Скрынников Р. Г. Самодержавие и опричнина (Некоторые итоги политического развития России в период опричнины) // Внутренняя политика царизма (середина XVI-начало XX вв.). Л., 1967; Скрынников Р.Г. О заготовке первого послания Ивана IV Курбскому и о характере их переписки // Труды отдела древнерусской литературы. Т 33. Л., 1979; Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969; Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980; Чаев Н. С. «Москва-Третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века // Исторические записки, Т. XVII, М., 1945; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.). М., 1986.

¹ См.: Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург. 2000;

² См., например: Сантала Р. Мессия в Ветхом Завете в свете раввинистических писаний. СПб., 1995.

³ Лурье Я. С. Две истории Руси XV в. СПб., 1994.

нейшем вышел целый ряд работ, с разных, подчас противоположных позиций анализировавших жизнь в Московской Руси XIV-XVI вв.⁴

Вместе с тем, обобщающего исследования по проблеме формирования идеологии Московского государства, как минимум на наиболее плодотворном в этом смысле материале литературных памятников, в том числе исторического содержания, предпринято не было.

Объектом исследования является идеология Московского государства в период XV – XVI вв.

Предметом исследования является формирование идеологии централизации Московского государства, отраженное в литературных памятниках соответствующего периода.

Целью работы является анализ содержания и особенностей идеологии централизации в Московском государстве XV-XVI вв.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **задач**:

- определить значение княжеской власти в общественном сознании Московского государства;
- исследовать идеологию возвышения Москвы по материалам литературных памятников;
- предложить авторское осмысление процесса централизации в литературной традиции средневековья;
- Показать эволюцию идеологии централизации по историческим и литературно-публицистическим сочинениям эпохи Ивана Грозного.

Перечисленные задачи определили структуру работы.

---

⁴ Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV начала XVI вв. СПб., 2002; Александров Д.Н., Мельников С.А., Алексеев С.В. Очерки по истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX-XV веках. М., 1995; Булычёв А.А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005; Демин А.С. Путешествие души по загробному миру (В древнерусской литературе) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 7. Ч. 1; Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. Опричнина и страшный суд. М., 2003;; Сеницына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998.

Методологическую основу диссертационного исследования составили, в первую очередь, традиционные принципы историзма, научной объективности и достоверности. В диссертации использованы в комплексе общенаучные и специально-исторические методы. Среди них: историко-генетический (ретроспективный), историко-ситуационный, историко-сравнительный (компаративный), проблемно-хронологический, периодизации, исторической реконструкции, системно-структурный, историко-логический, культурно-исторический (цивилизационный), комплексности, статистический.

Построение применения общенаучных методов на базовом принципе объективности призвано было позволить провести максимально беспристрастное исследование, лишенное политизированности в отображении исторической реальности. Принцип объективности ориентирует исследователя на всесторонний анализ и достоверную оценку исторических фактов, требует рассмотрения предмета без политико-идеологических пристрастий. Автор постарался реализовать его и через максимально полное отражение всего спектра суждений и оценок по данной проблеме, и через научно-критический подход к их анализу. Все суждения и оценки соотносятся автором с историческими реалиями и источниковой базой.

Принцип историзма, с позиций которого рассматривается здесь проблема образования централизованного государства, непосредственно связан с принципом объективности. Нами учитывается влияние разных внешних и внутренних факторов в их взаимосвязи. Это, в свою очередь, позволяет рассмотреть предмет исследования как результат диалектического взаимодействия в конкретно-исторических условиях различных объективных и субъективных факторов, формировать суждения на базе структурно-функционального анализа, осмысления совокупности всех анализируемых факторов.

Принципа историзм позволяет проводить научный анализ проблемы создания централизованного государства в конкретных культурно-исторических условиях. В рамках этого анализа применены два взаимосвязанных метода – историко-ситуационный и историко-генетический (ретроспективный).

Применение первого из них позволяет провести исследование в контексте соответствующей исторической ситуации. Оно позволяет выявить то, в какой мере историки адекватно воспринимали историческую реальность изучаемого времени, а главное – насколько учитывали ее в проводимых исследованиях.

Историко-генетический метод позволяет раскрывать суть явлений прошлого с определенной исторической дистанции, когда в той или иной мере уже обнаружались результаты изучаемых процессов. Историко-генетический метод по своей логической природе является аналитически-индуктивным, а по форме отражения информации – описательным. В связи с этим он позволяет показать причинно-следственные связи, закономерности – в нашем случае процесса централизации. В работе использовался ретроспективный подход, что позволяет рассматривать явления прошлого с определенной временной дистанции.

С помощью проблемно-хронологического метода исследуемые процессы систематизированы во временной последовательности. Это позволяет максимально подчинить структуру каждой главы хронологии и синхронии.

Историко-сравнительный метод дает возможность сопоставлять события, явления и процессы в их пространственно-временном сходстве и различии. Он позволяет раскрывать сущность исследуемых явлений в тех случаях, когда она не очевидна. В результате на основе имеющихся фактов выявляется общее и закономерное, с одной стороны, и качественно отличное – с другой.

Использование историко-сравнительного метода позволяет выйти за пределы изучаемых явлений, на основе установления аналогий прийти к широким историческим обобщениям и параллелям. Данный метод в сочетании с методом отождествления и аналогии позволяет выявить общие и особенные черты в развитии государства. Метод периодизации позволяет выделить и ряд этапов в этом развитии.

В работе применен принцип системности. Он позволяет провести комплексное изучение разных явлений и процессов как элементов единой системы. Россия и российская история рассматривается нами как единая социально-культурная система во времени и пространстве, обладающая определенными цивилизационными чертами, специфическими закономерностями развития. Руководствуясь системным методом, автор представил исследуемую проблему в контексте обстановки анализируемого в работе периода как единый процесс.

В работе автор исходил из базовых принципов метода исторической реконструкции. основополагающую роль для воссоздания событий играют исторические источники, а суждения других исследователей второстепенны.

В исследовании использовались, в качестве удобного исследовательского инструментария, позволяющего акцентировать внимание на тех или иных сторонах исторического процесса, элементы ряда общих методологических подходов к историописанию. В первую очередь, учитывался культурно-исторический (или цивилизационный) подход. Он позволяет глубже исследовать такие явления, как традиции, основанные на религиозных взглядах, культурно-языковые особенности. Автором использован также ряд постулатов теории циклов исторического развития. Так, концепция исторической динамики, позволяет, на наш взгляд, качественнее оценить особенности периодов интеграции и дезинтеграции государства.

В процессе работы необходимым являлся междисциплинарный подход к историческому исследованию. Проблематика диссертации соотносится с несколькими областями наук. Это касается как специальных исторических дисциплин – палеографии, хронологии, генеалогии, – так и социальных наук (право, социология, политология). В связи с этим методологию исторического исследования было необходимо дополнить категориальным аппаратом, а также элементами методологии этих академических дисциплин.

Особым методологическим вопросом, на актуальность которого в отечественной историографии указывалось ранее, является соотношение по-

нятий «единое» и «централизованное» государство. Представляется, что для данной работы он имеет, однако, вспомогательное значение. Сторонники осторожного определения «единое государство» обычно концентрируют внимание на длительности процесса социально-экономической централизации, развитости центробежных тенденций в Московской Руси. Употребляя в настоящей работе термины «централизация», «централизованное государство», мы имеем в виду, прежде всего, политическую систему с ликвидацией удельного дробления, общегосударственным центральным аппаратом управления и чиновничьей иерархией, созданными к середине XVI в. Эти черты заметно отличали Московское государство от Киевского, и обозначение их идентичными терминами не кажется удачным. С другой стороны, темой диссертации является не собственно централизация, а складывание идеологии централизации, – идеологии сильной централизованной власти, – процесс, который, безусловно, относится к описываемому времени.

Другим вопросом, касающимся понятийного аппарата, является определение «литературные памятники». По традиции, сложившейся в отечественной и мировой науке, мы относим к этой категории все памятники повествовательной словесности, богословской и публицистической мысли рассматриваемой эпохи. В эту категорию включаются, конечно, летописи и хронографы, часто включающие, надо заметить, в свой состав самостоятельные памятники литературы, а нередко обладающие заметными литературными достоинствами. Такой подход обычно не оспаривается исторической наукой и источниковедением. Он отражен, в частности, в названиях академических книжных серий, призванных обобщить основные памятники древнерусской литературы: «Памятники литературы Древней Руси», «Библиотека литературы Древней Руси». Обе серии, подготовленные виднейшими отечественными учеными, включали в свой состав и наиболее известные летописные сочинения.

Хронологические рамки исследования определяются соответственно предмету исследования. Диссертация является обобщающей работой по

проблеме формирования идеологии централизованного Московского государства. В ней рассмотрены основные тенденции данного процесса в период XV-XVI вв. В этот период складывались единая территория государства, формировались характерные особенности института управления, складывалась отражаемая в литературных памятниках идеология возвышения власти. Вместе с тем, по неизбежности будут охарактеризованы отдельные явления и процессы XIII-XIV вв., ведущие к складыванию идеи централизованного государства. Начальная грань – XV век – это время, когда назрела необходимость перехода от дворцово-вотчиной системы управления к приказной, властные структуры теряли архаичность и приобретали черты государственного аппарата управления. В этот же период централизация Руси получает идеологическое оформление в памятниках исторической и иной литературы. Последняя грань определяется завершением политического объединения русских земель вокруг Москвы в XVI веке. В этот период в московской литературе, летописании, публицистике происходит переход от идеологического обеспечения процесса централизации к идеологическому обоснованию (или опровержению) необходимости существования самодержавной монархии. Рубежным в этом смысле явился период правления Ивана IV, рассмотрением которого и завершается работа.

Источниковая база исследования определена соответственно теме диссертации. Исследование опирается на обширный круг источников. Среди них; нормативно-правовые источники, летописи, позволяющие провести верификацию выводов, мемуарная литература, отражающая социокультурные традиции средневекового общества, каноническая литература, позволяющая раскрыть идеологию централизации через призму христианской традиции.

Основополагающим источником для изучения процесса централизации и идеологической платформы централизации являются летописи. Официальное великокняжеское летописание начинается в период царствования

Василия III, первым официальным сводом можно назвать свод 1508 г., дошедший до нас в составе Воскресенской и Софийской II летописи¹.

В 1518 году появляется еще один свод официального летописания, сохранившийся в составе Уваровской летописи, представленной двумя списками XVI в. Протограф Уваровского и Синодального списков, предположительно составлен между 1525–1530 гг. в Троице-Сергиевом монастыре.

Данный свод обнаруживается в Никоновской летописи, а также в составе Львовской, Воскресенской и Вологодско-Пермской летописях. Следующим за сводом 1518 г. памятником официального летописания был свод 1520 г. (сохранился в Иоасафовской, Никоновской, Воскресенской, Вологодско-Пермской, Львовской летописях и Софийской II)². Летописный свод

---

¹ Полное собрание русских летописей. (ПСРЛ). Т. 6. М., 2000; Пушкарев Л. Н. К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи // Проблемы источниковедения, вып. VIII. М., 1959; Сербина К. Н. Летописный свод 1518 г. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.-Л., 1963; Лурье Я. С. Новые памятники русского летописания конца XV в. // История СССР, 1964, № 6. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969; Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи. // ТОДРЛ. Т. XIII. М.-Л., 1957; Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы // Проблемы источниковедения. Вып. IV. М., 1955. Насонов А. Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. VI. М., 1958. Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962; Зимин А. А. Русские летописи и хронографы конца XV–XVI в. М., 1960; Пушкарев Л. Н. К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи // Проблемы источниковедения. Вып. VIII. М., 1959. Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения. Вып. III. М.-Л., 1940; Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV – начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.

² Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения, вып. III. М.-Л., 1940. Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV – начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С.158–165. Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года (Описи). М., 1960. Шмидт С. О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений // Труды МГИАИ, т. 8. М., 1957. Шмидт С. О. К истории Царского архива середины XVI в. // Труды МГИАИ, т. 11. М., 1958. Шмидт С. О. К истории составления Царского архива XVI века. // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 54–65. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (ДДГ). М.-Л., 1950, № 98; № 99; № 100; № 101; Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы // Проблемы источниковедения, вып. IV. М., 1955; его же. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения, вып. VI. М., 1958; М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962; Зимин А. А. Русские летописи и хронографы конца XV–XVI в. М., 1960; Библиография русского летописания (составила Р. П. Дмитриева). М.-Л., 1962; ПСРЛ, т. VI. М., 2000; Пушкарев Л. Н. К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи // Проблемы источниковедения», вып. VIII. М., 1959; Тихомиров

1526 г., продолжающий свод 1520 г., отразился в Вологодско-Пермской, Воскресенской, Софийской II, Львовской и Никоновской летописях. Еще одним памятником официального летописания первой трети XVI века является Московский свод 1533 г., вошедший в Воскресенскую летопись¹.

Тексты Царского архива дошли до нас в очень отрывочном виде. Советским исследователям удалось восстановить некоторые сведения Архива по описи, сделанной в 70-х годах XVI в.² В Царском архиве содержались документы государевой казны. Как известно, Казна являлась канцелярией великих князей³.

Большой интерес для исследования представляют духовные грамоты и докончания великих князей, среди них: духовная грамота Василия III (1523 г.), духовные грамоты князя Федора Волоцкого (1506 г.) и Дмитрия Углицкого (1521 г.), а также докончальная Василия III с Юрием Дмитриевским (1531 г.)⁴. В указанных грамотах определялись отношения между великим князем и удельными княжатами.

Интересны документы Посольского приказа, освещающие международную практику московских князей. Большая часть сохранившихся доку-

---

М. Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения», вып. III. М.-Л., 1940; Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV - начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.

¹ Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения, вып. III. М.-Л., 1940. Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV – начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.

² Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960.

³ См.: Шмидт С. О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений. -Труды МГИАИ, т. 8. М., 1957. Шмидт С. О. К истории Царского архива середины XVI в. – Труды МГИАИ, т. 11. М., 1958. Шмидт С. О.. К истории составления Царского архива XVI века // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950, № 98; № 99; № 100; № 101.

⁴См.: Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки, кн. 37; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950, № 98. № 99; № 100. № 101.

ментов Посольского приказа посвящена международным отношениям с Великим княжеством Литовским и Римской Империей¹.

Отношения духовной и светской власти освящены летописями, писцовыми и вкладными книгами, жалованными и указными грамотами монастырям. На сегодняшний момент историки располагают комплексом из более чем 400 грамот, а также упоминаний о них в более поздних источниках². Раскол представлен собранием сочинений Иосифа Волоцкого³. Посланиями митрополита Макария⁴, а также сочинениями старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея. Хорошо известны труды Вассиана Патрикеева и сочинения Максима Грека⁵.

Представляют интерес для исследования записки иностранцев о России (XVI в.). Например, «Записки о Московитских делах» барона Сигизмунда Герберштейна, которые содержат информацию о быте и государственном строе России⁶.

Стоит обратить внимание на то, что во многих литературных памятниках и, в первую очередь, в летописях выдерживается идея легитимности и преемственности власти русских князей, а также определяется высокий статус великих князей, которые в своем статусе приравниваются к великим православным императорам. Смена городов, как центров государства, рассматривается как этапы эволюции великокняжеской власти.

К концу XV в. идеология возвышения власти начинает прослеживаться по ряду литературных памятников. В «Новой пасхалии Зосимы» Москва объ-

---

¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. I. //Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.

² Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958; Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н.. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., часть третья // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968.

³ Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л., 1959.

⁴ Дополнения к Актам историческим. Т. I. СПб., 1846, № 25; АИ, т. I, № 292.

⁵ Максим Грек. Соч., ч. 1–3. Казань, 1859–1860; 2-е изд. Казань, 1894; Ржига В. Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века // ТОДРЛ, т. I; его же. Неизданные сочинения Максима Грека. Т. 6.

⁶ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.

является царствующим городом, а Иван III – новым Константином¹. Падение Византии способствовало идеологизации верховной государственной власти на Руси. Данная тенденция была развита уже в XVI в. в Посланиях Филофея, где Филофей вводит в оборот понятие «Москва – третий Рим»². Следующим шагом по пути формирования идеологической платформы централизации стало «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы, а также составленная на основе «Послания» 1-я редакция «Сказания о князьях Владимирских». «Сказанье» можно назвать официальной концепцией истории централизации Руси. Так, Русские великие князья рассматриваются в «Сказании» как преемники древнеримских кесарей и византийских императоров. Генеалогически «Сказание» связывает династию, княжившую на Руси, с родом римского императора Августа, соответственно Русь является прямой приемницей Римской империи и того статуса которой та в свое время имела в мире. «Сказание» не раз перерабатывалось, а легенда о происхождении Рюриковичей от императора Августа была включена во многие литературно-исторические памятники XVI-XVII вв., в том числе в общерусские летописные своды.

Важнейшим источником по политической истории и общественной мысли России середины XVI в. являются сочинения Ивана Грозного и Андрея Курбского – прежде всего, их переписка-полемика между собой³. Археографический обзор посланий Ивана Грозного в 1951 году был подготовлен Д.С.Лихачёвым и Я.С.Лурье⁴.

Значительный интерес в качестве источника, содержащего идеологию централизации, представляют хронографы. В исследовании рассматривается Хронограф 1512 года, где дается характеристика различных стран и народов,

---

¹ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. «Изложения Пасхалии» митрополита Зосимы. Вып.2. Ч.1., Л., 1988; Степанов Н.В. Новый стиль и православная пасхалия. М., 1907.

² См.: Гольдберг А. Л., Дмитриева Р. П. Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 471-473; Сеницына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998. С.138.

³ «Послания Ивана Грозного», М.-Л., 1951, С. 10.

⁴ Зимин А. А. Первое послание Курбского Ивану Грозному // ТОДРЛ. Т. 31. С. 176-201; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 251-292.

так Риму дана отрицательная характеристика, снабженная описаниями кровопролитий, несчастий и смертей, не лестно охарактеризованы и римские правители, отмечается, что умирали они не своей смертью. Православная Византия также представлена не в лучшем свете, чем католический Рим, положительной оценки удостоен только первый христианский царь Константин Великий. В противоположность Риму и Византии Российская земля благополучна. Однако все же не обошлось и на Руси без междоусобных войн и дурных знамений, описание которых доведено до 1451 года. Однако, Хронограф заканчивается оптимистично – «Наша же Российская земля Божию милостию и молитвами пречистыя Богородица и всех святыхъ растет и младеет, и возвышается, – ей же, Христе милостивый, дажь расти и младети, и расширяться и до скончания века»¹.

Подводя итог использованным в исследовании источникам, назовем главные из них в распределении по следующим группам:

1. Тексты Священного Писания. Среди них использовались, в первую очередь, наиболее влиявшие на идеологию Древней Руси ветхозаветные книги: Псалтирь, Притчи Соломоновы, Книга Премудрости Соломона, девтероканоническая Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, пророческие книги Исаяи, Иеремии, Иезекииля,
2. Переводные и оригинальные памятники домонгольского периода, привлечение которых было важно для анализа исследуемой темы: Хроника Иоанна Малалы, Хроника Георгия Амартола, «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, Палея Толковая, Физиолог, Киево-Печерский Патерик,
3. Литературные памятники: «Задонщина», «Житие Сергия Радонежского» Епифания Премудрого в редакции Пахомия Логофета, «Сказание о Мамаевом побоище», «Послание о Мономаховом венце» Спиридона Саввы; «Изложение Пасхалии» митрополита Зосимы, Послания Иосифа Волоцкого, послания старца Филофея, сочинения Вассиана Патри-

---

¹ Хронограф 1512 г. // ПСРЛ. Т.22, Ч.1. С. 439-440.

кеева, «Сказание о князьях владимирских», «Житие Зосимы и Савватия Соловецких», сочинения Максима Грека, послания митрополита Макария, послания Ивана Грозного, переписка его с Андреем Курбским; «История о великом князе Московском» Курбского.

4. Летописи: Симеоновская, Рогожская, Суздальская, Софийская 1, Вологодско-Пермская, Московский летописный свод конца XV века, Никоновская, Воскресенская, Львовская; Хронограф 1512 г.; Степенная книга.
5. Актовый, документальный и законодательный материал: уставы, духовные и договорные грамоты русских князей, Судебники XV–XVI вв., Стоглав, сохранившиеся документальные материалы Русского государства конца XV – первой четверти XVI в.
6. Записки иностранцев о пребывании в России: «Записки о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна; «Сказание» Альберта Шлихтинга; «Записки о Московии» Генриха Штадена.

Научная новизна определяется тем, что в работе проведено обобщающее исследование идеологической платформы, на которой был возведен фундамент централизованного государства, рассмотрены основные этапы централизации на основании литературных памятников. В значительной степени нова сама постановка научной проблемы, не разработанной до сих пор в полной мере на основе анализа литературных памятников эпохи.

Специфика русского исторического времени XV—XVI вв. заключалась в том, что осознание народом собственных сил и возможностей победы над Ордой рождало новые представления о власти, о системе «народ и власть», об ответственности власти и конкретных лиц, её олицетворяющих. Так рождались понятия «единство», «объединение», «общее руководство», «князь как защитник», «царская ответственность», «власть от Бога» и т.д. А поскольку Московское государство постоянно и довольно быстро расширялось территориально, то появлялось обоснование необходимости самодержавия и единоначалия. Территориально-пространственные особенности также в опре-

делённой мере влияли на выбор модели управления страной.

Из частных выводов, содержащихся в диссертации, надо отметить следующие.

- Доказано, что централизация стала возможной не только благодаря социально-экономическим и политическим преобразованиям, но и благодаря созданию серьезной идеологической платформы по возвышению статуса власти великих князей. На материалах литературных памятников автор доказал последовательное проведение концепции о божественных и исторических правах московских самодержцев на господство во всем православном мире. В полной мере эта идея проявляется в Хронографе редакции 1512 г., где исторический процесс рассматривается как смена царств, имевших мировое значение. В результате единственным центром православия становится Русская земля. Русь по мысли автора Хронографа, наследовала от Византии роль защитницы православной веры во всем мире. Эта же идея читается и в Никоновском летописном своде (40–50-е годы XVI в.). Здесь уже генеалогия русских князей увязывается с биографиями царей из всемирной истории. Особенное внимание уделяется падению Византии, причинам этого падения и возвышению Москвы, как центра православия и третьего Рима¹. На наш взгляд, свой окончательный вид концепция возвышения власти получила в «Сказанье о князьях Владимирских», а также в «Книге степенной царского родословия» (60-е годы XVI в.).

- Выявлено, что идея легитимности власти и высокого статуса власти великих князей русских стала очень рано проявляться в литературных памятниках. Так, данная идея хорошо просматривается на текстах Куликовского цикла. В частности в «Сказании о Мамаевом побоище» (Рогожский летописец 1412 г) великий князь Дмитрий в своем статусе фактически приравнен к царю Тохтамышу. В этом тексте враги Тохтамыша и великий князь Дмитрий выступают в качестве союзников против сынов Агари – войска князя Мамаю. Дмитрий же представлен хранителем Земли Русской и православной веры.

---

¹ ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862. С. XV–XX.

На наш взгляд, здесь впервые прослеживается идея единоначалия власти великого князя – защитника православной веры и всей Русской земли. Нелегитимная власть, представленная в тексте образом князя Мамай описывается нелицеприятными образами, принятыми в русской литературе, когда речь идет о неверных, в то время как царь Тохтамыш, представляющий легитимную власть, такими эпитетами не снабжается.

Таким образом, по нашему мнению, одной из ключевых линий, проводимых в тексте, является линия о легитимности власти, которая преподносится следующим образом – Мамай – князь, а не царь по рождению, послушавшись Тохтамыша, пошел с ратью на Русь, где ему оказал сопротивление великий князь Дмитрий Иванович. Последний – законный князь всея Руси в связи с чем по своему статусу он приравнен к царю. Заступничество и покровительство Бога возможно лишь в случае легитимности власти. Эта идея подчеркивается следующей деталью – в летописи перед «Повестью» размещен текст о кириопасхе, совпадении Пасхи и Благовещения. Такое совпадение действительно приходилось на 1380 год, что являлось очень редким явлением и особо почитаемым православным праздником. Именно в этот день под Божьим покровительством Дмитрий Иванович решает выступить против неверных. Притяннутость датировок не случайна и должна подчеркивать Божью волю.

- Выявлено, что идея возвышения великокняжеской власти проходит красной нитью во всех оригинальных литературных памятниках того времени, так обнаруживаем данную идею и в пространной редакции Повести о Куликовской битве в составе Софийской первой летописи старшего извода (около 1418 г.). Здесь Дмитрий Иванович выступает как защитник православной веры, как великий князь всей земли Русской. Мамай выступает и как захватчик, и как желающий уничтожить Русь гонитель христианства.

- Доказано, что основной идейной линией литературных памятников Куликовского цикла являлась идеология возвышения великокняжеской власти в союзе с Православной Церковью. В частности, рассказ об очном благо-

словении князя Дмитрия перед битвой Сергием Радонежским связан с целью возвышения союза Церкви в лице Сергия и власти в лице князя Дмитрия как оплота православия и государственности. Легенда о благословении должна была способствовать поддержанию в народе веры в единение светской и духовной власти против врага. Важным источником, позиционирующим ту же идею единения Церкви и власти является, на наш взгляд, само Житие Сергия Радонежского. Особое место в Житии занимает благословение Сергия. На наш взгляд, значение победы Дмитрия Донского очень хорошо осознавалось современниками великого князя, именно поэтому в Житии находим странное описание легендарного благословения данного Сергием перед боем.

- Доказано, что идеология возвышения Москвы и княжеской власти, обнаруживаемая в источниках того времени строилась на следующих основных положениях – Москва – третий Рим, великий князь московский – новый Константин, богоизбранный царь и защитник веры христианской и всей земли Русской. Первый Рим пал, потому что предал истинное христианство, по той же причине пал и Константинополь, Москва – третий Рим, центр христианского мира и столица христианского монарха будет стоять вечно. Так, уже в 1492 г. Московский митрополит Зосима в новой Пасхалии назвал Ивана Васильевича «государемъ и самодержцем всея Руси, новым царемъ Константиномъ новому граду Константину – Москвь»¹. Основная идея Зосимы – Константин основал Новый Рим, Владимир крестил Русь, а теперь Иван III является «новым царем Константином новому граду Константину-Москве. Выявлено, что сам факт возвышения княжеской власти во всех литературных памятниках раннего периода обязательно связывается с возвышением города, в котором находится трон князя, в этом случае город отождествляет собой Небесный Иерусалим. Данная идеологическая линия впервые проявляет себя в Повести временных лет.

---

¹ Тихонюк И. А. «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII – XVIII вв. М., 1986.

- Обоснованно, что составители ряда оригинальных средневековых произведений, как правило, работавшие по заказу великих князей, преследовали цель идеологически возвысить статус великокняжеской власти, данные сочинения также должны были использоваться в политической практике Русского государства с целью повышения статусности русского государства и русских князей на международных путях. Уже в XVI в. идея богоизбранности уже московского князя и его высокого статуса, как вселенского императора проявляется в «Посланиях» Филофея. Так, Филофей в Послании Василию III излагал концепцию «Москва — третий Рим», оказавшуюся одной из центральных идей в русской публицистике и историософии последующего времени. Данная идея обнаруживается в еще одном литературном памятнике – «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы, посвященное Мономахову венцу, в его основу легли легенды о царском венце и о происхождении русских царей от римского императора Августа. Легенда о происхождении русских великих князей от римского императора Августа легла в основу 1-ой редакции «Сказания о князьях Владимирских». Переработанный текст «Сказания» в части о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий был использован как вступительная статья к чину венчания Ивана IV на царство в 1547 г. Позже данная легенда вошла в Степенную книгу.

- Автором обосновывается, что описание царского венца в «Сказании о князьях Владимирских» не случайность, здесь прослеживается аналогия с ветхозаветными и новозаветными событиями, которую средневековые авторы обнаруживают во всех значимых событиях действительности и отражают, вкладывая определенный символический смысл, в своих произведениях. Так, венец Христа – символ царской власти, символ богоизбранности и легитимности власти. Именно эта идея так нужна была для проведения централизации и укрепления власти.

- Доказано, что политика опричнины, проводимая Иваном Грозным помимо социально-экономического и политического значения строилась на продуманной идеологической платформе, соответствующей религиозным

представлениям и ментальности того времени. Так, Опричный дворец был построен по образцу, описанным в книге пророка Иезекииля Града Божьего, который стал моделью для воплощения. Таким образом, как считает автор, расположение опричных территорий в Москве имело символическое значение и религиозную нагрузку. Выявлено, что символическое значение и религиозную нагрузку имели даже казни, проводимые в Москве по распоряжению царя. Как правило замученные сбрасывались в воду – с моста в реки, озера, в котлы с кипящей водой. Как известно, вода знаменует собой неверие. Таким образом, Царь, уподобившись Богу, карал неверных и отправлял их в ад. В соответствии с христианской риторикой ад находится в пропастях, на дне реки, которые после Страшного Суда зарастут травой. Можно заключить, что опричные казни, как показано в работе, превращались с идейной точки зрения в своеобразное русское чистилище перед Страшным судом. Царь приравнял себя к Богу, он пытался посредством казней воссоздать картину Страшного Суда.

Эпоха Ивана Грозного, характеристикой идеологических преобразований которой завершается исследование, имела, по нашему мнению, переломное значение для эволюции идеологии централизации. Необходимость последней теперь не ставилась под сомнение ни одной из противоборствующих в государстве политических сил. Идеология централизованного государства переросла в идеологию строительства самодержавной, по сути своей абсолютной монархии.

Научно – практическая значимость исследования заключается в том, что достигнутые в ходе него результаты могут быть использованы в дальнейшей разработке идеологических основ централизации Московского княжества, а также в преподавательской работе, при разработке и чтении учебных курсов и спецкурсов по истории России. Работа демонстрирует преимущества проблемного подхода при изучении одной из основополагающих проблем отечественной истории – проблемы централизации. При дальнейшем исследовании отечественной истории XV-XVI веков полезно было бы

учитывать предложенное в настоящей работе герменевтическое прочтение различных источников, при помощи которого выстраивается идеология централизации.

Автор пополняет историографию разработкой проблемы централизации не только с экономической и политической точки зрения, сколько с позиции, сосредоточенной на понимание идеологии власти, а также духовно-нравственных ценностей преобладающих в обществе.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в публикациях автора в рецензируемых изданиях. Соискатель выступал по теме исследования с докладами и сообщениями на различных научных форумах, в том числе на Международных конференциях «Высшее образование для XXI века» (2013 г., Москва), «Сучасні проблеми правового, економічного та соціального розвитку держави» (2014 г., Харьков), участвовал в научных конференциях и семинарах, проводимых в Московском гуманитарном университете, Московском городском университете управления Правительства Москвы¹.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка сокращений и Списка источников и литературы.

---

¹ Шилов Н.А. Русь средневековая: укрепление государственной власти и роль духовно-нравственного стержня // Управление мегаполисом. №1. 2014; Шилов Н.А. Московское средневековье: централизация и цивилизационное развитие // Там же; Шилов Н.А. Причины образования Русского централизованного государства // Знание. Понимание. Умение. №1. 2014; Плотникова О.А., Шилов Н.А. Московское государство: трансформация институтов управления на этапах централизации // Управление мегаполисом. №5. 2013; Плотникова О.А., Шилов Н.А. Система управления на Руси в XII-XVI вв. // Научные труды Московского гуманитарного университета. №11. 2013; Плотникова О.А., Шилов Н.А. Первые институты централизованной власти на Руси // Сучасні проблеми правового, економічного та соціального розвитку держави. Харків: Изд-во ХНУВС, 2014; Плотникова О.А., Шилов Н.А. Идеология централизации Московского княжества (по материалам литературных памятников) // Научные труды Московского гуманитарного университета. №3. 2014. С.16-24; Плотникова О.А., Шилов Н.А. Идеологи и идеология централизации Московского княжества (по материалам литературных памятников) // Новые гуманитарные исследования. Вестник Орловского государственного университета. №1. 2014.

Глава 1. МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО НА ПУТИ К ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Предпосылки объединения русских земель закладывались еще в домонгольский период, чему немало способствовали никогда не исчезавшие идеи религиозного и этнического единства.

Накануне монгольского нашествия самыми сильными были Владимиро-Суздальское, Галицко-Волынское, Черниговское, Рязанское княжества и Новгородская земля, потенциально способные стать центрами единения страны. Однако политическая раздробленность в начале XIII в., набиравшая силу, способствовала тому, что Русь не смогла оказать сопротивление нашествию Золотоордынских орд.

В условиях татаро-монгольского ига процесс централизации был больше обусловлен необходимостью противостояния захватчикам. Уже в начале XIV в. основным полюсом центростремительных сил становится Москва. Причины усиления Москвы различны, однако за внешними причинами скрыты не менее значимые причины идейной, духовно-нравственной природы. Именно эти причины, на наш взгляд, способствовали как возвышению Москвы, так и стремительному скачку от раннефеодального государства к централизованной монархии.

1.1. Возвышение Москвы и территориальное расширение Московского княжества

В XIII веке Северо-Восточная Русь была представлена разрозненными княжествами, каждое из которых тяготело к самостоятельности. Это – Ростовское, Суздальское, Галицко-Дмитровское, Владимирское, Городецкое, Тверское, Костромское, Московское, Смоленское, Переяславское, Стародубское, Ярославское, Углицкое и Юрьевское.

Если проследить судьбу этих княжеств, можно отметить что в основном в них закрепились потомки Всеволода Большое Гнездо. Так, в Галиц-

ко-Дмитровском княжества правили потомки Ярослава – младшего брата Александра Невского, в Городецком – потомки по линии сына Александра Андрей, а в Московском – потомки по линии еще одного сына Александра – Даниила¹. Наиболее развитыми из них являлись Смоленское и Суздальское княжества. Очевидно, что при условии мирного сценария, данные княжества могли усилить свое политическое и экономическое влияние и постепенно перерасти в крупные державы, однако этому сценарию не суждено было осуществиться из-за вторжения монголо-татар. На первых этапах в условиях монголо-татарского ига разобщенность между княжествами только усиливается. По выражению В.А. Кучкина «вместо «зрелого» полицентризма сложился «недозревший», к тому же под контролем внешней силы»².

Суздальское княжество не потеряло своих позиций и в условиях монголо-татарского ига чему были свои причины. Среди основополагающих причин В.А.Кучкин совершенно справедливо называет такие как: «слабая вовлеченность княжества в междоусобные войны 30–х гг. XIII в.; утверждение суздальских князей ко второй трети XIII в. на новгородском столе; практическое отсутствие до второй половины XIV в. проявлений литовской экспансии в отношении Суздальской земли; признание ее глав – великих князей владимирских – Ордой «старейшими» на всей Руси»³. Здесь стоит подчеркнуть, что ярлык на владение великим княжением владимирским могли получить только потомки первого владимирского князя – Ярослава Всеволодовича, так как его права на Владимирский стол были признаны Ордой. «Владимирское великое княжество было одним из самых крупных, а после включения в него в

---

¹ См.: Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984.

² См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С.112-114; Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С.35-37.

³ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С.112-113.

1276 г., в результате бездетной смерти коостромского князя Василя Ярославича, Коостромского княжества, стало самым крупным».¹

Таким образом, положение галицко-дмитровских, ростовских, стародубских, юрьевских и ярославских князей было по определению занижено по отношению к потомкам Ярослава, которые фактически становились верховными правителями Суздальской земли. Однако, князья других ветвей не теряли надежду получить ярлык на великое владимирское княжение, в результате чего только усиливалась междукняжеская рознь.

Некоторое время права на Владимирский стол не оспаривались, и там безмятежно правили Александр Ярославич и его брат Ярослав Ярославич, а затем Василий, однако уже Дмитриии Александровиче, старшего внука Ярослава Всеволодовича покой был нарушен. Права на Владимирский стол стал оспаривать старший сын Александра Невского – Андрей (городецкий князь). Русские князья вовлеки в междоусобную борьбу и ханов. Так, Андрей привлек на свою сторону сарайских ханов, в то время как Дмитрий поспешил воспользоваться поддержкой Ногая, с 1280 г. правителя западной части Орды. В результате в 80–90–х гг. князья Северо-Восточной Руси были разделены на две коалиции. В это время под властью Ногая находились Переяславское княжество (князь Дмитрий Александрович), Владимирское княжество (князь Даниил), Тверское княжество (князь Михаил Ярославович), а также Суздальское княжество, Юрьевское и Дмитриевское княжества. Сарайским ханам (до 1287 г. – Туда-Менгу, в 1287–1291 гг. – Тулабуга, с 1291 г. – Тохта) подчинялись Городецкое княжество (князь Андрей Александрович), Ярославское и Смоленское княжества (князь Федор Ростиславович), Ростовское княжество и Стародубское княжество².

Борьба князей переросла в военный конфликт, особую остроту военные конфликты получали при поддержке монголо-татарских войск. Так, в 1283-

---

¹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С.132.

² См.: Кучкин В. А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. М., 1996. № 5. С.12-22; Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. М., 1956. Ч. 1. С.121.

1284, когда Андрею удалось призвать войска из Волжской Орды, а также в 1294, когда в помощь Дмитрию были выслано войско Нагая. Однако, только после смерти Дмитрия в 1294 году Андрею удалось получить долгожданный Владимирский стол.

«Вторым по старшинству среди претендентов на владимирское княжение теперь стал Даниил Московский. И в 1296 г. он и его союзники Михаил Тверской и Иван Переяславский (сын Дмитрия Александровича) предприняли попытку отнять у Андрея часть великокняжеских прерогатив, а именно княжение в Новгороде»¹. Новгородский стол занял Даниил. И здесь не обошлось без вмешательства Орды, направленные Тохтой рати принудили Даниила вернуть Новгород Андрею. Даниилу, Михаилу и Ивану пришлось принять подданство Тохте и отступить от Ногая. С 1297 по 1299 гг. наблюдается открытая война между Тохтой и Ногаем, закончившаяся победой Тохты.

«В результате коалиция бывших союзников Ногая в Северо-Восточной Руси, до исхода внутри-ордынской борьбы сохранявшаяся, в 1300 г. распалась – Михаил Тверской перешел в стан союзников Андрея Александровича. Через два года умер (бездетным) племянник и союзник Даниила – Иван Переяславский, а год спустя, 5 марта 1303 г., – Даниил Александрович Московский»². Таким образом, как отмечает, И.Н.Данилевский, «на рубеже XIII–XIV вв. московские князья лишились могущественного покровителя в Орде, князей-союзников, наконец, формальных прав на великое княжение. Тем не менее, их деятельность была на удивление успешной»³. Воспользовавшись неразберихой в Орде Даниил в 1300 году повел войска на Рязань, в

---

¹ См.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.-Л., 1940. С.145-148; Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. М., 1956. Ч. 1. С.123-127; Егоров В. Л. Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С.138; Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // ОИ. 1995. № 1.

² См.: Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С.135; Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – начале XV в. // СР. Вып. 4. М. 2003.

³ См.: Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001. С.147-149; Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // ОИ. 1996. № 3; Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С.112-114.

1301 году Даниил уже отвоевал у рязанского князя Коломну, в 1302 г. присоединил к Москве Переяславльское княжество и в 1303 г. – Можайск. В итоге такой стремительной завоевательной политике важнейший водный торговый путь Москва-река оказалась полностью в распоряжении Даниила, а Московское княжество превратилось в одно из крупнейших княжеств Северо-Восточной Руси.

Здесь стоит оправдать действия Даниила, во многом продиктованными сложностью положения его сына Юрия. Получалось так, что Юрий оказался в затруднительном положении, так как не имел прав на владимирский стол. После смерти Андрея Юрий не мог претендовать на стол по нескольким причинам. Во-первых, он был младше двоюродного дяди Михаила Тверского, а также и сына Андрея Александровича – Михаила; во-вторых, он не мог претендовать на Владимирский стол, потому что его отец на нем не сидел.

В 1303 г. Даниил умер. Князем Московским становится его старший сын – Юрию. После смерти Андрея в 1304 году Юрий, не смущаясь приведенными выше аргументами стал предъявлять претензии на великое княжение владимирское и повел борьбу с главным претендентом по закону на Владимирский стол князем Михаилом Тверским.

Интересны по этому поводу замечания А.А. Горского, так исследователь указывает на то, что в истории и раньше встречались прецеденты, «когда князь, не являвшийся “старейшим” среди потомков Ярослава Всеволодовича, оспаривал великое княжение. Но во всех случаях это был второй по старшинству князь (имевший к тому же права на великое княжение “по отчине”): с Ярославом Ярославичем боролся его младший брат Василий, с Василием – его старший племянник Дмитрий Александрович, с Дмитрием – его младший брат Андрей, с Андреем – младший из Александровичей Даниил. Другие князья, независимо от того, насколько сильны они были, в борьбу за великое княжение не вступали. Юрий, таким образом, нарушил традицию, явно исходя из права силы»¹. Казалось бы что в этой ситуации московское

¹ Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С.112-114. С.117-119.

княжество должно затеряться среди многих других таких же неперспективных княжеств, как нам известно, ситуация складывается совершенно противоположная. Начиная с периода правления Юрия Даниловича, наблюдается возвышение Москвы и статуса московских князей.

Здесь необходимо обратиться к историографии вопроса. Многие исследователи, вслед за С.М.Соловьевым, К.Д.Кавелиным и В.О. Ключевским, главной причиной возвышения Московского княжества считают его выгодное и защищенное географическое положение на торговых путях, ведущих в Переславль-Залесский, Рязань, Ростов, а также Волжскую Болгарию. Однако, уже спустя несколько десятилетий некоторые исследователи приходят к выводу что немаловажными факторами возвышения являлась политика и идеология¹. Как мы выяснили, большую роль играло владение Владимирским столом, что помимо статуса давало много льгот и привилегий, именно поэтому Юрий ведет ожесточенную борьбу с тверским князем за Владимирский стол. Внешне эта борьба на первом этапе напоминала сложную шахматную игру. Так Юрий, не имея никаких законных прав на Владимир, решил заручиться поддержкой Орды, Юрий женится на сестре хана Узбека – Кончаке (Агафье) и в 1319 получает желанный ярлык на великое княжение. Однако, амбициозным планам Юрия не суждено было сбыться в 1325 году в Сарай-Берке его встретил Сын Михаила Тверского Дмитрий и убил, за что был схвачен ордынцами и казнен. Однако, Дмитрий достиг цели – ярлык перешел в руки Тверских князей. Уже при Иване Даниловиче успех вновь перешел к московским князьям, чему способствовало подавление Иваном мятежа тверичей, направленного против обременительных поборов монголо-татар. После этого московский князь получил ярлык на великое княжение владимирское от хана. Это, в свою очередь, укрепило авторитет Москвы среди других горо-

---

¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1988. С.129-131; Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т. 2. Ч. 2. 1988. С. 19 – 22; Гальперин Г. Б. Вопрос о форме правления Русского государства XV и первой половины XVI в. // Ученые записки Ленинградского государственного университета, серия юридических наук. Вып. X, Л., 1958. С.56-58.

дов и предопределило ее дальнейшую судьбу. Борьба тверских и московских князей закончилась победой последних¹.

При Иване Калите Московское княжество продолжало расширяться. В Москову переехал из Владимира при том же Иване Калите митрополит всея Руси Петр. В течение второй четверти – середины XIV в. к московским землям были присоединены Галич-Мерьский, Углич, Белоозеро, Дмитров, Кострома, Стародуб, Калуга. В конце XIV века, при сыне Дмитрия Донского и внуке Ивана Калиты, князе Василии I, в состав Московского княжества вошли Муром, Нижний Новгород и ряд территорий на окраине страны².

После свержения татаро-монгольского ига (1480), Русь получила самостоятельность, однако до конца XV века, ослабленная и дезорганизованная монголо-татарским игом все еще представляла собой раннее государство, как в организационном смысле, так и в социально-политическом являясь слабо-развитой структурой. В первую очередь это определялось слабыми связями между государством и обществом, между центральной властью и местным управлением, а также дезорганизацией в системе управления в целом.

Один из старейших властных институтов – дружина утратила свои прежние функции, большая часть дружины «осела» на землю, процесс оседания дружины на землю начался еще в XI веке, так что в XIV мы видим его завершение, при этом новый профессиональный аппарат принуждения еще не был сформирован. Князья уже раздают земли не за военную службу, а за государственную, при этом бывшие дружинники, получив в кормление земли, по-прежнему остаются вассалами князя³.

Еще хуже обстояло дело с вечем, так еще в конце XIV века вече уже исчерпало себя как властный институт. Однако процесс формирования мест-

---

¹ См: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С.167-169; Любавский М. К. Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1909. С.125-128.

² Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С.170-173.

³ См: Никольский С. Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // СР. Вып. 4. М., 2003. С.167-171; Плотникова О.А. Генезис и легитимизация института княжеской власти в древнерусском обществе VI–XII вв. М., 2010. С.149-153.

ных административных единиц заменявших собою вече не был закончен и к XVI веку, сначала этому препятствовало татаро-монгольское иго, затем политика великого князя, направленная на уничтожение зачатков местного самоуправления. Также в конце XIV устарело и требовало полной переработки судебное право, представленное «Русской Правдой», времен Мономаха и Мономаховичей. Утратил свое значение институт патриархальной семьи, как основа политического устройства. Кризис, который власть Москвы испытала в конце XIV-первой половине XV в., во многом был вызван этими и другими внутренними фактами. Политическая структура великого княжества сама по себе была источником серьезных проблем. Это было связано с тем, что в своей основе она сохраняла устаревшие принципы обычного права – старшинство великих князей, включавшее в себя руководство вооруженными силами и контроль над финансами в таких вопросах, как сбор налогов, «отчинные» права наследников в княжестве своего отца. И так не простую ситуацию усугубило завещание Дмитрия Донского, благодаря которому действие принципа «отчины» было распространено на ранее неделимую территорию Великого княжества Владимирского, в результате чего возникла опасность его распада. Еще одно нововведение Дмитрия, такое как великокняжеский дар, также создало серьезную угрозу для целостности страны и пошатнуло властные полномочия великого князя¹. Очевидно, что решить указанные выше проблемы можно было только в условиях авторитаризма.

При Иване III все жители Московского государства уже считались подданными государя (Белозерская уставная грамота, 1488 г.). Как минимум сентября 1484 г. использовался новый титул главы государства – «Государь всея Руси»², подчеркивавший авторитарный характер власти и ее притязания на

¹ См: Плотникова О.А., Шилов Н.А. Московское государство: трансформация институтов управления на этапах централизации // Управление мегаполисом. №5. 2013. С.78-82; Кучкин В. А. Московское княжество в XIV в.: Система управления и проблема феодальной государственной собственности // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. VI.1988. Ч. 2. С.231-234; Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С.187-189; Семенченко Г. В. Управление Москвой в XIV—XV вв. // ИЗ. VI. 1980. Т. 105. С.111-112.

² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.» (АСЭИ) Т. 2. М., 1953.

централизацию всей страны. Упрочению самодержавной власти способствовал брак Ивана III с Софией Палеолог, племянницей последнего императора Византии. Появившийся после этого новый герб Русского государства, соединивший московского Георгия Победоносца с византийским двуглавым орлом, воспроизводится на печатях Ивана III, несущих и его полный титул: «Божьей милостью государь всея Руси великий князь Иоанн».

Ликвидировав к началу 1480-х гг. зависимости Руси от Орды, Иван III переходит к решению задач окончательного уничтожения пережитков удельной децентрализации, формирования аппарата управления нового единого государства и консолидации подвластных Москве земель. К концу жизни первого «государя всея Руси» в состав Московского великого княжества были включены Ростов, Великий Новгород, Тверь, Ярославль, Двинская и Вятская земли. В зависимость от Московской Руси попала Казань. Войны с Великим княжеством Литовским привели под руку Ивана III Новосиль, Одоев, Воротыньск, Путивль, Белев, Трубчевск, Новгород-Северский и другие западнорусские города.¹

При Иване III серьезной реформации подвергается правовая сфера. Так, в 1497 г. на основе существовавших норм права и наместничьих уставных грамот, а также псковской судной грамоте был составлен общерусский Судебник. Судебник регламентировал судопроизводство, судебные пошлины, а также порядок ведения судов, как в центре, так и на местах².

Василий III, сын и наследник Ивана, правивший с 1505 по 1533 г., продолжал политику объединения страны и в основном завершил собирание земель вокруг Москвы. Василий III ликвидировал независимость Пскова и Рязани. На западе была присоединена Смоленская земля и часть Черниговщины. Была введена система местного управления, основанная на «кормлениях»

---

¹ См.: Пресняков А. Е. Московское царство // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С.112-113; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С.176-177.

² Штамм С. И. Комментарий к Судебнику 1497 г. // Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 2. С.154-157.

наместников за счет управляемых территорий, но при ограничении их власти центром. Сократилось число уделов¹.

Процесс присоединения земель сопровождался борьбой с пережитками раздробленности и ликвидацией местного самоуправления в бывших удельных княжествах, особенно остро шла борьба с местной новгородской властью, завершившаяся в конце концов разгромом Новгорода в 1570 году².

Еще одной угрозой центральной власти стала Церковь, так из союзника на первых этапах роста государства Церковь превратилась в опасного и могущественного соперника, – весь XVI век ознаменовался острой борьбой между светской и духовной властью. Политика секуляризации церковных земель и ограничения власти церкви нашла отражение в программах церковных соборов в 1503 г., 1550 и 1584 гг.

По подсчетам Д.К. Шелестова – «Иван III в 1462 г. получил в наследство территорию в 430 тыс. кв. км, в конце его царствования Россия занимала территорию в 5400 тыс. кв. км. Население Российского государства в XVI в., по подсчетам составляло 6–7 млн. человек»³. Примечательно, что территория росла гораздо быстрее, чем население страны. В XVI в. Россия включала такие обширные регионы, как Поволжье, Приуралье, Западную Сибирь. В то время как население страны сосредотачивалось в основном в черноземных районах средней полосы. В центральных районах страны наблюдалась наиболее высокая плотность населения – 5 человек на 1 кв. км. В тот же период в западноевропейских странах плотность населения на 1 кв. км составляла от 10 до 30 человек⁴.

Отнюдь не случайно политическая централизация сопровождалась собиранием в Москве святынь из различных русских земель. Проводилось данное собирательство все с той же целью усиления статуса московских князей

---

¹ См.: Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С.114-116; Кобрин В. Б. Власть и собственность в России (XV—XVI вв.). М., 1985. С.56-59.

² Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991. С.132-134; Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994.

³ Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987. С.89-88.

⁴ Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987. С.90.

и Москвы как вселенского, богоизбранного города. В Москву перевозились почитаемые иконы из Новгорода, Устюга, Смоленска. П.Н. Милюков характеризовал эту политику как создание «сокровищницы национального благочестия»¹.

Важным элементом утверждения православной церковности, тесно связанным с укреплением центральной власти единого государства, являлась общерусская канонизация святых. Особенно интенсивно происходила она уже при Иване IV. Только на соборах 1547-1549 гг. было канонизировано 39 угодников. По представлениям светской власти, этот процесс утверждал ее централизующую роль, но не должен был ограничивать ее².

В середине – второй половине XVI в., при Иване IV и Федоре Ивановиче, продолжалось расширение территории государства. Оно уже включило в свой состав обширные нерусские земли – Казанское ханство, Астраханское ханство, Западная Сибирь. Однако внутри России разворачивалась острая политическая и идейная борьба вокруг степени централизации, формы строительства нового государства. Боярство и крупная боярская земельная собственность продолжали существенно ограничивать центральную власть, периодически превращаясь для нее в серьезную угрозу. Противовес боярству великокняжеская, затем царская власть, искала в институтах сословной монархии представленной дворянством, духовенством, крестьянством и посадскими людьми³. Основным органом аристократии становится Боярская дума. Против сосредоточенной в ней привилегированной боярской верхушки в значительной степени была направлена репрессивная политика еще Ивана III, а в особенности Ивана IV, в период опричнины.

Тем не менее, при всех нерешенных задачах централизации, исторические события XIV-XV вв., ознаменованные поступательным возвышением

---

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Часть 1. Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб., 1896. С. 192-193.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: Часть 1. Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб., 1896. С. 197.

³ Гальперин Г.В. Формы правления Русского централизованного государства XV –XVI вв., Л., 1964. С.39-55.

московских князей и Московского княжества, привели к территориальному оформлению Российского государства.

1.2. Борьба великокняжеской власти с удельными князьями

Политическая структура великого княжества в конце XIV-первой половине XV в. основывалась на двух древних принципах обычного права: первый, – традиционное «старшинство» великих князей, включавшее в себя руководство войском и контроль над финансами, в первую очередь – сбор дани; второй, – «отчинные» права наследников в княжестве своего отца.

Завещание Дмитрия Донского распространило действие последнего принципа на ранее неделимую территорию Великого княжества Владимирского. Таким образом, возникла опасность его распада на небольшие полунезависимые политические единицы. Принудительное применение московскими великими князьями принципа «старшинства» на земли, находящиеся вне их традиционной патриархальной юрисдикции, вызывало сопротивление местных князей. Введение Дмитрием нового источника территориальных прав князей – великокняжеского дара – предоставили широкие возможности для дальнейшего разделения страны.

После смерти Дмитрия последовали разногласия между членами его семьи, и их противоречивые притязания вызвали обмен и передел территорий. В результате чего исчезла идея патриархальной семьи, служившая оплотом государственности. Произошло ослабление древних связей, державших вместе патриархальную княжескую семью, власть местного «старшего» князя заменила более сильная власть московского великого князя. В результате некогда суверенные княжества стали обычными землями, которые жаловались за службу князьям. Так князья растворились в массе бояр землевладельцев¹.

---

¹ См.: Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. М., 1939. С.112-114; Станкевич Н. О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Учен. зап. Московского университета. Ч. 5. М., 1834.

«Обояривание князей» продолжалось при Иване III и Василии III. Князья в присоединенных землях становятся боярами московского государя. В XV – XVI вв. Россия еще оставалась раннефеодальной монархией, и уделы находились в вассальной зависимости от центра. По мере того как московские великие князья стали делить свои земли и выделять их сыновьям, положение между центром и уделами где княжили княжата менялось в пользу самостоятельности последних. При этом старший сын, получивший «стол» великого князя, сохранял положение старшего князя.

С.Ф. Платонов указывал, что «со второй половины XIV в. вводится порядок, по которому старший наследник получал большую долю наследства, чем остальные, что давало ему решающее преимущество. К тому же он вместе с великокняжеским «столом» обязательно получал и всю Владимирскую землю»¹. Начиная с XV века отношения между великим и удельными князьями основывались на иммунитетных грамотах. Так называемые «защитные» грамоты, закреплявшие за бывшими удельными князьями в качестве наследственной собственности (вотчин) находившиеся у них земли взамен за службу князю, уже в начале XVI в. уходят в прошлое, и удельные князья подчинялись великому князю в силу его положения.

Таким образом, наблюдается рост центральной власти. Поддержание высокого статуса и полновластия требовало от великого князя больших усилий, чтобы не потерять власть князь старался ограничить полномочия удельных князей, в частности в области внутривластных и государственных дел, при этом суд по земельным и «разбойным» делам оставался в ведении удельных князей. К.А.Арсеньев отмечает, что «удельные князья имели свои дворцы с дьяческим аппаратом и дворцовыми селами. Городами и волостями управляли наместники и волостели с тиунами. Существовали и удельные бо-

---

Пресняков А. Е. Московское царство // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С.121-122.

¹ См.: Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Ч. 1. СПб., 1913. С.87-89; Фетищев С. А. К истории договорных грамот между князьями московского дома конца XIV – начала XV в. // ВИД. Вып. 25. М., 1994.С.178-179; Каштанов С. М., Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. «Археографический ежегодник за 1057 г.», М., 1958.

ярские думы»¹. Однако, власть сыновей великого князя в уделах не была ограничена. Все без исключения уделы облагались налогом (выход) в пользу великокняжеской казны, налог собирали местные даньщики и таможенники.

Такое неравноправное положение между великим князем и удельными князьями объясняется в первую очередь тем, что местные органы власти – дума, дворец, состояли не из местного населения, а из представителей московского боярства, не заинтересованных в развитии местных земель и местного управления. Удельные княжата и бояре также не противоречили центральной власти, так как были связаны с ней родственными узами. Таким образом, борьба удельных князей против великокняжеской власти заранее была обречена².

В сложившихся условиях великокняжеская власть набирает полноту, что становится очевидным, если проследить изменения в законодательной и судебной сферах с конца XV века. Так, если раньше административные, законодательные и судебные полномочия великий князь мог реализовывать только, как указывает С.М.Каштанов, «в пределах собственного домена, даже Москва делилась в финансово-административном и судебном отношениях между князьями-братьями, как правило, великие князья оставляли Москву своим наследникам на правах общей собственности»³.

Рассмотрим здесь в некоторых чертах судьбы бывших удельных княжеств. Так, например, Тверь после присоединения к Московскому великому княжеству представляла удел под управлением наследника престола Ивана Ивановича. По смерти Ивана Молодого (1490 г.) в Твери правил княжич Ва-

---

¹ См.: Арсеньев К. А. Об устройстве управления в России с XV до исхода XVIII столетия // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839. Отд. I; Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм // ИСССР. 1981. № 2; Гальперин Г.В. Формы правления Русского централизованного государства XV –XVI вв., Л., 1964.

² См.: Каштанов С. М. Русский «удел» XIV-XVI вв. как социально-политическое явление (правовые основы и практика) // Общество, государство, право России и других стран Европы. М., 1983. С.122-124; Каштанов С. М., Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. «Археографический ежегодник за 1057 г. М., 1958

³ Каштанов С. М. Русский «удел» XIV-XVI вв. как социально-политическое явление (правовые основы и практика) // Общество, государство, право России и других стран Европы. М., 1983. С. 45-48.

силей. Но его власть над Тверью скоро была ограничена. Полностью он потерял Тверь в 1497 г., когда власть перешла к местному боярству¹.

Присоединение к Москве Новгорода не лишило сил местного боярства к сопротивлению Новгород и его земли долгое время сохраняли черты самостоятельности. Центральная власть реализовала в Новгороде антибоярскую аграрную реформу. Однако, и эта мера не ликвидировала здесь оппозиции централизации и черты автономии.

Присоединение обширных земель Юго-Западной Руси привело к тому, что часть суверенных прав было сохранено за местной властью или служилыми князьями. В первую очередь, это произошло потому, что у центральной власти еще не был сформирован централизованный аппарат управления, способный справиться с огромной территорией. А.А.Зимин указывает, что «прослойка служилых князей занимала как бы промежуточное положение между удельными князьями и князьями Северо-Восточной Руси, потерявшими суверенные права на старые земли. Владение служилых князей рассматривалось правительством не как самостоятельное княжение, а как вотчина (безотносительно к тому, получил ли слуга ее от великого князя или она перешла к нему от предков). Служилый князь не был близким родичем великого князя и не имел никаких прав (в отличие от удельного) на занятие великокняжеского престола»².

Права и обязанности служилых князей хорошо просматриваются по докончаниям. Например, широко известно докончание 1459 г. составленное между Новосильским и Одоевским князем Иваном Юрьевичем, а также его братьями Федором и Василием Михайловичем с великим князем литовским Казимиром. Из докончания очевидно, что князья присягали на верность Казимиру и его детям, а также всем литовским князьям. Таким образом, теперь

---

¹ Гальперин Г.В. Формы правления Русского централизованного государства XV –XVI вв., Л., 1964. С.167-169; Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. История и генеалогия. Л., 1973. С.112-114.

² См.: Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С.122-123; Грановский А. Д. История местного управления в России. СПб., 1899. Т. III. С.231-234; Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // ОИ. 1996. № 3.

вся внешнеполитическая деятельность князей становилась подконтрольна Казимиру. За что Казимир обязался не претендовать на новосильские и одолевские земли. В докончании также указывается, что суд по всем спорным вопросам теперь должен быть совместным.

Как подчеркивает С.М.Каштанов, «в условиях докончания 1459 г. было много черт, близких к договорам русского государя с удельными родичами. Так, Иван III выступал от имени служилых в важнейших международных договорах (в частности, в договоре с Литовским княжеством 1494 г.). Служилые князья, как и удельные, участвовали со своими войсками в военных действиях Ивана III (в том числе и в русско-литовской войне начала XVI в.). Земли княжат-слуг не должны были выходить из-под великокняжеского суверенитета»¹. У нас также имеются договора Ивана III с удельными князьями, его братьями, содержавшие их обязательство не принимать «служилых князей» с вотчинами².

Вообще взаимоотношения центральной власти и служилых князей очень интересны, можно констатировать, что служилые князья по своему статусу были гораздо ниже удельных и приравнивались к слугам великого князя, при этом центральная власть постоянно ограничивала их влияние. Способы здесь применялись разные, например – замена земель, в результате чего терялась связь с местной аристократией и тем самым влияние, также как способ ослабления местной власти широко применялась опала. Стоит подчеркнуть, что служилые князья не могли местничать с княжатами и были к тому же отстранены от реального управления страной. В.Б. Кобрин пишет, «они не входили в Боярскую думу, не участвовали в переговорах с послами,

---

¹ См.: Каштанов С. М. Русский «удел» XIV-XVI вв. как социально-политическое явление (правовые основы и практика) // Общество, государство, право России и других стран Европы. М., 1983. С.131- 135; Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. История и генеалогия. Л., 1973. С.119-121.

² См.: Гальперин Г.В. Формы правления Русского централизованного государства XV – XVI вв., Л., 1964. С.87-89; Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. 2. СПб., 1902. С.112-114; Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в., М.-Л., 1957. С.201-202; Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. История и генеалогия. Л., 1973. С. 161-188.

не посылались наместниками. Постепенно, по мере формирования и укрепления государственного аппарата, их политическая роль уменьшалась»¹.

Итак, в результате серьезного расширения государственной территории, благодаря присоединению последних самостоятельных княжеств и ликвидации уделов появилась потребность в создании централизованного аппарата управления этими территориями. Первоначально управление новыми территориями было отведено в ведомства Дворца, т.е. попало в управление местных дворецких, ведомства которых были организованы по принципу центрального ведомства.

1.3. Реорганизация системы управления на Руси XV – XVI вв.

С расширением границ государства изменяется и расширяется и система управления им. Так уже в XIV веке были созданы два основных ведомства, которые условно можно обозначить, как «Дворец» и «Вотчина». Во главе дворцового ведомства стоит дворецкий (дворский), управляющий пашенными княжескими крестьянами. К дворцовому ведомству относятся подведомства, так называемые «пути» – стольничий, ловчий, сокольничий, конюшенный, чашничий и др., которые существовали для блага князя и его окружения. Возглавляли «пути» «большие» и «путные» бояре. Эти отличия между боярами, зафиксированы и найдены в документах конца XIV в., что говорит о разделении деятельности бояр по выполнению управленческих функций. Существовали также и придворные чины – постельничий, кравчий, конюший и др.²

Административные единицы – уделы, волости возглавляли управляющие, которые содержались на деньги местного населения, т.е. получали «корм», посредством проведения натуральных и денежных поборов. Корм-

---

¹ См.: Кобрин В. Б. Власть и собственность в России (XV–XVI вв.). М., 1985. С.156-157.

² См.: Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 15-18; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV-XV вв. СПб., 1998. С.22-25.

ленщики жили за счет различного рода пошлин, которые они брали с населения, среди них – «конское пятно», «полавочное», «поворотное» и др. За это кормленщики выполняли службу по управлению выделенной им землей. В их обязанность входило содержание военных отрядов для обеспечения безопасности вверенной им земли. Как правило, кормленщики присылались из Москвы и в отличие от местного населения, они не были заинтересованы в развитии доверенных им земель и рассматривали службу, как способ личного обогащения. Власть кормленщиков не распространялась на боярские вотчины. Княжата и бояре, долгое время, сохраняли иммунитетные права и могли управлять своими землями без вмешательства из центра¹.

Усложнение системы ведомств «Дворец» и «Вотчина» привело к расширению их функций и смене самого статуса. Так, ведомство «Дворца» было наделено функциями центрального управления. Однако оно находилось под управлением и контролем великого князя и состояло оно из лиц, исполняющих личные его поручения по управлению землями. Теперь выполнение обязанностей в системе управления больше не носило характер княжеского поручения, а становилось постоянной службой. На смену системе поручительств пришла система государственного управления с разветвленным аппаратом управления².

Из состава дворцовой службы выделилась Великокняжеская Казна, которая стала отдельным ведомством. «Казна» представляла собой хозяйственное ведомство, наделенное как финансовыми, так и общегосударственными полномочиями. В ее компетенцию входила внешняя политика, государственный архив, кадровая политика по военному и административному ведомствам. Еще одним шагом к новой системе государственного управления ста-

---

¹ Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С.19; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV-XV вв. СПб., 1998. С.26-28.

² См.: Кучкин В. А. Московское княжество в XIV в.: Система управления и проблема феодальной государственной собственности // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. VI.1988. Ч. 2. С. 171-176; Плотникова О.А., Шилов Н.А. Система управления на Руси в XII-XVI вв. // Научные труды Московского гуманитарного университета. №11. 2013. С. 4-12.

ло создание великокняжеской канцелярии с архивом и иными подразделениями, куда уже в XIV- первой половины XV вв. входили дьяки, которые и вели все канцелярские дела. Расширение структуры управления не прошло бесследно, так информацию о ней мы находим в актах, отражающих земельные и другие сделки¹.

С конца XV в. дворцовым хозяйством уже не заведует челядь великого князя, управление этим хозяйством переходит в руки боярства. Дворцовый аппарат оказался удачным инструментом в борьбе великих князей против феодалной знати. Звания конюшего, дворецкого были пожизненными и даже передавались по наследству, лишиться этих званий можно было только в результате вхождения в Боярскую Думу или в результате опалы². Уже начиная со второй половины XV в. происходит разделение между государственными (черными) и «дворцовыми» землями, которые использовались под обеспечение нужд великокняжеского двора.

Государственные земли управлялись наместниками под контролем Боярской думы, управлять последними было поручено дворецким. Дворцовыми территориями управляли дворецкие, они же занимались обменом и межеванием земель великого князя, судили, давали земли на оброк³. Стоит отметить, что по мере становления централизованной системы управления расширялся и фронт полномочий дворецких. Дворецкие, например, также как и казначеи осуществляли контролировали кормленщиков. Подписывали жалованные грамоты. В их распоряжении находились дьяки, специализирующиеся на выполнении разных государственных служб.

---

¹ См.: Кучкин В. А. Московское княжество в XIV в.: Система управления и проблема феодалной государственной собственности // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М., 1988. Ч. 2. С. 176-178; Плотникова О.А., Шилов Н.А. Система управления на Руси в XII-XVI вв. // Научные труды Московского гуманитарного университета. №11. 2013. С. 4-12.

² Водов В. Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в.-1425 г.) // ИЗ. М.. 1979. Т. 103. С.178-179.

³См.: Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998. С.35-40; Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. – АЕ. 1968. М., 1970. С.118-122.

По замечанию В.Б. Кобрин, «великокняжеские дворецкие в большинстве происходили из среды нетитулованного боярства, с давних пор связанного с Москвой. Конечно, при назначении на эту должность играли большую роль и другие важные обстоятельства (служба при великокняжеском дворе, родственные связи с придворным окружением и др.)»¹.

Хорошо известен по источникам первый дворецкий – Иван Борисович Тучко-Морозов, попавший в опалу и оставивший должность. Дворецким был назначен князь Петр Васильевич Шестунов (1490-1506 гг.). Конюшим в те же 70-е годы, вероятно, был брат Морозова – Василий Борисович Тучко.

Первое упоминание об особом новгородском дворецком встречается в разрядных ведомостях от 1475 г., им был Роман Алексеев, затем его сменил Иван Михайлович Волинский, а в августе 1495 г. дворецким был назначен Василий Михайлович Волинский².

После присоединения Твери к Москве образовался тверской дворец. Тверской дворецкий упоминается в завещании Ивана III (конец 1503 г.). Мы имеем информацию о калужских и старицких дворецких. После создания Калужского удела в 1503 году местное ведомство Дворца прекратило свое существование³.

Л.В.Черепнин отмечал, что «функции областных дворецких были близки к компетенции дворецких Государева дворца. В их руках сосредоточивался надзор за судебной-административной властью наместников, волостелей и городчиков. Они осуществляли высшие судебные функции в отношении местных феодалов, черносошного и дворцового населения. Дворецкие контролировали выдачу иммунитетных грамот местным феодалам. В конце XV – начале XVI в. все важнейшие отрасли государственного управления постепенно берут в свои руки дьяки великокняжеской канцелярии (Казны). Под

---

¹ См.: Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой Руси. М., 1984. С.112-114; Ливанов И. К. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв., М., 1960. С.189-191; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. М., 1939. С.156-158.

² Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М., 1982. С.115-117.

³ Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е. Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII в. Л., 1957. С. 69.

руководством казначея они ведают посольскими делами. Такие дьяки, как Федор Курицын, Третьяк Долматов, Андрей Майко, Василий Кулешин, Данила Мамырев, стали видными политическими деятелями. Дьяки Государевой казны начали вести делопроизводство и по военно-оперативным делам. Дьяки начинают ведать и составление великокняжеского летописания»¹.

В конце XV – начале XVI в. разросшийся дьяческий аппарат претерпевал реорганизацию. Количество дьяков к началу XVI века составляло более 70 человек, из них более 20 дьяков служили в удельных княжествах. Структура дьяческого аппарата центрального Дворца подразделялась на конюшен-ных, земских, дворцовых, ямских дьяков. Как указывает П.А.Садиков, упомянутая в Хронографе «цифра [14 великокняжеских дьяков] примерно отражает реальное число придворных дьяков (если не учитывать ямских и городских)»².

В середине XV в. наибольшее значение приобретает ямская гоньба. Ямские дьяки составляли полные грамоты на холопов. Натуральная ямская повинность уже к началу XVI века была заменена денежным платежом. Ямская служба стала регулярной, это было связано, в первую очередь, с расширением сети дорог, постепенно формировался и штат ямщиков. Очевидно, что необходимость расширения сети дорог была вызвана экономическим ростом русских земель и военно-стратегическими задачами³.

В XVI веке дьяки входили во все органы государственной власти – Боярскую Думу, Казну, Дворец. Очень скоро служба Дворца переросла в Приказную систему. В связи с тем, что в дьяческой среде был применен принцип специализации, создание приказной системы было подготовлено работой дьяческой службы по функциональному, а не территориальному принципу.

¹ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1960. С.125-129.

² См.: Садиков П. А. «Кормленные дьяки» и вопрос о происхождении приказов-четей в Московском государстве XVI столетия // Сборник статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С.122; Кобрин В. Б. Власть и собственность в России (XV–XVI вв.). М.,1985. С.185-187.

³ Кучкин В. А. Московское княжество в XIV в.: Система управления и проблема феодальной государственной собственности // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М.,1988. Ч. 2. С.189-201.

По мере расширения территории государства появились и новые задачи не только у службы Дворцы. Так, значительную реформу переживает великокняжеская канцелярия – Казна, функции казначея выделяются в особую должность. Казначей, назначаемые из приближенных людей великому князю, теперь осуществляют руководство дипломатией. Н.П. Павлов-Сильванский указывает, что «первыми казначеями стали Ховрины, потомки греков, вышедших из Суροжа, и прибывшие в свите Софьи Палеолог. В период с 1491 по 1509 гг. казначеем был назначен Дмитрий Владимирович Ховрин. Уже в XV в. помощником казначея становится печатник, ведавший государственной печатью, он прикладывал печать к правым грамотам, приставным и другим. Первые сведения о печатниках относятся к началу XVI в, известно, что в 1503 г. печатником был Юрий Малый Дмитриевич Траханиот»¹.

Одним из самых приближенных к великому князю лиц был постельничий. Он распоряжался «постелью» государя. Возможно, ему доверялась личная канцелярия князя. Известен постельничий Ивана III – Иван Море. Следующими за постельничими на иерархической лестнице дворцовых чинов находились ясельничие и ловчие, которые набирались из дворян, захудалых ветвей.

Возможно также, что человек, выполнявший функции постельничего мог совмещать их с выполнением обязанностей ловчего. Известно, что в ноябре 1474 г. на должность ловчего официально был назначен Григорий Михайлович Перхушков. Также известны фамилии ясельничих, – «с 1495 по 1496 г. эту должность при великом князе занимали Федор Михайлович Викентьев и Давыд Лихарев. Викентьев продолжал исполнять эту должность и в июне 1496 г., а Д. Лихарев был ясельничим и в 1502 г., когда был назначен в посольство в Большую Орду. Викентьев в 1501 проводил разъезд зе-

---

¹ См.: Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1909. С.112-114; Кучкин В. А. Московское княжество в XIV в.: Система управления и проблема феодальной государственной собственности // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. VI.1988. Ч. 2. С.167-169; Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М., 1982. С.189-191.

мель»¹. Сокольничие, ловчие, ясельничие и постельничные все время находились при великом князе, как известно, они могли влиять не только на настроение великого князя, но и на его политические решения. Среди сокольничих, начала XVI века можно назвать Михаила Степановича Кляпика, он был приближенным княжича Василия.

А.А. Зимин отмечает, что «некоторые упоминания о дворцовых должностях – сокольничие, ловчие, конюшие и др. и их «пути» встречаются еще в докончаниях детей Ивана Калиты. До 1462 г. обнаруживаются упоминания «чашничном пути» и о «стольничем пути»².

Историю приказов как постоянно действующих ведомств И.И. Вернер начинал «с появления дьяков в качестве постоянных, специально назначенных и необходимых товарищей».³ В советской историографии самая развернутая концепция зарождения и развития приказного строя принадлежит А. А. Зимину⁴, который в значительной степени опирался на работы П.А. Садикова. Последний пришел к выводу, о том что «приказ как личное поручение лишь в середине XVI в. трансформируется в приказ-постоянное ведомство и называется в источниках “избой”. Сам термин “приказ” появляется значительно позже, уже во время опричнины. Именно к этому времени следует относить становление приказной системы управления»⁵.

Рассматривая первые проявления приказной системы, необходимо говорить о периоде конца XV века, при этом стоит учитывать, что в это время как государственное ведомство оформилась только Казна (канцелярия великого князя). В конце XV в. наблюдается реформация и другого значимого ве-

---

¹ Кобрин В. Б. Власть и собственность в России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 128-131; Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М., 1982. С.198-199.

² См.: Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV-первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1971. Т. 87. С.176-177; Гальперин Г.В. Формы правления Русского централизованного государства XV –XVI вв., Л., 1964. С.76-78.

³ Вернер И. И. О времени и причинах образования московских приказов //Ученые записки Лицея в память цесаревича Николая. М., 1907. Вып. 1. С. 3, 4.

⁴ См.: Зимин А. А. О сложении приказной системы на Руси / Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. III, М., 1954; Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. М., 1958. Т. 63.

⁵ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины / Подгот. В. Г. Гейман, Б. А. Романов, И. И. Смирнов. М.; Л., 1950. С. 217.

домства – Дворца. Выделение из Казны изб-приказов со своими специфическими функциями (казенный, земский, ямской (почтовый), разбойный, разрядный, поместный и т. д.) относится к 40-м-50-м гг. XVI в.¹ Именно в середине XVI в. «стали явственно вырисовываться очертания приказного управления». Таким образом, усиление централизации в XVI веке проявляется в полной реорганизации системы управления.

А.А.Зимин в своей работе «Дьяческий аппарат...», указывает, что уже в период правления Ивана Грозного наблюдается четкое разделение функционала в приказной системе. Так, «внешней политикой занимался Посольский приказ, Адашеву был поручен Челобитенный приказ. Поместный приказ ведал землевладением. Разбойный приказ разыскивал и судил “лихих людей”. Сбор дворянского ополчения и назначение воевод были в компетенции Разрядного приказа. В 1550 г. созданные еще при Василии III отряды пищальников были преобразованы в стрелецкое войско, ими ведал Стрелецкий приказ. Финансовые дела находились в компетенции Большого прихода и Четвертей (Четей). С присоединением Казанского и Астраханского ханств создается приказ Казанского дворца. Окончательное оформление и развитие приказной системы приходится на следующее столетие»².

Приказы исполняли решения царя и занимались изданием подзаконных актов. Любые челобитные или отписки адресовались на имя царя³. Многие из них, как минимум, действительно «читались» царю. А.А.Зимин отмечает, что «документы, отправляемые местными органами государственной власти, на-

---

¹См.: Зимин А. А. 1) О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. М., 1958. Т. 63. С. 180-205; 2) Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 179, 183; 3) Дьяческий аппарат в России второй половины XV-первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1971. Т. 87. С. 285; 4) Россия на пороге нового времени // Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 413.

² См.: Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. М., 1958. Т. 63. С.159-167.

³ См.: Седов П. В. 1) Деятельность боярских придворных комиссий XVII в. в отсутствие царя в Москве // Российская государственность: этапы становления и развития. Кострома. 1993. Ч. 1. С. 41- 46; 2) Деятельность боярских надворных комиссий XVII в. в отсутствие царя в Москве // Studia I humanislica. СПб.. 1996. С. 73 – 86; Зимин А. А. О сложении приказной системы на Руси // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. III. М., 1954. С.203-205.

зывавшиеся “отписками” и адресовались на имя царя, с пометкой в какой приказ должна быть отдана отписка. Царские грамоты наместникам и воеводам отправлялись из приказов от имени царя. В своей деятельности наместники и воеводы руководствовались “наказами”, которые выдавались им в приказе, производившим назначение на данную должность»¹.

«Отписки», поступавшие в приказы из местных органов власти, рассматривались дьяками и судьями в приказах. Отписки также содержали пометки дьяков, например, – «послать во Псков и иные города память, чтоб жилъ с великим береженьем», читаем на отписке воевод из Каргополя от 1614 г.²

Как уже указывалось, некоторые вопросы, относящиеся к компетенции того или иного приказа, могли доводиться до сведения царя или рассматриваться в Боярской Думе. После рассмотрения, зачастую принятие решения все же оставлялось за приказом. В таких случаях на документах обнаруживаются отметки следующего рода: «чтена», «государю чтена», «государю и бояром чтена», «бояром чтена»³. На некоторых челобитных обнаруживаются пометки вроде: «Государь пожаловал, велел отпустить»⁴, «августа в 11 день бояре приговорили не посылать»⁵, «августа в 29 день бояре приговорили отпустить»⁶. Конечно, решения не принимались спонтанно.

В XVI веке царь и Боярская дума все еще определяли компетенцию приказов, к тому же контролировали деятельность приказов, а в некоторых случаях и принимали решения по отдельным вопросам, относящимся к компетенции приказов. Органы власти на местах также были подчинены решениям царя и Боярской Думы, такая ситуация наблюдается как в первой по-

---

¹ См.: Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV-первой трети XVI в. // ИЗ. VI. 1971. Т. 87. С.163-166; Павлов А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584-1605) // ИЗ. М., 1988. Т. 116; Павлов А. П. Эволюция четвертных приказов в конце XVI-начале XVII в. // АРИ. Вып. 3. 1993. С. 122-126; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1909. С.56-58.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 103-105.

⁴ Акты Московского государства / Под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1. № 125. С. 154.

⁵ Там же. С. 130.

⁶ Там же. С. 131.

ловине XVI века, когда местные органы власти были представлены наместниками, так и во второй половине XVI века, когда наместников сменил и его аппарат.

«Любые отношения между приказами производились путем отправки специального документа – “памяти”. “Памяти”, содержавшие сообщения о распоряжениях царя по конкретным вопросам, затребования справок и т. п., посылались из Разрядного приказа в Поместный приказ, из приказа Большого дворца в Разрядный приказ, из Разрядного приказа в приказ Казанского дворца, из Владимирской четверти в Разрядный приказ, из Разрядного приказа в Иноземный приказ и т. д.»¹

К.А. Неволин классифицировал приказы по двум критериям: «территориальному и функциональному»². А. С. Лаппо-Данилевский считал, что «разграничение деятельности приказов строилось на основе территориально-словного принципа»³. И. И. Вернер выделял лишь дворцовые и государственные приказы⁴.

А. В. Чернов предлагал выделять государственные, дворцовые и патриаршие приказы⁵. По совершенно верному выражению А.В. Чернова, «в полной мере обладая исполнительной функцией, приказы были фактически достаточно ограничены в распорядительной деятельности, осуществляя ее в отношении органов местной власти в той мере, в которой это допускалось в данный конкретный момент времени царем или Боярской думой»⁶.

---

¹ См: Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV-первой половине XVI в. М., 1961. С.155-156.

² Неволин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // ЖМНП. М., 1844. Ч. 41. № 1/3. С. 143-144.

³ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 453-473.

⁴ Вернер И. И. О времени и причинах образования московских приказов // Ученые записки Лицея в память цесаревича Николая. М., 1907. Вып. 1. С. 4-5.

⁵ Чернов А. В. О классификации центральных государственных учреждений XVI-XVII вв. // ИА. 1958. № 1. С. 195-201.

⁶ Чернов А. В. О классификации центральных государственных учреждений XVI-XVII вв. // ИА. М., 1958. № 1. С. 195-201.

А. А. Зимин указывал на «функциональный принцип приказной системы, как основополагающий критерий при разграничении полномочий между приказами»¹. А. К. Леонтьев выделяет пять групп приказов: «административные и судебно-полицейские; областные; военные; финансовые; дворцовые»².

Свою классификацию приказов предложил Питер Браун. Он выделил четыре группы приказов: «территориальные (общегосударственные), дворцовые, личные царские и патриаршие приказы»³.

Стоит отметить, что все исследователи прорабатывающие вопрос развития приказной системы в России, сталкивались с многочисленными трудностями, и, в первую очередь, эти трудности были связаны с определением критериев определения полномочий приказов⁴. Отсутствие строгого разделения компетенций было во многом вызвано тем, что компетенции определялись самим царем или Боярской Думой, в связи с чем зачастую эти компетенции и менялись по воле царя или Боярской Думы. По убеждению Дж. Кипа «отсутствие четких критериев определения компетенции приказов на практике приводило к значительным сложностям в управлении в связи с чем система приказного управления была малоэффективной»⁵. Некоторые приказы имели очень узкие функции и, как правило, не долго существовали. Среди них, можно назвать, некоторые военно-строительные приказы (Городовой,

---

¹ Зимин А. А. 1) Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 181-182, 184-185 (примеч. 4); 2) Дьяческий аппарат в России второй половины XV-первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1971. Т. 87. С. 281, 283-284, 286; 3) Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 409, 413; 4) Россия на рубеже XVI-XVII столетий. М., 1982. С. 250—251, 254, 317.

² Леонтьев А. К. Государственный строй // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1. С. 315.

³ Brown Peter B. Muscovite Government Bureaus // Russian History. 1983. Vol. 10. Pt. 3. P. 287-288 и далее.

⁴ См.: Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 276; Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964. С. 134- 167; Леонтьев А. К. Государственный строй // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1. С. 313; Демидова Н. Ф. Государственный аппарат России в XVII в. // ИЗ. М., 1982. Т. 108. С. 109-154.

⁵ Keep John L. H. The regime of Filaret, 1619—1633 // Slavonic and East European Review. 1960. Vol. 38. №91. P. 345.

Засечный, Бронный¹, Каменных дел²). Существовало множество и других мелких приказов³.

Однако все приказы имели судебную власть, в их распоряжении находились в той или иной мере финансовые вопросы, приказы получали судебные пошлины. При этом стоит выделить приказы, обладавшие особенными компетенциями в финансовой сфере и в вопросах управления государственным имуществом – это Казенный приказ, приказ Большого прихода и приказ Большого дворца. Еще два немаловажных приказа – Ямской и Конюшенный занимались обеспечением средств и путей сообщения. В результате реформ 30-50-х гг. XVI в. возникли еще два приказа – Разбойный и Земской, в их компетенцию входило расследование преступлений, суд и приговоры. В прерогативы Земского приказа входило и общее управление Москвой. Внешней политикой занимался Посольский приказ. Защиту прав холопов обеспечивал приказ Холопьевого суда⁴.

Такое разделение функционала говорит о наличии уже в XVI веке развернутой системы специализаций⁵. Однако, разделение по специализациям не снимало компетенций по территориальному признаку, даже занимавшийся международными делами Посольский приказ управлял многими городами и землями⁶.

По словам Б. М. Лазарева, «эффективная, четкая и слаженная деятельность аппарата государственного управления во многом зависит от правиль-

---

¹ См.: Бугапов В. И. 1) О Городовом приказе в России XVI в. // ВИ. 1962. № 10. С. 211-214; 2) Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов в 1577-1578 гг. // АЕ за 1964 г. VI.. 1965. С. 290-315; Каштанов С. М. 1) Еще раз о Городовом приказе XVI в. // ВИ. 1963. № 11. С. 211-213) Известие о Засечном приказе в XVI в. // ВИ. 1968. № 7. С. 204; Демидова Н. Ф. Приказы. Стб. 563.

² Сперанский А. Н. Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. М., 1930.

³ Сперанский А. Н. Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. М., 1930.

⁴ Водов В. Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в.-1425 г.) // ИЗ. М., 1979. Т. 103. С. 325-350.

⁵ Веселовский С. Б. Приказной строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912. Т. 3. С.115-117.

⁶ Белокуров С. А. О Посольском приказе // ЧОИДР. 1906. Кн. 3. Отд. 4. С. 37.

ного по существу и точного определения компетенции каждого органа управления, от полной его реализации строгого соблюдения границ»¹. Тем не менее, как отмечал С. Б. Веселовский, «успехи, которые сделало Московское государство с конца XV в. до уничтожения приказов, очень значительны, и нет никаких оснований говорить, что они были достигнуты несмотря на приказную систему, а не при помощи ее»².

Система приказных учреждений на протяжении XV- XVI вв. постоянно реформировалась. Рассматривая приказную систему с позиции взаимообусловленности и взаимозависимости всех частей единого целого В.Б.Веселовский считал, что можно выделить несколько основополагающих этапов в развитии приказной системы в Российском государстве – «конец XV-середины XVI вв. – до реформ Ивана IV; вторая половина XVI-начало XVII в.; 1613-1649 гг. – до Соборного уложения 1649 г.; 1649-1696 гг. и 1696-1704 гг. – до создания первых канцелярий»³.

Приказы, созданные во второй половине XVI века, отличаются системностью и структурированностью. Так, в этот период был создан житный (житенный) приказ, который был призван обеспечивать жизнедеятельность монарха. В 1573 году появился постельный приказ, обеспечивающий работу домашних мастерских на нужды царя и царской семьи⁴.

Особо необходимо выделить Челобитный (Челобитенный) приказ, являвшийся высшей апелляционной инстанцией⁵. Примечательно, что, например, обжалование решений по спорам, рассмотренным в Поместном приказе, допускалось только через Челобитный приказ, откуда дело, как правило, поступало на рассмотрение в Сыскной⁶.

---

¹ Лазарев Б. М. Государственное управление на этапе перестройки. М., 1988. С. 232.

² Веселовский С. Б. Приказной строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912. Т. 3. С. 167.

³ Веселовский С. Б. Приказной строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912. Т. 3. С. 169.

⁴ Вернер И. И. О времени и причинах образования московских приказов // Ученые записки лица в память цесаревича Николая. М., 1907. Вып. 1. С. 44.

⁵ Шмидт С. О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия // Известия АН СССР. Сер. Истории и философии. 1950. № 5. С. 447-448.

Во второй половине XVI в. были созданы два новых финансовых приказа – Новой и Новгородской четвертей. По наблюдению Сташевского Е.Д., «в компетенцию названных приказов входило ограничение по сбору налогов на определенной территории и сословно-наградной принцип расходования средств – на жалованье особо приближенным или отличившимся дворянам»¹.

По словам В. И. Карпца, «различие в устройении управления различными слоями населения — яркое свидетельство сословной природы Русского государства и его развитого сословного строя»².

«Четыре судных приказа являлись судами первой инстанции по гражданским (земельным) делам. Этим приказам были подсудны исключительно дворяне. Оформление, регистрация и защита земельных прав дворян — одна из важнейших функций Поместного приказа»³.

В 1552-1553 гг. создан территориальный по природе приказ Казанского дворца⁴. Роль данного приказа для централизации была огромна, так его основной задачей являлось обеспечение интеграции новых территорий в составе единого государства⁵.

---

⁶ Гурлянд И. Я. Приказ Ссыльных дел // Сборник статей по истории права, посвящ. М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 87-109.

¹ См.: Сташевский Е. Д. К вопросу о том, когда и почему возникли чети? // Университетские известия. 1908. № 12. Отд. 1. С. 1-40; Платонов С. Ф. Как возникли чети? К вопросу о происхождении московских приказов-четвертей // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883-1912). СПб., 1912. С. 133-150; Садиков П. А. «Кормленные дьяки» и вопрос о происхождении приказов-четей в Московском государстве XVI столетия // Сборник статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 153-180.

² Карпец В. И. Институты самоуправления в допетровской Руси // Институты самоуправления: историко-правовое исследование. М., 1995. С. 150.

³ Князьков С. Е. Судные приказы в конце XVI-половине XVII в. // ИЗ. М., 1987. Т. 115. С. 268-285.

⁴ См.: Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. (К методике изучения вопроса) // ИСССР. 1976. № 3. С. 82; Ермолаев И. П. Создание приказа Казанского дворца и отражение его деятельности в документах государственного архива России XVI в. // Спорные вопросы отечественной истории XI-XVIII вв.: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. С. 80.

⁵ См.: Неволин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. М., 1844. Ч. 41. № 1/3. С. 38; Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. С. 201; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 26.

П.А.Садиков, отмечает, что «в период опричнины и первые годы после нее существовали особые опричный Четвертной приказ, созданный в 1565 г. и реструктурированный в 1572 г.; вместо него возникли два ведомства – Двинский и Каргопольский четвертные приказы. В 1577 г. оба приказа были вновь объединены в Дворовый четвертной приказ, просуществовавший до 1579 г. В то же время упоминаются Дворовый ямской и Дворовый разрядный приказы»¹. Существование этих приказов было, впрочем, недолгим².

В конце XVI в. появляются военные ведомства – Пушкарский и Стрелецкий приказы, которые вдобавок к военному функционалу занимались еще и обеспечением жизни стрельцов и пушкарей. Стрельцы и пушкари наделялись особыми правами и льготами, что может говорить о формировании в государстве нового сословия³. К.А.Арсеньев подчеркивает, что «окончательное оформление приказов как учреждений произошло в конце XVI в., когда для каждого из них были установлены определенный штат, бюджет и на территории Кремля построены специальные здания». Важно подчеркнуть, что определяющую роль приказной системы в процессе централизации хорошо понимал Иван Грозный, который именно посредством деятельности этой системы проводил в жизнь новые преобразования.

К середине XVI в. 53 приказа Русского государства имели штат в 3,5 тыс. человек. Крупные приказы сами готовили квалифицированные кадры государственных чиновников. Совершенствование системы управления, однако тормозилось неясностью распределения компетенций между приказными учреждениями, и, конечно, казнокрадством. Постепенно малоэффективная деятельность приказной системы стала подкрепляться эффективной дея-

---

¹ См.: Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. С. 80-81, 331-332, 334-336; Зимин А. А. О сложении приказной системы на Руси // Доклады и сообщения института истории. М., 1954. Вып. 3. С. 175.

² См.: Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988; Скрынников Р. Г. 1) Самодержавие и опричнина (Некоторые итоги политического развития России в период опричнины) // Внутренняя политика царизма (середина XVI-начало XX вв.). Л., 1967. С. 69-99.

³ Богоявленский С. К. О Пушкарском приказе // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 361-385. Бородин А. Е. Уложение о службе 1556 г. // Сборник статей по русской истории. Посвящ. С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 143- 153;

тельностью Земских Соборов, первый из которых состоялся в 1549 г. Соборная практика просуществовала в России более столетия¹.

Выводы:

В ходе процесса образования централизованного государств в XV в. в отдельных странах Запада, Востока и России было много общего. В первую очередь это экономический прогресс и усиление монаршей власти. В ряде стран образование централизованных государств совершалось в тесной связи с освободительной борьбой. Так было и в России, страдавшей двести с лишним лет под гнетом Золотой орды, так было в Китае и Корее, подвергшихся татаро-монгольскому завоеванию и восстановивших свою национальную и политическую независимость в конце XIV в., почти одновременно с знаменательной победой русского народа над войсками золотоордынского хана Мамая в 1380 г. На западе Европы, во Франции, территориальное объединение страны и создание централизованного государства последовали после победы французского народа над английскими захватчиками в так называемой Столетней войне.

В России, однако, на фоне доминирующей роли княжеской власти, не маловажную роль в процессе централизации принадлежала не городской аристократии, как это было на Западе, а землевладельцам – сначала – боярству, а затем – дворянству, а также Церкви. Еще одной особенностью России являлось более слабое развитие городов. Во многом это было связано с последствиями татаро-монгольского ига, общей замедленностью экономического прогресса в относительном отрыве от морских торговых магистралей и т. д.

Если Иван III в 1462 г. получил в наследство территорию в 430 тыс. кв. км, то в конце XV в. Россия занимала территорию в 5400 тыс. кв. км. Население Российского государства в XVI в. составляло 6–7 млн. человек. На

---

¹ См.: Арсеньев К. А. Об устройстве управления в России с XV до исхода XVIII столетия // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839. Отд. I. С.155-156.

политической арене появилась новая великая держава, сопоставимая с сильнейшими государствами тогдашнего мира.

Основной проблемой на данном этапе оставалась борьба с пережитками раздробленности и необходимость ликвидации местного самоуправления в бывших удельных княжествах. Особенно остро шла борьба с местной новгородской властью, завершившаяся в конце концов разгромом Новгорода в 1570 году.

Неслучайным элементом политики московских князей являлось «собираение святынь». Проводилось данное собирательство все с той же целью усиления статуса московских князей и Москвы как вселенского, богоизбранного города. Иваном IV к тому же проводилась интенсивная канонизация православных святых. Так благодаря посредству укрепляющейся Церкви проводилось утверждение и власти московских князей.

При этом, очень скоро Церковь стала представлять серьезную угрозу для центральной власти. Церковь, получив автокефалию, а в период XIV – XV вв. и крупные земельные пожалования от великих князей, укрепила свои позиции на международной арене и теперь претендовала на главенство над государством. Весь XVI век ознаменовался острой борьбой между светской и духовной властью. Политика секуляризации церковных земель и ограничения власти церкви нашла отражение в программах церковных соборов в 1503 г., 1550 и 1584 гг.

Еще одной угрозой для централизации стало боярство, являясь крупным землевладельцем, боярство тяготело к самостоятельности, тем самым ограничивая власть великого князя. Боярство долгое время, до усиления дворянства, являлось основным источником формирования аристократии вместе со всем вытекающим комплексом привилегий.

Конец XV – начало XVI в. ознаменованы рядом этапных явлений в становлении Московского государства. Пало ордынское иго. Принято единое законодательство – Судебник Ивана III. Завершилась ликвидация самостоятельности крупнейших удельных и великих княжеств. Утвердилось пред-

ставление о самодержавной власти монарха над своими подданными, закрепленное рядом знаковых деяний – принятием Иваном III титула «государя всея Руси», восприятием византийской имперской геральдики. Наконец, начинает складываться единая система государственного аппарата, централизованного управления сложившимся Российским государством.

Однако еще в XVI в. продолжала сохраняться экономическая раздробленность страны. Новая система управления на общегосударственном уровне приняла специфическую форму приказов, отражающую как факт политической централизации Руси, так и незавершенность этого процесса. Общепринятой классификацией приказов считается классификация по двум основным критериям – территориальному и функциональному. Недостаточная централизация отразилась на системе администрирования, которая не обеспечивала полного единства территории, сохраняла отличия в управлении отдельными землями.

Глава 2. Идеиные предпосылки централизации

Присоединение крупнейших княжеств – Пскова, Смоленска и Рязани к Москве стало завершающим этапом объединения земель Северо-Восточной, Северной и Центральной Руси в единое государство. Однако, оформление территориального единства еще не означало завершения процесса централизации, серьезным препятствием на пути к которой стала боярская оппозиция. Рост территории, увеличение населения и экономический рост побуждали правительство к немедленному решению вопроса о реорганизации устаревшей системы управления. Усиление роли дворянства позволило правительству Ивана III Великого, Василия III, а затем и Ивана IV Грозного перейти к решительному наступлению на боярство. Дальнейшее поступательное развитие Русского государства было невозможно без уничтожения крупного привилегированного землевладения.

Первые успехи в этом направлении были достигнуты в конце XV – начале XVI в. Основными вехами в борьбе с феодальной аристократией стал роспуск боярских дворов, уничтожение отдельных удельных княжеств и оппозиционных боярских группировок. Однако еще в XVI в. не только экономическая, но и политическая централизация Русского государства оставалась во многом незавершенной, сохранялись обособленные и во многом самостоятельные земельные владения и целые территории.

За канвой явлений и событий политической и социально-экономической направленности, способствующих формированию единого Русского государства просматривается еще один фон явлений, без которых централизация была бы не возможна – это христианская идеология, идеология православной церкви и духовенства, идеология княжеской власти. Эту идеологию можно проследить, основываясь в первую очередь, на данных источников и материалах литературных памятников исследуемого периода. Важно учитывать, что в средневековье именно христианская риторика имела наибольший вес в обществе, она являлась базовой отправной точкой для всех

идеологических построений, что хорошо просматривается на материалах литературных памятников.

2.1. Образ единства светской и духовной власти как оплота государственности в литературных памятниках Куликовского цикла

Первыми шагами на пути к свержению ордынского ига явились выдающиеся победы великого московского и владимирского князя Дмитрия Ивановича (Донского) над ордынским правителем Мамаем на Воже (1378 г.) и Куликовом поле (1380 г.). Их значение не оспаривается в науке, хотя отмечается, что окончательное свержение ига стало возможно только спустя столетие, в 1480 г.¹

Значение Куликовской битвы нельзя недооценить. Как неоднократно отмечено в науке, на Куликовом поле Золотая Орда понесла первое крупное поражение от войск Северо-Восточной Руси, возглавленных великим князем Дмитрием Ивановичем². Благодаря победе политическое главенство Москвы стало неоспоримым. Не смотря на то что в 1382 г. Москва был разграблена Тохтамышем и права орды восстановлены Куликовская победа дала надежду всем русским людям на освобождение³.

Об идеологическом значении Куликовской битвы для русского народа, мы узнаем из литературных памятников, так называемого, Куликовского цикла – «Задонщина», «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича», летописные повести, «Сказание о Мамаевом побоище», – а также из ряда других памятников, в том числе Жития Сергея Радонежского⁴.

---

¹ Любавский М. К. Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1909. С.118-119.

² Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С.156-157.

³ Любавский М. К. Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1909. С.112-114.

⁴ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.- Л., 1966. С.183-185; Азбелев С. Н. Фольклоризм «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // Литература Древней Руси. М., 1981. С.192-193.

На данном этапе исследования постараемся в общих чертах рассмотреть указанные произведения с точки зрения идеологии, проводимой с целью возвышения Москвы и легитимизации власти московских князей.

К наиболее ранним текстам следует отнести тексты летописной повести о Куликовской битве, сохранившиеся в двух редакциях: краткой в составе Симеоновской летописи, Рогожского летописца и Московско-Академического списка Суздальской летописи, и пространной – в составе Софийской первой и Новгородской четвертой летописей, восходящих к общему протографу – «своду 1448 г.» по схеме А.А. Шахматова¹, или Своду 1418 г., отразившемуся в Софийской первой летописи старшего извода, по мнению большинства современных ученых. Сейчас уже доказано, что именно краткая редакция является самым ранним источником, отобразившим Куликовскую битву².

Одним из самых сложных текстов, повествующих о Куликовской битве является «Задонщина», дошедшая до нас в шести списках – Ундольском, Синодальном, Ждановском, Историческом первом, Историческом втором, Кирилло-Белоозерском³. «Задонщина» является компилятивным памятником, в ее состав входят как ранние тексты, посвященные Куликовской битве, так и более поздние тексты и легенды⁴.

Анализ «Задонщины», в основе своей восходящей к концу XIV в. и являющейся еще во многом памятником дружинного героического эпоса, выходит за рамки настоящего исследования. Однако важно отметить целый ряд важных особенностей этого памятника. Прежде всего, интересно сопоставить его с памятниками дружинного эпоса, восходящими к домонгольской эпохе и

---

¹ См.: Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV XV вв. М.; Л., 1938. С.153, 184, 212.

² См.: Салмина М.А. «Летописная Повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.-Л., 1966. С.345-355.

³ См.: Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С.307-311.

⁴ См.: Дмитриева Р. П. Задонщина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. 1989. С.178-179; Адрианова-Перетц В. П. «Задонщина» (Опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948. С.56-57.

временам нашествия – «Словом о полку Игореве», «Словом о погибели Русской земли». В глаза бросаются заметные отличия. Среда, воспроизводившая воинские сказания, меняла свои социальные ориентиры, многие традиции, восходящие к языческой еще эпохе, умирали. Поэт «Задонщины» уже не знал богов «Слова о полку», путался в метафорах древнего происхождения. Дальнейшую деградацию норм старой дружинной поэзии отражает «Сказание об Александре Поповиче» – прозаический текст, посвященный ростовскому герою начала XIII в., но записанный не ранее XIV. Очевидно, отмирание форм дружинной поэзии отражает умирание дружинной культуры как таковой – и социальный процесс замены дружины служилым дворянством. На эти тенденции обратил внимание, в частности, С.В. Алексеев в своей недавней работе, посвященной князю Игорю и «Слову»¹.

Другой важнейший процесс, отражаемый «Задонщиной» в сравнении с древними «Словами» – идеологический. В старой дружинной поэзии содержалось осуждение княжеских усобиц, восприятие Руси как общей «земли» рода Рюриковичей, стремление переключить энергию князей на борьбу с внешним врагом. Но в «Задонщине» все это преобразуется в восприятие «Руси великой» как единого государства, а Дмитрия Донского – как ее государя, не просто первого среди равных, а безусловно первого среди союзных князей. И хотя прямолинейно идеология централизованного государства пока не формулируется, и права удельных князей на свои земли и войска никак не ставятся под сомнение, зачатки новых идейных веяний уже в «Задонщине» очевидны. Победа «Руси великой» над «ратью татарской» воспринимается как событие мирового значения, как заявление о себе нового единого и мощного государства.

Наиболее поздним и одновременно обширным текстом, повествующем о Куликовской битве принято считать «Сказание о Мамаевом побоище», которое известно, примерно, в полутора ста списках, ни один из которых не сохранил первоначального текста. При этом «Сказание» содержит ряд на-

---

¹ См.: Алексеев С.В. Игорь Святославич. М., 2014. С.57-59.

носных фактов имеющих крайне далекое отношение к битве, но при этом построенных на христианской идеологии, позволяющей возвысить статус Москвы и московских князей.

Так, в «Сказании» содержится описание беседы митрополита Киприана с Дмитрием Донским перед сражением. Очевидно, что это вымышленный факт, с целью позиционирования единства княжеской и церковной власти в борьбе против неверных, что вполне оправдано необходимостью укрепления веры народа в неминуемую победу над захватчиками. Однако, в действительности подобная беседа не могла состояться из-за серьезных идеологических противоречий между князем и митрополитом. Болгарин Киприан, поддерживаемый литовцами, по постановлению Константинополя после смерти митрополита Алексия должен был занять митрополичью кафедру. Этого совсем не желал великий князь Дмитрий – его ставленником был Михаил (Митяй)¹.

По приказу князя собор церковных иерархов избрал Михаила-Митяя митрополитом вопреки закону и ожиданиям Киприана. Митяй не имел никаких сословных или родовых полномочий и, следовательно, не мог на законном основании занять место в государственной иерархии. В связи со смертью митрополита Алексия в 1378 г. Великий князь добился от церковного клира пострижения Митяя в монахи под именем Михаила и ввел его в управление делами Московской митрополии как митрополита.

Сторонниками Киприана были Сергей и его племянник Федор, о чем мы узнаем из посланий Киприана Сергию (1378 г.). Понятно, что сторонники Киприана, который за «ослушание» отлучил от церкви и проклял князя Дмитрия, вряд ли вызывали у князя добрые чувства. После неожиданной смерти Митяя Донскому пришлось все же согласиться на назначение греческого митрополита Киприана в качестве главы русской церкви.

Еще одной идеологической легендой, способствующей поддержанию веры в народе в единение светской и духовной власти против врага, является,

---

¹ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.- Л., 1966. С.201-202.

содержащийся в «Сказании о Мамаевом побоище» рассказ о якобы очном благословении Сергием Радонежским князя Дмитрия и его войска перед Куликовской битвой. Здесь необходимо уточнить, что Сергей и его племянник Федор были сторонниками Киприана, о чем мы узнаем из посланий самого Киприана Сергию (1378 г.). Понятно, что сторонники Киприана, который отлучил за «ослушание» от церкви и проклял непокорного князя, вряд ли вызвали у Дмитрия добрые чувства.

Упоминание о благословении находим в самом Житии Сергия Радонежского. На сегодняшний день мы имеем несколько редакций Жития. «Первое Житие Преподобного Сергия было подготовлено его учеником иноком Троице-Сергиевой Лавры Епифанием Премудрым, который работал над ним более двадцати лет. Однако этот текст дошел до нас уже в позднейшей переработке Пахомия Логофета (Серба), афонского монаха, который в период с 1440 по 1459 год жил в Троице-Сергиевом монастыре. Новая редакция Жития была создана Пахомием уже после канонизации Преподобного Сергия в 1452 году. Пахомий дополнил сочинение Епифания сведениями об обретении мощей Преподобного, а также рядом посмертных чудес. Сегодня ученым известно до семи редакций Жития, – вероятно, частично принадлежавших перу Пахомия. В середине XVII века появилась еще одна редакция, подготовленная Симоном Азарьиным, получившим исцеление в Троице-Сергиевой Лавре. Симон, перерабатывая тексты Епифания и Пахомия, разбил весь материал на главы и значительно расширил его за счет собранной им информации о чудесах преподобного Сергия»¹.

Для нас важно, что в Житии отражено видение автора происходящего, которое показано посредством литературных эпитетов и словесных оборотов. Большой интерес для выявления идеологической платформы на которой строится само Житие представляют собой переданные в иносказательной

---

¹ См.: Плотникова О.А. Печальник Земли Русской // Родина. №7. 2014. С.51-52; Житие и чудеса Преподобного Сергия Игумена Радонежского, записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарьиным. М., 1997. С.184-186.

форме сведения об отношениях между великим князем и Сергием, здесь необходимо подчеркнуть, что в основном автор передает желаемое за действительное, тем самым превознося статус православной церкви и ее роль в первой победе над захватчиками.

На основании текста Жития можно усмотреть противоречия и обстоятельства идеологической борьбы между князем и Преподобным. Благословения Сергия Радонежского, якобы данного им великому князю Дмитрию и его войску перед битвой с монголо-татарами занимает в Житие особое место. Как известно, великий князь Дмитрий Иванович одержал две крупные победы над татарами – в 1378 году на реке Воже и в 1380 году на Куликовом поле. Победы эти обычно оцениваются и в науке, и в исторической памяти как первая реальная попытка свержения ордынского ига.

На Куликовом поле Золотая Орда потерпела беспрецедентное поражение от русских войск. Вследствие этого не только уменьшился размер ордынского «выхода», но и неоспоримым стало политическое главенство Москвы на северо-востоке Руси. Значение этих побед очень хорошо осознавалось современниками великого князя. Именно поэтому в Житие находим пространное описание благословения данного Сергием перед боем. Это благословение делает причастным Сергия, а вместе с ним и Русскую церковь к грядущей победе над татарами – буревестником которой стало Куликовское сражение¹.

В условиях все ещё подданнического положения, как уже указывалось, требовалось воспитывать и утверждать мысль о единстве власти и Церкви и их несокрушимости. Убеждение в этом поднимало дух и элиты общества, и всего русского народа в противостоянии внешнему врагу. По этому поводу один из последних, уже нового времени, редактор и исследователь Жития Никон (Рождественский), писал (цитата в тексте принадлежит В.О. Ключевскому):

---

¹ Плотникова О.А. Печальник Земли Русской. Благословение преподобного Сергия великому князю Дмитрию Ивановичу // Родина. №5. 2014. С.50-53.

«...Великий избранник Божий Сергей дарован Богом земле Русской именно в такое тяжкое время, когда татары заполонили почти все пределы ее, когда междоусобия князей доходили до кровавых побоищ, когда эти усобицы, бесправие, татарские насилия и грубость тогдашних нравов грозили русскому народу совершенной гибелью. С лишком полтораста лет томилась многострадальная Русь под тяжелым игом татарским. И вот наконец призрел Господь Бог на мольбы Руси Православной – приближался час освобождения, в котором Сергей явился истинным печальником родной земли. “Примером своей святой жизни, высотой своего духа он поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в помощь Божию... Своей жизнью, самой возможностью такой жизни Преподобный Сергей дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло, помог ему заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел сам он”. И вот, мы видим, что “народ, сто лет привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями”»¹.

Стоит отметить, что все оригинальные русские памятники литературы раннего периода выстраивали изложение действительности на прочнейшей идеологической (христианской, провиденческой) платформе, что впоследствии уводило многих исследователей от понимания реально происходящих фактов, имеющих место в истории.

Аргументов против возможности самого факта благословения немало и в первую очередь, это острые противоречия между князем и митрополитом Киприаном о которых уже упоминалось выше. Сразу после Куликовской битвы, правда, происходит временное примирение князя с Киприаном, что в

---

¹ Житие и чудеса Преподобного Сергия Игумена Радонежского, записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарьиным. М., 1997.

сущности ничего не меняет. Стоит подчеркнуть, что старейший говорящий о событиях источник – московский свод 1390 г., отраженный в Троицкой и Симоновской летописях – ничего не говорит в этой связи о Сергии. Не упоминается в летописи и факт благословения¹. Ничего не говорит о благословении Сергия и древнейший памятник Куликовского цикла – поэма «Задонщина». В «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича» Сергий упоминается единственный раз среди присутствующих при кончине князя. Возможно, что благословение было заочным, предположительно, посланником вручившим князю грамоту и просфору от игумена был Александр Пересвет².

Легенда о благословении – независимо от степени историчности самого факта – стала естественной частью повествований об этой победе. Благословение Сергия превратилось в символ единения русского народа, светской власти и Русской Церкви перед лицом угрожающего самому существованию Руси внешнего врага.

Однако, вернемся опять к тексту «Сказания о Мамаевом побоище». Для нас сейчас важны не текстологические особенности и разночтения в различных редакциях, а те идеи, которые явились основой этих текстов, и, соответственно, цели, которым были тексты подчинены. Для прояснения этих вопросов приведем здесь выдержку наиболее раннего после Свода 1390 г. текста о побоище на Куликовом поле, из Рогожского летописца (1412 г.):

«...Того же льта безбожные злочестивыи Ординскыи князь Мамаи поганьи, собравъ рати многы, и всю землю Половечьскую и Татарьскую и рати понаимовавъ, Фрязы и Черкасы и ясы, и со всеми сими поиди на великаго князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Рускую...Приидоша отъ Орды вьсти къ князю къ великому Дмитрию Ивановичу, аже въздвизается рать Татарскаа на христианы. Поганьи родъ Измалтескыи, и маман нечестивыи лють, хотя плънити землю Рускую... Князь велики Дмитрей Ивановичь, со-

---

¹ Симоновская летопись / Полное собрание русских летописей. Т.18. С.90-91.

² Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С.115-118.

бравъ воя многы, поиде противу ихъ, хотя боронити своя отчины и за святыя церкви и за правовѣрную вѣру христьянскую и за всю Русьскую землю...И поможе Богъ князю великому Дмитрию Ивановичу, а Мамаевы плъци погани побѣгоша, а наши послѣ, биючи, съкуще поганыхъ безъ милости. Богъ бо невидѣмою силою устраши сыны Агаряны, и побѣгоша обратиша плещи свои на язвы, и мнози оружиемъ падоша, а друзии въ рѣцъ истопоша...Тогда же Мамаи не во мнозе утече съ Доньского побоища и пребѣже въ свою землю въ малъ дружинѣ, видя себе бита и бѣжавша и посрамлена и поругана... и се прииде ему вѣсть, что идетъ на него нѣкыи царь со востока, именемъ Токтамышъ изъ Синее Орды. Мамаи же, еже уготовалъ на ны рать. Мамаевы же князи... оставиша, яко поругана. Мамаи же то видѣвъ, и скоро побежа...Царь же Токтамышъ посла за нимъ в погоню воя своя и оубиша Мамаи...»¹.

Как видно из текста, великий князь Дмитрий в своем статусе фактически приравнен к царю Тохтамышу. Что интересно, в этом тексте враги – Тохтамыш и великий князь Дмитрий выступают в качестве союзников против сынов Агари – войска князя Мамаи. Также в тексте Дмитрий представлен хранителем Земли Русской и православной веры – «...хотя боронити своя отчины и за святыя церкви и за правовѣрную вѣру христьянскую и за всю Русьскую землю...»² Здесь впервые прослеживается идея единоначалия власти великого князя – защитника православной веры и всей Русской земли.

Князь Мамай описывается, как обычно во всех предшествующих древнерусских текстах, где речь идет о неверных – как «безбожный злочестивый Ордынские князь Мамаи поганый», в то время как царь Тохтамыш такими эпитетами не снабжается.

Еще одна идея, которая со всей очевидностью проявляется в тексте – это идея легитимной и нелегитимной власти. Заключается она в следующем. Мамай – князь, а не царь по рождению, послушавшись Тохтамыша, пошел с

---

¹ Рогожский летописец. Тверской сборник. Стб. 136. / Полное собрание русских летописей. Том.15. М., 2000.

² ПСРЛ. Там же.

ратью на Русь, где ему оказал сопротивление великий князь Дмитрий Иванович. Последний – законный князь всея Руси. По своему статусу в тексте Дмитрий приравнивается к царю.

Очевидно, что фраза, говорящая о заступничестве Бога за князя русского и землю Русскую, тоже не случайна. *«И поможет Богъ князю великому Дмитрию Ивановичу...»*. Заступничество и покровительство Бога возможно лишь в случае легитимности власти. Эта идея подчеркивается следующей деталью – в летописи перед «Повестью» размещен текст о кириопасхе, совпадении Пасхи и Благовещения. Такое совпадение действительно приходилось на 1380 год, что являлось очень редким явлением и особо почитаемым православным праздником. Именно в этот день под Божьим покровительством Дмитрий Иванович решает выступить против неверных.

Обратимся теперь к пространной редакции Повести о Куликовской битве в составе Софийской первой летописи старшего извода (около 1418 г.). Текст, размещенный в Софийской летописи, интересен, прежде всего, тем, что в нем Дмитрий Иванович вновь выведен защитником православной веры, – а также и великим князем всей Русской земли. Мамай же выведен не просто как захватчик, но как гонитель христиан, стремящийся изничтожить Русь как таковую: *«...Поидемъ на русского князя и на всю Русскую землю, яко же при Батыи цари бывши, и христианство потеряемъ, а церкви Божиа попадимъ огнемъ, а законъ их погубимъ, а кровь християньску прольем...»*¹.

Однако, вопреки так настоятельно проводимой в литературе того периода идее единства духовной и светской властей, этого единства в действительности не было. История изучаемого периода полна церковно-государственных конфликтов. Они осложнялись к тому же проблемами сравнительно молодого еще русского христианства – борьбой с ересями, языческими пережитками, а также возросшей после появления униатства угрозой проникновения католицизма.

---

¹ Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 455. / Полное собрание русских летописей. Том 6. Вып.1. Стб. 455.

2.2. Идеология возвышения великокняжеской власти по материалам литературных памятников

Идея господства Московских великих князей, разрабатывавшаяся русскими книжниками на протяжении более чем столетия, хорошо прослеживается по источникам – как историческим, так и публицистическим сочинениям эпохи.

Так, находим данную идею, например, в Хронографе редакции 1512 г. В памятнике исторический процесс рассматривается как смена великих царств. На смену ветхозаветному Израилю идут друг за другом Вавилонское, Персидское царство, Македонская держава, государство Египетских Птолемеев. Затем следуют Римская империя и Византия. Возвышение и гибель этих царств определяются Божьим Промыслом, который ведет историю. Центральная идея Хронографа – с падением под натиском турок православных «благочестивых царств» (Греческого, Сербского и Болгарского) единственным средоточием православия осталась Русь. Она «растет, и молодеет, и возвышается»¹.

В представлении автора Хронографа, Русь унаследовала от Византии традицию православного «царства», является законной наследницей былых империй. Долг русских государей как преемников православных «царей»-императоров – в последние времена, в конце мировой истории, защищать православную веру во всем мире.

Историческая идея Хронографа, которая заключается в концепции восприятия русской истории как части всемирной истории и божественного замысла, нашла отражение еще в одном памятнике – Никоновском летописном своде (40–50-е годы XVI в.). Отдельные статьи этого свода посвящены биографиям русских князей, в них передана генеалогия русских государей от Рюрика до Ивана Великого. Эта генеалогия увязывается с жизнеописаниями царей, почерпнутыми из всемирной истории. В летописи перечисляются цари

---

¹ ПСРЛ. Хронограф редакции 1512 года. / Ред. С. П. Розанова. СПб, 1911. С.123.

израильско-иудейские, персидские, египетские, римские и византийские. Особенное внимание уделяется падению Византии, причинам этого падения и возвышению Москвы, как центра православия и третьего Рима¹.

Кульминацией идеологов концепции возвышения власти стала Степенная книга. Оригинальное название этого памятника 60-х годов XVI в., который еще будет рассматриваться нами позднее, – «Книга степенная царского родословия». «Степенная книга» в некоторых чертах повторяет Никоновский свод и содержит жизнеописания русских государей – киевских, владимирских, московских великих князей. Завершает ее биография царствующего монарха, первого русского царя Ивана IV. Киев, Владимир-на-Клязьме и Москва предстают под пером создателя Степенной книги как последовательно сменявшие друг друга центры самодержавной власти. Роль Москвы как стольного города на новом, третьем этапе русской истории, преемницы Киева и Владимира-на-Клязьме, предопределяется уже в княжение ее основателя Юрия Долгорукого (XII в.). «Сий великий князь Георгий Владимеричь в богоспасаемом граде Москве господствуя, обновляя в нем первоначальственное скипетродержание благочестиваго царствия...»².

Правившему Москвой на рубеже XIII/XIV вв. Даниилу Александровичу, сыну Александра Невского, согласно Степенной книге, было предопределено стать родоначальником московских царей. Ключевая идея здесь – непрерывность самодержавной власти, берущей начало в Киеве и продолжающейся, несмотря на удельную раздробленность, во Владимире, а далее в Москве³. Иван III и Иван IV предстают на страницах Степенной книги как идеальные самодержавные государи, покончившие с дроблением страны и добившиеся подлинной полноты власти⁴.

Как видно из приведенного выше материала идеология возвышения Москвы и княжеской власти, обнаруживаемая в источниках того времени

---

¹ ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862. С. 15-20.

² ПСРЛ, т. XXI, СПб., 1908–1913. С. 5.

³ ПСРЛ, т. XXI, СПб., 1908–1913. С. 6.

⁴ ПСРЛ, т. XXI, СПб., 1908–1913. С. 6.

строилась на следующих основных положениях – Москва – третий Рим; великий князь московский – новый Константин, богоизбранный царь и защитник веры христианской и всей земли Русской. Первый Рим пал, потому что предал истинное христианство, по той же причине пал и Константинополь, Москва – третий Рим, центр христианского мира и столица христианского монарха будет стоять вечно.

Надо отметить, что на статус столицы христианского мира – третьего Рима и Нового Иерусалима задолго до Москвы претендовал болгарский город Тырново. Таким образом, в литературе уже имелись примеры возведения городов в статус Нового Иерусалима. Стоит также отметить, что идея возвышения княжеской власти прослеживается по литературным источникам еще в период Киевской Руси. Возвышение власти в литературных памятниках обязательно проецируется с возвышением города, а город в этом случае отождествляет собой небесный Иерусалим.

Так, например, если рассматривать период Киевской Руси, то можно отметить, что, например, воздвижение храма Премудрости в Киеве, как отмечает О.А. Плотникова, также имело идеологическую платформу – «наличие храма св.Софии в Киеве, построенного по образцу Константинопольского приравнивало русскую священную державу с греческой священной державой; недаром тот же Нестор сопоставляет Ярослава Мудрого с Соломоном с именем которого связаны ветхозаветные похвалы Премудрости, а Владимир с Константином Великим. Таким образом, и столица Владимира равна в славе своей столице Константина, и главный храм этой столицы имеет право носить то же самое многозначительное имя, что и освященный за полтысячелетия до того главный храм Константинополя – имя Премудрости – Софии. И в своем смысловом аспекте город соотнесен с просторным храмом, а храм – средоточие города, и оба – суть образы одного и того же идеала: Небесного Иерусалима. Софийский собор – часть Киева, которая по смыслу своему равна целому городу»¹.

¹ Плотникова О.А. Генезис и легитимизация института княжеской власти в древнерусском обществе VI-XII вв. М., 2010. С.157-159; см.: Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М.,

В данном случае – Богородица – сердце храма, а храм, в свою очередь, – сердце города. Храм Софии, как в свое время Константинопольский храм Софии сопоставлен с Соломоновым Иерусалимским храмом, к тому София именуется домом, что обозначает дом Христа.

Нельзя не заострить внимания на образе Владимира Крестителя в связи с тем, что он включен в концепцию возвышения власти и прослеживается по многим памятникам XV – XVI, в том числе, обнаруживается в «Сказании о князьях Владимирских». Характеристика Владимиру уже в XI столетии дает митрополит Иларион в сочинении «Похвала князю Владимиру». Также характеристику князя находим в составе «Слова о Законе и Благодати», и «Памяти и похвале князю Владимиру» Иакова Мниха.

Названные сочинения были направлены на восхваление князя Владимира Святославича, как крестителя Земли Русской. В произведениях подчеркивается богоизбранность князя и всего его рода, здесь очевиден мотив легитимизации власти, посредством проведения сюжетной линии Священного Писания. Многие современные исследователи заметили, что в ПВЛ Владимир сопоставляется с несколькими библейскими образами, а именно – Измаилом, Иаковом, Соломоном, Константином.

Иларион сопоставляет Владимира с Константином и называет его новым Константином. «И если Христос ходатайствует пред Богом Отцом о том, кто исповедает Его только перед людьми, то сколь же похвален от Него будешь ты, не только исповедав, что Христос есть Сын Божий, но исповедав и веру в Него утвердив не в одном соборе, но по всей земле этой, и церкви Христовы поставив, и служителей Ему приведя? *Подобный Великому Константину, равный ему умом, равно христоролюбивый, равно чтущий служителей Его!* (курсив мой. – Н.Ш.).

Итак, если проследить идеологию власти по источникам, обнаруживается что корону и бармы помазанника Божьего, а также статус нового Константина в православном мире примеряли на себя, посредством литера-

---

1960. С. 22.

турных образов все великие князья Земли Русской, начиная с Владимира Крестителя.

Представляет особый интерес для нашего исследования еще один уникальный источник, обнаруженный в Лаврентьевской летописи – «Поучение» Владимира Мономаха, именно в «Поучении» обнаруживаются основы идеи богоизбранности и легитимности власти. Как показано О.А. Плотниковой, данный источник носит скорее компилятивный характер и, скорее всего, его составителем Владимир Мономах не являлся, а создано было «Поучение» все с той же целью возвышения княжеской власти. Так например, В Поучении, в части биографии князя, читаем: «...отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы...». Заметим, что Владимир был назван Мономахом благодаря своей матери – дочери византийского императора Константина Мономаха, т. е., другими словами, являлся наследником власти великого императора, вместе с этой властью на Русь перешла и символика власти – в частности, так называемая шапка Мономаха – символ могущества. Как известно, династические браки между сюзеренами различных стран были широко распространены как в Средневековье, так и позднее, и им в первую очередь придавалось дипломатическое значение – такие браки способствовали более тесному и дружественному сотрудничеству между странами. Сам Мономах был женат на Гите, приходившейся дочерью последнему англосаксонскому королю Англии Гаральду.

Важно отметить, что Мономах являлся родоначальником московских государей, и уже начиная с XV в. «шапка Мономаха» служила символом монархической власти, из чего вполне можно заключить, что и «Поучение» Мономаха могло служить тем же целям, т. е. является обоснованием легитимности правящего рода.

Если исходить из того, что все князья русские в соответствии с Повестью временных лет принадлежали к одному роду Рюриковичей, у летописца не возникало необходимости в упоминаниях каких-либо других родов. Так, внимательное изучение описания жизнедеятельности Владимира Всеволодо-

вича, помещенное в Лаврентьевской летописи, позволило сделать вывод о том, что князь ни разу не был назван Мономахом, но неоднократно встречается в летописи – «Владимир сын Всевожъ», тем самым летописец как бы напоминал читателю, о каком Владимире идет речь. Таким образом, на наш взгляд, в «Поучении» Владимир не случайно назван Мономахом. Его и его потомков родословная таким образом выводится от византийских императоров. Благодаря этому возвышается статус князя и его власти. В более развернутом виде эта идея обнаруживается в «Сказании о князьях Владимирских» и в Степенной книге.

На наш взгляд, далеко не случайным в «Поучении» было и упоминание о Ярославе (деде Владимира). Ярослав был значимой фигурой в истории – он градостроитель и устроитель собора Премудрости, построенного по образу Константинопольского и Иерусалимского соборов. Не следует забывать и о ветхозаветных образах, с которыми традиционно сравнивался Ярослав во всей древнерусской литературе, что, в свою очередь, возвышало статус русских князей и соответственно всего государства Русского. «Упоминание в «Поучении» о Ярославе, – отмечает О.А. Плотникова, – вероятно, должно было подчеркнуть высокий статус правящей династии и еще раз подтверждало легитимность власти»¹.

Благодаря использованию в «Поучении» имени собственного – Мономах происходит отождествление князя с родом византийских императоров, что усиливает его статус в общественном сознании, это тождество, в свою очередь, приводит нас к еще одной параллели, неоднократно используемой в летописи: Мономах – Иуда. Здесь необходимо рассмотреть пророчество Иакова своему сыну Иуде², размещенное в Палее Толковой. В данной статье умирающий Иаков пророчит своим сыновьям будущее. Иуде, «молодому

---

¹ См.: Плотникова О.А. Генезис и легитимизация института княжеской власти в древнерусском обществе VI-XII вв. С.244-246; Плотникова О.А., Шилов Н.А. Идеологи и идеология централизации Московского княжества (по материалам литературных памятников) // Новые гуманитарные исследования. Вестник Орловского государственного университета. №1. 2014.

² Палея Толковая. Заветы 12 патриархов. М., 2002. С. 242–244.

льву» (интересно, что на гербе Мономаха тоже изображен лев), Иаков провозглашает царство, а вместе с ним и землю, на которой «стоишь», – семени его. Из чего приходим к следующей смысловой параллели в «Поучении»: Мономах – государь земли, данной ему отцом, т. е. князь в своей отчине, и эта отчина по праву должна принадлежать его потомкам. Этот принцип вотчинного права был закреплен съездом в Любече, главным инициатором которого был как раз Мономах. Таким образом, информативный ряд, закамуфлированный «между строк» текста «Поучения», позволяет предположить, что смыслом «Поучения» являлось возведение власти князя Мономаха в ранг законности и дальнейшее закрепление этой власти за родом Мономаха.

«Режим Любечского съезда остался как идеальная желаемая схема в среде Мономаховичей (точнее, у Мстиславичей), которые и впредь не будут оставлять надежд возродить политическое наследие деда. Но их усилия останутся безуспешными, поскольку остальные князья будут придерживаться противоположного мнения о Киеве как общединастическом достоянии. Попытки распространения отчины на Киев подорвали авторитет центральной власти, а незавершенность этого процесса предопределила ослабление Киева. Однако уже московские князья вновь возвращаются к идее старшинства и отчины, а вместе с ней начинают культивировать идею “шапки Мономаха” – обращаясь к ветхозаветным и новозаветным параллелям с тем, чтобы при помощи Ноя, Авраама и Иакова восстановить непоколебимость и легитимность власти династии Мономаховичей, что должно способствовать возвышению статуса московских князей на новых рубежах истории»¹.

Теперь после несколько развернутой предыстории вопроса идеологии власти, начиная с Владимира Крестителя, вернемся к проблемам XV в.

Середина XV в. была временем бурных церковно-политических событий, придавших новую актуальность идеям об избранности Русской земли Богом. В 1439 г. последовала Флорентийская уния Константинопольской церкви с папством, отвергнутая на Руси. За низложением подписавшего

---

¹ Плотникова О.А. Генезис и легитимизация института княжеской власти в древнерусском обществе VI-XII вв. С.249.

унию митрополита Исидора последовало утверждение автокефалии (1448 г.) во главе со сторонником Василия II московского князя митрополитом Ионой. В 1453 г. Константинополь был взят армией турецкого султана Мехмеда, что во всем православном мире было воспринято как Божья кара за униатство. Для московских государей новая ситуация позволяла закрепить представления о своем стольном граде как единственном оплоте православной вере и новом источнике благочестия, преемнике павшей Византии¹.

Уже в 1492 г. Московский митрополит Зосима в новой Пасхалии назвал Ивана III «государемь и самодержцем всея Руси, новым царемь Константиномь новому граду Констянтину – Москвь»².

Важно подчеркнуть, что 1492 год – 7000 от Сотворения мира – являлся знаковым для всего православного христианства. Пасхалия была доведена и на Руси, и в Византии до семитысячного года. Еще в первые века христианства сложилось мнение о грядущем в 7000 году конце человеческой истории. Произошло оно от буквалистского толкования приведенного в Псалтыре сравнения – тысяча лет перед Богом, «яко день един» (Пс. 89. 5). Потому именно семь дней творения стали рассматриваться как прообраз ожидаемого Второго Пришествия, которое также принято было называть «днем Христовым», или «днем Господним»³. «И ныне же, в последняя сиа лето, якоже и в перваа, прослави Бог сродника его (Владимира- Н.Ш.), иже в православии просиавшего, благовернаго и христоролюбивого великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя. Констянтина новому граду Констянтину – Москве и всей Русской земле и иным многим землям государя», пишет Зосима⁴.

---

¹ Плотникова О.А., Шилов Н.А. Идеология централизации Московского княжества (по материалам литературных памятников) // Научные труды Московского гуманитарного университета. №3. 2014. С.16-24.

² Тихонюк И. А. «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII – XVIII вв. М., 1986.

³ См.: Степанов Н.В. Новый стиль и православная пасхалия. М., 1907; Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3- 58.

⁴ См.: Беляковы Л. Л. и Е. В. О пересмотре эсхатологической концепции на Руси в конце XV века // Архив русской истории, 1, 1992, 7-31; Алексеев, А. И. Заметки о пересмотре

Я. С. Лурье точно отметил, что «сравнение русского князя с византийским императором встречалось в древнерусской литературе и раньше... но в “Изложении пасхалии” впервые наименование Ивана III “новым Константином”, а Москвы и всей Русской земли “новым градом Константина” делалось не в смысле уподобления и сравнения, а в смысле противопоставления и вытеснения “новым градом Константина” старого»¹.

Итак, в Пасхалии Зосимы впервые обнаруживается идея – Москва — «третий Рим»². Зосима видел настоящее время как «последние лета» перед Вторым пришествием, в связи с чем приводит свою версию истории христианской государственности. В его изложении Константин Великий основывает Новый Рим, уподобленный ему Владимир Святой крестит Русь, а теперь Иван Великий является «новым царем Константином новому граду Константину-Москве». Этот текст можно считать первым, в котором Москва открыто объявляется царствующим городом. Падение Византии способствовало складыванию идеологии верховной государственной власти на Руси. Данная идея была развита уже в XVI в.

Вообще идея создания земного Иерусалима по образу и подобию горнего Иерусалима появилась еще в первые века христианства. Так, например Ириней Лионский – епископ Лионский (II век) считал что когда Христос снова придет на землю, он создаст земное царство, в которое праведники вступят после своего Воскресенья, в связи с чем и необходимо создать земной Иерусалим³.

эсхатологической концепции на Руси в конце 15 в. // Средневековое православие: от прихода до патриархата // Ред. Н. Д. Барабанов и В. В. Кучма. Вып. 1. Волгоград, 1997. С. 111-125; Словарь книжников и книжности Древней Руси. «Изложения Пасхалии» митрополита Зосимы. Вып.2. Ч.1., Л., 1988. С.322-324.

¹ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV-начала XVI века. М.-Л., 1960, С. 378.

² Алексеев, А. И. Заметки о пересмотре эсхатологической концепции на Руси в конце 15 в. // Средневековое православие: от прихода до патриархата // Ред. Н. Д. Барабанов и В. В. Кучма. Вып. 1. Волгоград, 1997. С. 111-125.

³ См.: Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии (Ветхий Завет). Милан; М., 1992; Православный собеседник. Казань, 1860. Ч.3.

В XVI в. появляется ряд интересных текстов, дошедших и до наших дней, которые со всей очевидностью подчеркивают богоизбранность московского князя и его статус – вселенского императора. Таковыми являются, например, послания Филофея. В послании великому князю Василию III Ивановичу Филофей доказывал: «первый Рим» пал из-за ереси, «второй» — из-за Флорентийской унии с папством, «третьим» же, истинно христианским Римом, стала Москва. Она – стоит, «а четвертому не быти»¹. Филофей – старец из Псковского Елеазарова монастыря, известен тем, что изложенная в его Посланиях теория «Москва – третий Рим» стала одной из основных в последующих русской публицистике и философии истории².

Основными сочинениями Филофея считается его послание дьяку Михаилу Мисюрю-Мунехину и послание Василию III. Как отмечает В.Н.Малинин «в послании Мисюрю-Мунехину Филофей отвергает всякое значение астрологии, поскольку звезды как тела неодушевленные не могут оказывать влияния на судьбы людей или народов. Астрологии он противопоставляет иное объяснение исторического процесса: причиной изменений является божественная воля, причиной падения царств – неспособность удержаться в истинной вере»³.

На наш взгляд, наиболее интересным для исследования является послание Филофея Василию III: «Иже от вышня и от всемошныя вся содръжаша десница Божиа, имже царие царствуют и имъж велицыи величаются и силнии пишут правду тебѣ, пресвѣтлѣйшему и высокостолнѣйшему государю великому князю, православному христианьскому царю и всѣх владыцѣ, брододержателю святых Божиих престоль, святыя вселенскыя соборныя апостольскыя церкви Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения иж вмѣсто римскыя и константинопольскыя просиавшу, — стараго убо Рима церкви падеся невѣрием аполинариевы ереси, втораго Рима, Константинова града

¹ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси, 1989. Вып. 2. Ч. 2.: 471-473

² См: Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.С.112-114.

³ См.: Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.С.116.

церкви, Агаряне внуцы секирами и оскордми разсѣкоша двери, сиа же нынѣ третиаго, новаго Рима, дръжавнаго твоего царствиа святая соборная апостольскаа церкви, иж в концях вселенна в православной христианьстей вѣре во всей поднебесней паче солнца свѣтитя, — и да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианьския вѣры снидошася въ твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианом царь...

Да аще добро устроиши свое царство – будеши сынъ свѣта и гражанинъ вышняго Иерусалима, якоже выше писах ти и нынѣ глаголю: блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася въ твое едино, *яко два Рима падоша, а третьей стоит, а четвертому не быти.* (курсив мой – Н.Ш.). Уже твое христианьское царство инѣм не останется, по великому Богослову, а христианской церкви исполнися блаженнаго Давыда глаголь: «Се покой мой в вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволих его»¹.

Постараемся теперь разобраться в приведенной концепции Филофея – «Москва – третий Рим». А.Л. Гельдберг считал, что «послание Филофея дает политическое обоснование преемственности имперской власти от Рима к новому Риму – Константинополю – и далее к Москве. В этом случае мысль Филофея развивается параллельно или под влиянием так называемой концепции “переноса империи” (*translatio imperii*), которая в условиях средневековой Европы давала обоснование для возведения новых европейских монархий в достоинство юридически правомочных наследников Римской империи»².

Существует и другое понимание «Послания», так, еще В.С. Соловьев обращал внимание, что «для Филофея не существует императорского Рима, но только папский, и это препятствует рассмотрению концепции в русле европейской модели *translatio imperii*, к тому же автор отмечает, что римская государственность сохраняет свое существование и «ромейское царство не-

---

¹ См.: Послания старца Филофея. Библиотека литературы Древней Руси. М., 2000. Т.9. С.207-208.

² Гольдберг А. Л. Три «послания Филофея» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXIX. Л., 1974. С.134-138.

разруσιμο»¹. На наш взгляд, также интересно послание своим подходом к титулатуре правителей. Великий князь приравнивается здесь к царю. Это дополнительно подкрепляет введенную формулу «Москва – третий Рим»².

Еще один уникальный источник, содержащий идею «Москва – третий Рим», – «Послание» Спиридона-Саввы, посвященное Мономахову венцу. В его основу легли легенды о царском венце и о происхождении русских государей от римского императора Октавиана Августа. Интересно, что Спиридон в 1472-1473 гг. был поставлен на киевскую митрополию Константинополем, но был сослан Иваном Великим в Ферапонтов монастырь – великий князь утверждал право самостоятельно поставлять митрополитов, даже несмотря на восстановление православной церковности в захваченной турками Византии. Несколькими годами позже, уже в начале XVI в., Спиридон, бывший до поставления на митрополичью кафедру тверским монахом, вероятно, по чьему-то заказу, составил «Послание о Мономаховом венце»³.

В «Послании» сообщается о том как греческий император Константин прислал великому князю Владимиру Всеволодовичу (т.е. Мономаху) царский венец, скипетр и державу. Несмотря на то, что данный факт не подтверждается русскими летописями, он, вероятно, все-таки имел историческую основу. Составитель «Послания», видимо, знал о факте заимствования венца⁴.

Достоверность факта заимствования царских регалий была подтверждена Б.А. Рыбаковым на основании анализа символики изображений на золотых и серебряных монетах, созданных еще во времена правления Владимира Святого. Ученый пришел к выводу о том, что русские князья заимствовали некоторые императорские символы власти, в первую очередь из Византии.

---

¹ Гольдберг А. Л., Дмитриева Р. П. Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С.187-189.

² См.: Гольдберг А. Л., Дмитриева Р. П. Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 471-473; Сеницына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С.155-157.

³ Гольдберг А.Л. Идея «Москва -Третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // ТОДРЛ. Т. 37. С.221-223.

⁴ Данная гипотеза тем более подтверждается, если вспомнить, что в былинах Владимир Святой и Владимир Мономах не редко отождествлялись / См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1993. С. 154-155.

Такое заимствование можно отметить еще с периода правления Владимира I. К заимствованным регалиям относятся: венец с крестом, царский скипетр с навершием также в виде креста, застегивающийся фибулой плащ, красные сапоги на крупных каблуках, а также престол. Несмотря на то, что последний символ довольно слабо просматривается на монетах, о его «рецепции» свидетельствуют надписи на монетах – «Владимиръ на столе». Только с начала XII в. входит в устойчивое употребление термин «сел на стол». До этого князь просто «садился» в каком-либо городе на княжение¹.

Спиридон-Савва первым ввел в обиход легенду о происхождении русских государей от императора Августа. Якобы последний имел некоего родственника Пруса. Тот, поставленный наместником на самом деле никогда не принадлежавших Риму поморских земель Балтики, затем оказывается основателем рода, к которому принадлежал Рюрик. На основании «Послания» примерно в это же время была составлена 1-я редакция «Сказания о князьях Владимирских», где содержится та же легенда.

«И в то врѣмя некий воевода новгородьцкий именемъ Гостомысль скончеваеть свое житѣе и созва вся владелца Новагорода и рече имѣ: “О мужие новгородьстии, совѣтъ даю вамъ азъ, яко да пошлете в Прусьскую землю мужа мудры и призовите от тамо сущих родов к себѣ владелца”. Они же шедше в Прусьскую землю и обрѣгоша тамо нѣкоего князя именемъ Рюрика, суща от рода римьскаго Августа царя. И молиша князя Рюрика посланьницы от всехъ новгородцовъ, дабы шель к нимъ княжити. Князь же Рюрикъ прииде в Новьгород, имѣя с собою два брата: единому имя Труворъ, а второму Синеусъ, а третий племенникъ его именемъ Олегъ. И оттолѣ наречень бысть Великий Новградъ; и начя княз великий Рюрикъ первый княжити в немъ».²

И у Спиридона-Саввы, и в первой редакции «Сказания о князьях Владимирских» этот легендарный сюжет о происхождении русских (а значит, и

¹ Изображение монет см. в кн.: Древняя Русь: город, замок, село / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1985. С. 372.

² «Сказание о князьях владимирских» / Библиотека литературы Древней Руси // Российская академия наук. Институт русской литературы // Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С.216.

московских) князей сопровождается унижающей легендой о рабском происхождении их основных соперников – правителей Великого княжества Литовского. Смысл этой легенды совершенно ясен – она возникла в условиях войн Москвы и Литвы за западнорусские земли.

«В год 6830 (1322) некий князек, по имени Витянец, из рода смоленских князей, плененный безбожным Батыем, бежал из плена и поселился в Жмудской земле у бортника. И взял у него дочь в жены себе, и прожил с нею тридцать лет, и были они бездетны. И убило его громом. И после князя Витянца взял жену его за себя раб его, конюх, по имени Гегименик. И родил от нее семь сыновей: первый – Наримантик, второй – Евнутик, третий – Ольгердик, четвертый – Кейстутик, пятый – Скиригайлик, шестой – Кориадик, седьмой – Мантоник»¹.

Стоит отметить, что сами московские государи отнеслись к этой версии, по крайней мере в итоге, весьма прохладно. Надо помнить, что московский великокняжеский род был связан с Гедиминовичами династическими браками, происходя по женской линии также от Гедимины (прежде всего, через Софью Витовтовну, жену Василия I). Гедиминовичей было много среди московских служилых князей. Иван Грозный, чьи предки по матери князья Глинские были выезжими из Литвы и служили тамошним правителям, писал: «...безлепичники врут, что Витенец-служебник был тверских великих князей, а при нем был конюшец Гегименик»². Из второй редакции «Сказания» родословная литовских князей была исключена.

Вероятно, что авторы «Сказанья» стремились создать политически актуальный текст, который можно было бы использовать в реальных пропагандистских и полемических целях. Так, известно, что идеи, изложенные в «Сказанье», использовались в дипломатической практике при Василии III, а затем и при Иване Грозном. Легенда о происхождении государей всея Руси от Августа во-

---

¹ «Сказание о князьях владимирских» // Библиотека литературы Древней Руси // Российская академия наук. Институт русской литературы // Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С.212-214.

² См.: Послания Ивана Грозного, М.; Л., 1951. С. 260.

шла в Воскресенскую летопись, а позже и в «Государев родословец» 1555 года. Отражена она и в «Степенной книге». В ходе подготовки венчания на царство Ивана IV (1547 г.) текст «Сказания» был переработан. В результате этого и появилась вторая его редакция. В ней рассказ об обретении Владимиром Всеволодовичем регалий царской власти использован в качестве вступительной статьи к чину венчания на царство¹.

Важно подчеркнуть, что внимание, которое уделил составитель «Сказания» царскому венцу, как символу власти, далеко не случайно. Здесь прослеживается все та же аналогия ветхозаветных и новозаветных событий, которую средневековые авторы находят во всех значимых событиях действительности и отражают, вкладывая определенный символический смысл, в своих произведениях. Так, венец Христа – символ царской власти, символ богоизбранности и легитимности власти. Именно эта идея так нужна была для проведения централизации и укрепления власти.

Роль своеобразного венца играла на Руси княжеская шапка, в последствии названная – «шапка Мономаха»: «...отряжает убо послы к великому князю Владимиру Всеволодичю: митрополита ефесскаго Неофита от Асия и с ним два епископа, митулинскаго и милитинскаго, и стратига антиохийскаго, игемона иерусалимскаго Иеустафия, и иных своих благородных. От своеа же царския выа снимает животворящий крест от самого животворящаго древа, на нем же распяты владыка Христос. *Снимает же от своеа главы и царский венець и поставляет его на блюде злате (курсив мой – Н.Ш.).* Повелевает же принести и крабеицу сердоликову, из неа же Август, царь римский, веселяшеся. Посылает же и ожерелие, сиреч святыа бармы, иже на плещу свою, и чепь от злата аравийска скованну, и ины многы дары царския. И дасть их митрополиту Неофиту и епископом и своим благородным посланником, и отпусти их к великому князю Владимиру Всеволодичю, моля его глаголя:

¹ См.: Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.-Л., 1955. С.188-189; Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С.128-131.

«Прийми от нас, о боголюбивый благоверный княже, сиа честныа дарове, иже от начала вечных лет твоего благородна и поколений царских жребий на славу и честь на венчание твоего волнаго и самодержавнаго царствиа»¹.

Исследование миниатюр Радзивилловской летописи, также проведенное Б.А. Рыбаковым, позволило ему говорить о символическом значении княжеских шапок. Так, на миниатюрах изображены юные княжичи без княжеских шапок до получения княжеского владения². Вероятно, можно говорить о том, что особый головной убор и был отличительным признаком князя, вступившего на престол, от княжича, являвшегося претендентом на престол.

2.3. Церковь и государство на пути к централизации

Возникший при Иване Калите союз великих московских князей с общерусской митрополией, в значительной мере обеспечивший первые успехи централизации, продержался относительно недолго. Положение Москвы ослабилось со смертью в 1378 г. митрополита Алексия, сторонника идеи объединения Руси. Сменивший его Киприан, болгарин и бывший митрополит Киевский и Литовский, стал центром жестокого конфликта между Москвой и Константинополем, который длился десять лет.

Великий князь Дмитрий не хотел видеть Киприана митрополитом и долго проводил на этот пост своего ставленника Михаила (Митяя), однако смерть Митяя помешала планам князя. Когда Киприан наконец утвердился в Москве, он не выказал желанья продолжать политику Алексия. Он не считал себя подчиненным московскому великому князю, и вступил с князем в открытый конфликт, как представитель независимого органа восточной церкви. Митрополит Киприан, памятуя старые обиды, ни в чем не поддержал

---

¹ См.: Хорошкевич А.Л. Поставление князей и символы государственности X – XIII вв. // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С.72-26; Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С.117-119.

² Рыбаков Б.А. Борьба за суздальское наследство в 1174-1176 гг. (по миниатюрам Радзивилловской летописи) // Средневековая Русь. М., 1976. С. 101.

князя Дмитрия. Так было, и когда Дмитрий воевал с Великим Новгородом, и в борьбе с Великим княжеством Литовским¹. Основной задачей Киприана на посту митрополита стало отстаивание независимого положения Церкви, в чем Киприан значительно преуспел. Он даже заключил договор с князем, в котором закреплялись значительные привилегии Церкви. Однако это были временные уступки. В лице Церкви власть видела крупного землевладельца и серьезного претендента на властные полномочия великого князя, в связи с чем великие князья старались всячески ослабить позиции Церкви. Не наладил отношений Киприан и с великим князем Василием, во все противореча ему. Киприан будучи ставленником Литвы, всячески избегал конфликтов с ней².

После его смерти в 1406 г. ставший митрополитом грек Фотий, как и его предшественник, повел долгую борьбу за единую церковную власть на всей Руси, в том числе и в землях под властью Литвы. Когда кафедру занял Фотий, конфликт между Церковью и князем разгорелся с новой силой³. Фотию удалось сохранить независимость церкви от государства. Отношения Церкви и власти оставались напряженными.

Флорентийская уния 1439 г. ускорила давно назревавшее провозглашение независимости Русской Церкви от Константинополя. Василий II и русские иерархи отвергли униатский проект. Митрополит-грек Исидор был низложен по княжескому приказу собором русских епископов, в том числе и по причине того что он, как известно, способствовал союзу с папством. Вместо него в 1448 г., новый епископский собор Руси, собранный в Москве, избрал митрополитом Иону, епископа рязанского. Падение Константинополя мо-

---

¹ Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996. С.55-56.

² См.: Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996. С.144-146; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978. С.55.

³ Белякова Е. В. Учреждение автокефалии русской церкви в политической мысли XV–XVI вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С.115-117; Сеницына Н. В. Автокефалия русской церкви и учреждение Московского патриархата (1448–1589 гг.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С.197-198.

сковскими духовными лицами объяснялось как наказание за принятие унии с Римом¹.

Целая серия событий середины – второй половины XV в. определила новое положение Русской церкви. Помимо Флорентийской унии и одностороннего установления автокефалии, это также захват Константинополя турками и падение Византии. Не меньшее значение имели попытки восстановленного патриархом Геннадием Схоларием православного патриархата в Константинополе реставрировать подчиненность Русской Церкви греческой патриархии. Вылились они, в конечном счете, в утверждение митрополитом всея Руси главы киевской епархии, на территории Великого княжества Литовского².

В правление Василия II Темного, в начале 1460-х гг., провозглашенная в одностороннем порядке автокефалия была обоснована в специальном литературно-публицистическом произведении: «Слово избрано от святых писаний еже на латыню и сказание о составлении осмаго сбора латыньскаго и о извержении Сидора Прелеснаго и о поставлении в Русской земли митрополитов, о сих же похвала благоверному великому князю Василию Васильевичу всея Руси». Его неизвестный автор противопоставляет византийскому императору, впавшему в «тьму неверия», русского князя. Причем сначала говорится не о Василии Темном, а о киевском великом князе Владимире Крестителе (тот в крещении звался Василий!). Владимир-Василий, в отличие от греческого отступника, спас землю Русскую от неверия и просветил ее святым крещением, рассеяв ту самую тьму невежества, в которую униаты погрузили Византию³.

---

¹ См.: Барсов Т. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878. С.365.

² См.: Барсов Т. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878. С.370.

³ См.: Лебедев А.П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. С.187-188; Белякова Е. В. Учреждение автокефалии русской церкви в политической мысли XV–XVI вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С.119-121.

Василий Темный на страницах «Слова» оказывается «новым Владимиром» и притом еще «новым Константином». Русь здесь - оплот православной веры, а великий князь – верховный блюститель Православной Церкви, призванный заменить павшего византийского императора¹.

Автокефалия Русской Православной Церкви способствовала росту ее авторитета. Великий князь же, именно как покровитель Церкви, призван был теперь унаследовать власть и полномочия государей прекратившей существование Византии. В этом контексте логичными шагами оказались и брак Ивана III с Софьей Палеолог, и окончательное свержение даннической зависимости Руси по отношению к другому, иноверному «царю» – ордынскому. Свержение ига открывало для московских князей прямую дорогу к вселенскому императорскому престолу².

Традиционным связям с Константинополем была найдена замена в виде контактов с восточными патриархиями, прежде всего с Иерусалимским престолом. Тем самым, несмотря на односторонний характер провозглашения автокефалии, Русь не выпала из мирового православного общения. Это позволяло видеть церковным мыслителям в единственной сохранившейся православной державе средоточие торжества «великого православного христианства»³.

Надо отметить, что православная церковь являлась идеологом централизации и усиления единоначальной власти московских князей, за проведения данной идеи в обществе власть жаловала церкви земли, в результате чего уже в начале XVI века Церковь становится крупным землевладельцем. К этому времени была достигнута основная цель власти – народ проникнулся идеей

---

¹ См.: Белякова Е. В. Учреждение автокефалии русской церкви в политической мысли XV–XVI вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С.144-147.

² См.: Плигузов А. И. Poleмика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С.119; Гергей Е. История папства. М., 1996. С. 23-25.

³ Черепнин Л. В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентиской унии // Средние века. Вып. 25. М., 1964. С. 179.

богоизбранности великих князей и начал воспринимать их деяния как волю Божию.

В XV – XVI вв. постепенно складывается система органов церковного управления, представленная епископатами, епархиями и приходами. Учрежденное в 1589 году патриаршество только усиливает притязания церкви на политическую власть. Столкновение власти и Церкви в середине XVI века переросло в так называемый церковный раскол, внешне выражавшегося в столкновении иосифлян и нестяжателей – сторонников старых и новых церковных положений. Однако, на самом деле за религиозными противоречиями, стояли политические – разделение власти и экономические – вопрос о земельной собственности Церкви.

А.И. Плигузов, справедливо отмечает, что «борьба XVI в. разгорелась вокруг земельной собственности Церкви. С этой собственностью было связано большое число людей: управляющих, крестьян, холопов, проживающих на церковных землях. Все они подпадали под юрисдикцию церковных властей. До принятия Соборного Уложения 1649г. все дела, относящиеся к ним, рассматривались на основании канонического права и в церковном суде. Под эту же юрисдикцию подпадали дела о преступлениях против нравственности, бракоразводные дела, субъектами которых могли быть представители любых социальных групп»¹.

Важно подчеркнуть, что Церковь была хорошо защищена со стороны норм права, отраженных в Кормчей книге и Стоглаве. Так, Плигузов отмечает, что «преступления против церкви до середины XVII в. составляли сферу церковной юрисдикции. Наиболее тяжкие религиозные преступления подвергались двойной каре: со стороны государственных и церковных инстанций. Еретиков стегали по постановлению церковных органов, но силами государственной исполнительной власти (разбойный, сыскной приказы). Церковное право предусматривало собственную систему наказаний: отлучение от церкви, наложение покаяния (епитимья), заточение в монастырь и др. Вну-

¹ См.: Плигузов А. И. Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С.127-129; Карташов А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1993. С. 451.

трицерковная деятельность регулировалась собственными правилами и нормами, круг субъектов, им подчиненных, был достаточно широким. Авторитет церкви в обществе растет. Церковь пытается встать над государством, что особенно хорошо прослеживается в период церковного раскола»¹.

В XVI веке Церковь ведет борьбу с еретичеством, которая началась в Новгороде. Очень быстро еретичество или ересь «жидовствующих», проникло в Москву. Известным еретиком был дьяк Федор Курицын, возглавлявший Посольский приказ и тесно связанный с придворной группировкой невестки Ивана III Елены Волошанки, вдовы Ивана Ивановича Тверского, сын которой Дмитрий некоторое время являлся наследником деда².

«Жидовствующие», прозванные так противниками за особое внимание к Ветхому Завету и, возможно, увлечение ренессансной каббалистической мистикой, отрицали монашество, иконы и заупокойные молитвы, отвергали необходимость церкви и служб и провозглашали главенство разума, который вера только стесняет. Собор 1504 г. решительно осудил ересь, – после того как от нее окончательно отвернулся великий князь Иван III, – и приговорил нескольких еретиков к сожжению на костре³.

Однако, посеянное еретиками зерно проросло. Нил Сорский, ученик старца Паисия, побывав на Афоне, призвал Русскую Церковь к «нестяжанию». Нил Сорский, виднейший основоположник заволжского скитского монашества, призывал к отказу от монастырского землевладения, которое, по его мнению, привязывает к миру тех, кто должен посвятить себя Богу. Он также настаивал, на том, что церковь должна вернуть свою независимость от светских властей, а государю не следует вмешиваться в церковные дела.

Доктрина Нила Сорского, открытого противника монастырского землевладения, стала отправной точкой для новых отношений церкви и государства. С ним ожесточенно спорил другой виднейший деятель Русской

---

¹ Плигузов А. И. Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С.129

² См.: Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. М., 1939. С.92-96.

³ См.: Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30-80-е годы XVI века. СПб., 2006. С.112-114.

Церкви, Иосиф Волоцкий (в миру Санин). Основатель и настоятель Волок-Ламского монастыря, виднейший борец с «жидовствующими», требовал сохранения и расширения материальных средств, находящихся в распоряжении Церкви – что только и могло, с его точки зрения, обеспечить ее влияние и независимость, едва не поколебленные еретиками¹.

Иоанн Мейендорф отмечал, что «основополагающей проблемой в этой борьбе являлся вопрос достижения гармонии в обострившихся взаимоотношениях между Церковью и Государством. В богословском смысле полемика между иосифлянами и нестяжателями была построена на давнем противостоянии Востока и Запада, известным по так называемым “исихастским” спорам святителя Григория Паламы с Варлаамом Калабрийцем о возможности познания Бога в Его нетварных энергиях. Споры, в которых святитель Григорий защищал не просто один из способов молитвы, но целое мировоззрение»².

Исихастские споры, по мнению Г. М. Прохорова, «стали точкой и встречи, и расхождения двух европейских Возрождений в начале пути. Русские исихасты: Сергей Радонежский, Стефан Пермский и другие, – определяли судьбы Московского государства и создали идеологию формирования великорусской народности. В то время, как римская церковь считала, что любое человеческое существо должно быть подчинено папе, исихасты доказывали возможность соединения с Богом и тела человека без посредничества и руководства римского епископа и необходимости подчинения ему»³.

В произведениях преподобного Симеона Нового Богослова, бывшего предтечей паламитства, «речь идет о разных подходах к вопросу о Спасении. Один путь – это путь, возможный лишь при решительном отказе от мира и уходе в “священнобезмолвие”. Это возвышенный путь причастников Фаворского света, мистического опыта монахов-исихастов, “получивших во благой

---

¹ Прохоров Г. М. Нил Сорский. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI в. Часть 2. Л.-Я. М., 1989. С.123-125; Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003.

² Мейендорф Иоанн, протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001. С. 405.

³ Прохоров Г. М., Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 23, Л., 1968. С. 86-108.

удел божественные энергии”, предполагающий изменение человеческой природы под действием Благодати, когда человек сам “становится этим Светом”. Подвижник здесь преодолевает в себе “мир”, свою природную “падшесть” через преображение. И другой путь – “завоевание мира на путях внешней работы в нем”»¹.

В духовном плане – это «“героическое брение”, пребывание в скорби от Богооставленности по своим грехам, “мистическая ночь, путь, воспринимаемый как духовная необходимость”. Этим путем шло духовное восхождение абсолютного большинства великих святых Западного христианства»². Таким образом, «одни свидетельствуют о своей преданности Христу в одиночестве и оставленности Гефсиманской ночи, другие стяжали уверенность в своем соединении с Богом в свете Преображения»³.

Именно это мировоззрение «священнобезмолвствующих», для которых «христианская вера предполагает личный опыт общения с Богом»⁴, вполне впитало в себя и монашество Руси. Пустынничество и умное молитвенное делание широко распространились по Русским землям и к XVI веку заявили о себе движением «заволжского старчества», «по Великому Василию уставу живущих нестяжательно». Заволжские старцы основывались в своей духовной деятельности и проповедях на учении Нила Сорского, выстраивая свою повседневность на его «Уставе скитской жизни»⁵.

В.Н. Лосский отмечал, что «Иосиф Волоцкий, с именем которого связано понятие иосифлянства по сути отстаивал общежительную и “вотчинную” модель монастыря. Предложенное им монастырское устройство, вне всяких сомнений, легче увязывалось с новым историческим этапом развития российской государственности, но вовсе не исключало и иного подхода в практике

¹ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С.170. См.: Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово 90. Изд. Русского Афонского Пантелеимонова монастыря. Вып. II. С. 488.

² Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 22.

³ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С. 170.

⁴ Мейендорф Иоанн, протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001. С. 389.

⁵ См.: Преподобный Нил Сорский и его устав о скитской жизни. Аскетика, или путь к спасению /Фонд «Христианская жизнь». Клин, 2001.

иноческой жизни. Сама же противоположность организации монастырской жизни “нестяжателей” и “иосифлян” того времени не являлась поводом для борьбы, очевидно, что проблема заключалась в отношении к монастырским имениям, землям и вотчинам и к крепостному люду, что сделало эту борьбу между Церковью и Государством, а также между “нестяжателями” и “иосифлянами” жестокой и бескомпромиссной»¹.

Противостояние между нестяжателями и иосифлянами стало очевидно еще в процессе борьбы с ересью, на церковном соборе 1503 г. Великий князь Иван III, отступившись от еретиков, вместе с тем использовал ситуацию для укрепления для усиления своей власти над духовенством. Принятые собором меры к исправлению нравственности духовенства расширили возможность государя вмешиваться в церковные дела, вплоть до отстранения иерархов. В нестяжательстве Иван III нашел умеренную и вполне православную альтернативу скуляризаторским проектам еретиков. Потому он фактически поддерживал выступление Нила Сорского с предложением отказаться от монастырского владения «селами». Однако, пойдя во многих вопросах на компромисс со светской властью, эту идею собор решительно отверг. Характерно, что об этом факте не сохранилось упоминаний в источниках московского происхождения².

Позднее нестяжательскую партию возглавил ученик Нила Сорского Вассиан Патрикеев, выходец из боярской семьи (связанной с московскими еретиками), талантливый публицист и искусный политик. Василий III первоначально оказывал нестяжателям поддержку, подобно отцу стремясь ослабить политические и экономические позиции церковной иерархии. При митрополите Варлааме, вступившем на престол в 1511 г., нестяжатели добились значительных успехов. Вассиан Патрикеев был переведен митрополитом в

---

¹ Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово 90. Изд. Русского Афонского Пантелеимонова монастыря. Вып. II. С. 489. Цит. по: Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С.175.

² См.: Скрынников Р.Г. Иван III. М., 2006. С.148-152; Плигузов А. И. Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С.114; Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. Одесса, 1871. С.48.

Москву, добился значительного влияния не только при митрополичьем, но и при великокняжеском дворе. Здесь он ожесточенно противостоял Иосифу Волоцкому, отстаивая программу нестяжательства.

Во внутрицерковной борьбе участвовали еще и греки. Нестяжателей поддержал афонский ученый монах Максим Грек (Михаил Триволис), в прошлом живший в Италии и тесно общавшийся с итальянскими гуманистами. До 1522 г. Максим занимал нейтральную позицию в противостоянии нестяжателей и иосифлян, но в 1522 г. выступил против близкого к иосифлянам и в то же время поддерживаемого Василием III новоизбранного митрополита Даниила. В попытке восстановить прежние связи Русской Церкви с Константинополем Максим Грек сомкнулся с нестяжателями, которые таким образом оказались к тому же в роли противников автокефалии, или сторонников ее противников. В 1531 г. Василий III и митрополит Даниил окончательно объединились против нестяжателей. Вассиан Патрикеев и Максим Грек (уже вторично) были преданы суду и подверглись ссылке. Поражение нестяжателей, достигнутое только с разрешения светской власти, в итоге только укрепило зависимость церкви от великих князей.

На соборах 1553-1554 гг. заволжские нестяжатели потерпели окончательное поражение, вновь столкнувшись с согласным противодействием митрополичьей и монаршей власти. Последняя в лице царя Ивана IV закрепила свое доминирующее участие в церковных делах уже в ходе Стоглавого собора 1551 г., частично удовлетворившего, казалось бы, требования нестяжателей. Всего через два-три года последовал их разгром. «Несколько лет продолжались поиски в северных скитах. Много старцев разбрелось по глухим местам вологодским и поморским, и старые очаги пустынножительства вокруг Кирилловой обители запустели». По выражению Г.П. Федотова, «духовная жизнь России разделилась на две эпохи – прошлую и настоящую – Святую Русь и Православное Царство»¹.

---

¹ Федотов Г. П. Собрание сочинений// Святые Древней Руси. М., 2000. Т. VIII. С. 152.

Выводы:

Уже в XV в. в соответствии с новой вырабатывающейся идеологией Московского государства, князь московский и вся Русь в своем статусе должен был стать сравним с византийским императором. После брака Ивана III и Софьи Палеолог, а затем свержения в 1480 г. татаро-монгольского ига, русские государи начинают претендовать на вселенский престол. Русское духовенство рассматривает страну как средоточие торжествующего «великого православного христианства», оформляется концепция – «Москва – третий Рим», со всеми вытекающими последствиями.

Уже в 1492 г. Московский митрополит Зосима в новой Пасхалии назвал Ивана III Великого «государемъ и самодержцемъ вся Русь, новымъ царемъ Константиномъ новому граду Константину – Москвъ». В Пасхалии Зосимы впервые обнаруживается идея – Москва — «третий Рим». Согласно Зосиме, Иван III, духовный преемник Константина Великого и прямой наследник святого Владимира, является «новым царем Константином новому граду Константину-Москве». Русь осознается как преемница Византии. Данная идея была развита уже в XVI в.

Идея законного господства Московских великих князей над всем православным миром хорошо прослеживается по источникам. Так, например, в Хронографе рассматривается всемирно-историческое значение создания единого Русского государства. Особенно тщательно проводит автор Хронографа идею преемственности от Византии – Русь предстает новой защитницей православной веры во всем мире.

Идеология Хронографа, которая заключается в концепции восприятия русской истории как части всемирной истории и божественного замысла, просматривается и в Никоновской летописи. Особые статьи этого летописного свода посвящены биографиям русских князей, в них передана генеалогия русских князей от Рюрика до Ивана Великого. Она увязывается с жизнеописаниями царей из всемирной истории – израильско-иудейских, египетских, римских, византийских. Особенное внимание уделяется падению Визан-

тии, причинам этого падения и возвышению Москвы, как центра православия и третьего Рима.

Важно подчеркнуть, что прослеживая идеологию власти, отраженную в источниках, обнаруживаем, что корону и бармы помазанника Божьего и нового Константина в православном мире примеряли на себя, посредством литературных образов, все великие князья Земли Русской, начиная с Владимира Крестителя.

Венцом идеологии власти XVI в. стала «Книга степенная царского родословия» (1560-е годы). Она в некоторых чертах повторяет Никоновский свод. В «Книге» содержится история возвышения великокняжеской власти, изложенная в виде жизнеописаний ряда великих московских князей и доведенная уже до царствования Ивана IV. Киев и Владимир уступают место Москве так же, как уступили ей место прежние мировые столицы, хотя и по иным причинам. Первый Рим пал, потому что предал истинное христианство, по той же причине пал и Константинополь, Москва – третий Рим, центр христианского мира и столица христианского монарха будет стоять вечно.

Очевидно, что идеология возвышения Москвы и княжеской власти, обнаруживаемая в источниках того времени, строилась на следующих основных положениях – Москва – третий Рим; великий князь московский – новый Константин, божий избранник и защитник веры христианской и всей земли Русской.

Ведущая роль в создании идеологической платформы централизации принадлежала Церкви. Церковь являлась не только центром обучения грамотности и посредником между западными литературными традициями и Русью, но и посредником между властью князей и народом. Таким образом, Церковь, облакая в слово в удачных компиляционных текстах передавала и прививала народу идеологию власти. На каждом этапе эволюции института князя эта идеология несколько трансформировалась, но основная идея оставалась неизменна – высокий статус власти, единоначалие власти, бого-

избранность власти. Работа Церкви по укоренению этой идеологии в массах обошлась власти очень дорого – многочисленные земельные пожалования, дары, отписывание крестьян, вместе с ростом собственности рос и авторитет Церкви как в стране, так и в мире. Возвышая власть, Церковь возвышала и себя.

После принятия автокефалии Церковь превращается в крупнейший властный институт, и становится официальным гарантом светской власти и ее легитимности в глазах народа, еще больше, чем раньше, акцентируя внимание на своей посреднической роли между Богом и русским царем как помазанником Божьим. Сильно укрепившиеся позиции церкви стали беспокоить и тяготить светскую власть, князья не намерены были делить власть даже с Церковью. Рост пожалованных князьями земельных угодий, а также ее высокий статус в обществе постепенно превращает церковь в крупного землевладельца. Церковь начинает претендовать не только на идейное и духовное главенство, но и на самостоятельное участие в общественно-политической жизни единой теперь страны. Весь XVI в. прошел под знаменем борьбы Церкви и Государства за власть и землю. Если в 1503 году на церковном Соборе светская власть проиграла Церкви и та отстояла свои земли, то уже в 1551 на Стоглавом соборе светская власть закрепила свое достигнутое за несколько десятилетий доминирование.

Глава 3. Завершающий этап централизации: идеология власти

Москва в основном завершила политическую централизацию русских земель в конце XV - начале XVI в. Теперь необходима была перестройка институтов государственного управления для нужд единого государства.

В период малолетства и юношества Ивана IV на политической арене появляются выдающиеся деятели того времени – Адашев, Висковатый. Именно они начинают реформу устаревшей системы управления. Реформы явились важной вехой в развитии страны. Реформаторы впервые заявили о себе после созыва первого Земского собора в 1549 г. Помимо членов Боярской думы и церковного руководства, на этом совещании присутствовали также воеводы и мелкие служилые землевладельцы.

С образованием единого централизованного государства эволюционируют все институты управления. Боярская дума превращается в высший государственный орган стран, которая сосредотачивает в своих руках законодательные и исполнительные функции. В руках Боярской Думы сосредотачивается координация деятельности приказов, она ведала местным управлением; Дума принимала решения по вопросам армейского устройства, а также земельным делам. В середине XVI в. рядом с Боярской Думой выделяется «Избранная Рада», которой проводится политика реформирования системы управления. Ведущая роль в реализации политики реформирования принадлежала А.Адашеву и Сильвестру.

Серьезной угрозой централизации являлись большие уделы, бывшие вотчины, по-прежнему сосредоточенные в руках бояр и Церкви. Террор и конфискации времен опричнины существенно поколебали позиции крупных землевладельцев. Царь единолично перераспределял фонд земельной собственности, истреблял подозрительных и непокорных бояр и даже церковных иерархов. Итогом опричной политики явилось резкое ограничение политической и экономической самостоятельности аристократии и Церкви, создание прецедента их деспотического и ничем не ограниченного подавления.

Это способствовало как закреплению итогов политической централизации, так и укреплению авторитарной по природе самодержавной власти монарха.

3.1. Задачи Боярской Думы в централизуемом государстве: реальность и идеология

В XV веке центральная власть на Руси была представлена, помимо великого князя, Боярской думой, дворцовыми учреждениями и дьяческим аппаратом. Великий князь занимался законотворческой деятельностью, ему принадлежала подготовка Судебников, уставных и указных грамот и т. п. Он же назначал на ведущие государственные должности. Великокняжеский суд являлся верховной судебной инстанцией. В ведении великого князя были международные отношения. Наиболее значимые военные походы возглавлялись им лично. Однако, например, Иван Великий лишь дважды лично ходил в походы, и другие московские государи выступали в роли военачальников сравнительно редко.

При всей широте полномочий государя, однако, традиционные представления существенно ограничивали его власть. Великий князь продолжал осознаваться прежде всего как глава огромного рода, в самом широком смысле тождественного всему населению подвластных ему территорий. В более узком смысле он выступал патриархальной главой по отношению к высшей аристократии. Эта роль, закрепленная к тому же с точки зрения религиозной, отражалась в строгом следовании традиции, например, при назначении на должности в Думе. Нарушение родовых привилегий в процессе таких назначений было, как увидим, возможно в принципе, однако почти неизбежно вело к возникновению непростых политических коллизий. Потому князья долгое предпочитали почти беспрекословно считаться с традицией, определявшей круг назначаемых аристократов и порядок их назначения¹.

---

¹ Кистерев С. Н. «Великий князь всея Руси» в XI–XV веках // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002. С.152-154.

Боярская Дума сама по себе обладала широкими полномочиями, перестав в условиях централизации быть просто княжеским советом с непостоянным составом и превратившись в стабильный, постоянно действующий орган центральной государственной власти. Князь должен был координировать с Думой практически все свои политические действия. При этом формально-юридически прерогативы Думы не фиксировались и не были разграничены с княжеским. Власть высшей титулованной и нетитулованной аристократии, сосредоточенной в Думе, основывалась на родовом праве и силе обычая, а не на писаном законе. На первых порах, а также в условиях временных ослаблений великокняжеской власти, – прежде всего при малолетстве государей, – это была сильная сторона, обеспечивавшая боярской аристократии возможность проводить выгодную для себя государственную политику во всех областях. Однако по мере централизации власти великие князья начинают подчинять себе Боярскую Думу¹.

С.М. Каштанов отмечает, что «в XV веке Боярская дума состояла из двух чинов – бояр и окольничих. Ее численный состав был небольшим, единовременно в нее входило 10-12 бояр и пять-шесть окольничих. Боярство формировалось из старомосковских нетитулованных боярских родов (Кобылины, Морозовы, Ратшичи и др.) и княжат, давно потерявших суверенные права (Гедиминовичи, Оболенские, Стародубские). Влияние отдельных лиц и боярских семей на ход политической борьбы в разные времена менялось. Так, в конце XV в. резко усилилось влияние группировки Патрикеевых (их сторонники составляли почти половину членов Думы). Засилье в Думе княжат из окружения Патрикеевых способствовало их опале в 1499 г.»²

Назначения в Боярскую Думу осуществлялись великим князем с оглядкой на традицию, с учетом знатности аристократических родов и принципа старшинства внутри рода. Однако, князь сохранял за собой решение очеред-

---

¹ См.: Дьяконов М. А. Власть московских государей. СПб., 1889. С.128-129.

² Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С.182-184.

ности, в соответствие с которым он мог своей собственной властью назначать представителя какой-либо фамилии раньше, чем другой.

С.Ф. Платонов отмечал, что «боярство занимало командные позиции в вооруженных силах страны и в административном аппарате. Бояре возглавляли полки в походах, судили поземельные споры, причем некоторые выступали в качестве судей высшей инстанции. Служили бояре и наместниками в крупнейших городах. Они же возглавляли комиссии, которые вели важнейшие дипломатические переговоры (в первую очередь с Литовским княжеством). В наиболее ответственные дипломатические миссии также посылались члены Боярской думы. Термин “бояре” имел узкое и широкое значение. В широком смысле боярами часто называли тех представителей знати, которые исполняли боярские функции: судебные (“с боярским судом”), дипломатические и др. Боярами иногда назывались дворецкие, казначеи и даже дьяки. Боярство было высшей прослойкой Государева двора и играло крупную роль в политической жизни страны. Двор состоял из двух частей: “княжат” и “детей боярских” — и давал кадры военачальников и администраторов более низкого ранга, чем администраторы-бояре. Двор был основной опорой великокняжеской власти»¹.

А.Е. Пресняков замечает, что «боярская дума как совещательный орган управления существовала еще в Киевской Руси, однако, в тот период она еще не являлась частью государственного аппарата. С образованием единого централизованного государства Боярская дума превращается в высший государственный орган страны. В состав Боярской думы помимо государя входили бывшие удельные князья и их бояре. В ее руках практически сосредоточиваются наиболее важные властные функции. Боярская думе принадлежала законотворческая инициатива в принятии новых “уставов”, налогов и знаменитых Судебников (1497, 1550 гг.), являвшихся сводами юридических норм и законов, действовавших на всей территории единого государства. Одновре-

---

¹ См.: Платонов С. Ф. Боярская дума – предшественница Сената // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. 2-е изд. СПб., 1912. С.148-149.

менно Боярская дума была и высшим исполнительным органом. Она осуществляла общее руководство приказами, надзирала за местным управлением, принимала решения по вопросам организации армии и земельным делам. С 1530—1540 гг. Боярская дума становится государственным бюрократическим учреждением»¹.

Наивысший расцвет Боярской Думы, пик ее влияния на государственные дела приходится на период после смерти великого князя Василия III, когда Иван IV оставался малолетним. В этот период думское боярство играло роль правительства России, в рамках Думы разгоралась борьба за власть между отдельными боярскими группировками, определявшими в разные годы политику страны. В то же время и в другие периоды роль Думы была огромна. В руках представленных в Думе боярских родов и кланов находились высшие военно-административные должности, бояре осуществляли дипломатические миссии. Дума являлась органом управления единого государства и в принципе была заинтересована в сохранении этого единства. Однако объективно всевластие аристократии не только ограничивало власть монарха, но и тормозило завершение процессов централизации страны.

В состав Боярской думы был в ту пору очень невелик. К концу 1533 г. в Думе состояло лишь двенадцать бояр и трое окольничих. Узкий круг аристократии сосредоточил в своих руках все высшие думские посты. Первую и в силу политических причин наиболее влиятельную группу в этом кругу составляли княжеские роды западнорусского и литовского происхождения (Глинские, Оболенские, Бельские, Мстиславские и др.). Второй группой были потомки ростово-суздальских князей (Шуйские, Ростовские, Горбатые и др.). Князья несколько потеснили представителей нетитулованного старомосковского боярства (Морозовы, Шейны, Челяднины, Воронцовы), которые, однако, не потеряли своего представительства. Между отдельными

---

¹ Пресняков А. Е. Московское царство // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С.197-198.

группами и родами не прекращалась борьба, часто принимавшая весьма ожесточенные формы¹.

Легальной формой этой борьбы и одновременно средством ввести ее в законные рамки, приспособить к требованиям стабильности централизованного государства, являлось местничество. Местническая система определяло положение служилого землевладельца, аристократа или простого дворянина, на внутренней иерархической лестнице его сословия. Замещение должностей по местническому принципу исходило, с одной стороны, из степени знатности того или иного лица, а с другой – из «служб» не только его собственных, но и его предков, московским князьям, из занимавшихся ранее родом должностей. Система местничества и местнический суд позволяли великим князьям предотвращать перерастание соперничества знати в прямые усобицы, поддерживать в аристократии сознание необходимости государственной службы в личных и общеродовых интересах. Однако эта же система вынуждала государей считаться с исключительными или как минимум преимущественными правами знатнейшей титулованной и нетитулованной знати на все высшие должности в военной и административной системе. Практика функционирования боярской иерархии в централизованном государстве основывалась, таким образом, на архаических родовых принципах, на феодально-клановой идеологии. Процесс становления и укрепления централизованного властного аппарата, по мнению современных исследователей, настоятельно требовал ликвидации тотального засилья высшей аристократии².

А.А.Зимин, указывает на то, что «в середине XVI в. из Боярской думы выделилась так называемая “Ближняя дума”, а при Иване Грозном — “Избранная рада” (1547—1560 гг.), состоявшая из узкого круга приближенных царя, таких, как священник Благовещенского собора в Кремле Сильвестр,

---

¹ См.: Ротенберг С. С., *Монархия с Боярской думой (к вопросу об установлении самодержавия в России)* // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. М., 1946, Т. 35. С.105-107; Юшков С. В., *К вопросу о сословно-представительной монархии в России* // Сов. гос-во и право. М., 1950, № 10.

² Каштанов С. М. *Россия // История Европы . Т.3: От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.)* М., 1993. С.123-124.

царский постельничий А. Адашев и другие, решавших экстренные и тайные вопросы. Кроме думских дьяков в чиновный аппарат Иван Грозный ввел думских дворян. Решения «Избранной рады» шли от имени царя и проводились в жизнь думскими чинами. В связи с возросшей политической ролью дворянства в делах этого учреждения стали принимать большое участие дети боярские и дьяки, взявшие в свои руки все делопроизводство Думы. Зарождались, таким образом, новые думные чины — думных дворян и думных дьяков. В боярских комиссиях Думы наряду с боярами видное место занимали казначеи, дьяки и неродовитые феодалы»¹.

Проблема «избранных» в русской культуре приобретала особую остроту тогда, когда ожидалась какая-нибудь сакральная дата. В преддверии 1666 г. у староверов обострилось ощущение, что «российский народ — последнее, оставшее на земли семя Авраамле, то есть Новый Израиль, людие обновления» (протопоп Аввакума). По словам Аввакума, «надеющиеся на Христа разумеют истину и вернии любовью пребудут в нем: яко благодать и милость на преподобных его и посещение во избранных его». Протопоп, во многом сходно с описывавшим «Избранную Раду» Андреем Курбским, представлял дело так, что у царя (Алексея Михайловича) имелась «избранная рада» — включавший и самого Аввакума кружок ревнителей благочестия. Но «ныне, аще бодрственне и со опасением не трезвятся, то и избранныи будут прельщатися многокозненной вселукавою последнею прелестию, по числу приходящего зверя 666».

Многие исследователи связывают термин «Избранная рада» с такими понятиями как «Боярская дума», «ближняя дума» и т.д. Слово «рада» вероятно было заимствованно из польского языка, и обозначало совет при монаршей особе.

Семантическую основу слова «избранные» легко обнаружить искать в книгах Священного Писания. В Библии слово «избранные» употреблено 75

---

¹ Зимин А. А., Состав Боярской думы в XV-XVI вв., в сб.: Археографич. ежегодник за 1957, М., 1958. С.167-168.

раз. Этим термином определялись: избранный «из всех племен»¹ народ; «избранные из сынов Израилевых»²; «избранные мужи общества»³; «семя Израилево <...> избранные Его»⁴.

Избранные – спасенные последних времен, которым, однако, также предстоят испытания верности: «Восстанут бо лжехриста и лжепророцы, и дадут знамения веля и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя»⁵.

Функция избранных – борьба со злом, с дьявольской силой, в которой Бог помогает им, защищая и оберегая: «Сии (силы зла) со Агнцем брань сотворят, и Агнец победит я, яко Господь господем есть и Царь царем: и сущий с ним, званнии и избраннии и вернии»⁶.

Таким образом, «Избранная рада» – не столько официальное название властного органа, сколько условный, богословского происхождения термин, которым князь Курбский определил своих былых соратников, «избранных» мужей при православном царе. Пребывая в «чистоте», избранные обретают Божественную помощь. Потому-то прислушивающийся к «избранным» великий князь, по мнению Курбского, подобен Граду Божьему.

Однако если «Избранная Рада» действительно призвана в советники царю Богом, то сам царь в годы опричнины стал действовать «по наущению дьявола», избирая негодных советников. Последние – орудия дьявола, а не Бога, не борющиеся со злом, а помогающие возгордившемуся царю в умножении зла.

Итак, понятие «избранные» употребляется А.М. Курбским (от которого и перешло в современную науку) вовсе не для обозначения личной близости к государю. Последний, как центральная фигура богоспасаемого царства, должен быть окружен «избранными» – окружением, стремящимся к нрав-

¹ Библия. Синодальный перевод. М., 2008. (Исх. 23. 22).

² Там же. М., 2008. (Исх. 24. 11).

³ Там же. М., 2008. (Чис. 1. 16).

⁴ Там же. М., 2008. (1 Пар. 16. 13).

⁵ Там же. М., 2008. (Мф. 24. 24).

⁶ Там же. М., 2008. (Откр. 17.14).

ственной чистоте и верности Богу. «Избранность» – идейная и моральная оценка, некая программа, которую Курбский (но до него, возможно, и сами «избранные») предлагает как альтернативу и деспотической единоличной власти монарха, и агрессивному эгоизму кичливой боярской знати времен малолетства Ивана IV.

3.2. Идеология реформ системы управления в период царствования Ивана Грозного

Процесс оформления централизованного государства на Руси пришел к своей завершающей стадии уже в первой трети XVI в.. Однако, врагов у центральной власти было еще не мало. Как уже отмечалось, начало правления Ивана IV отмечено чередой боярских правлений от имени малолетнего великого князя¹.

Первый шаг молодого Ивана на пути к подавлению сопротивления оппозиции был сделан посредством венчания его на царство. В 1547 г., в возрасте семнадцати лет, он короновался как царь Всея Руси. Вероятно, венчание было подготовлено А.Адашевым с целью возвышения статуса царской власти в общественном сознании. Церемония коронации, перенятая Россией из Византии, содержала в себе сакральное таинство миропомазания.

Стоит отметить, что еще в Киевской Руси поставление на великое княжение осуществлялось благодаря определенному церемониалу, который назывался настолованием или интронизацией. Византийский обряд венчания на царство появился на Руси уже при Иване Великом. Так, последний венчал на царство своего внука Дмитрия. Однако на венчании Дмитрия был использован титул «великого князя»; использование титула «царь» впервые встречается при коронации Ивана Грозного. Царь становился «помазанником Божиим», что приравнивало его во власти, данной от Бога, к священнослужителям.

---

¹ Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С.112-114.

После венчания на царство, однако, царю и его приближенным пришлось изыскивать различные экономические, политические и идеологические методы, направленные на повышение авторитета власти. Этот период правления царя Ивана, как правило, связывают с реформацией системы управления. Первоначально преобразования исходили от «Избранной рады», – как уже говорилось, так называлось негласное правительство при царе, сложившееся в 1547 г. и возглавляемое А. Адашевым и протопопом Сильвестром. «Избранная рада» осуществляла все действия от имени царя. Помимо Адашева и Сильвестра, среди членов «Избранной рады» называют митрополита московского и всея Руси Макария, князя А.М. Курбского, главу Посольского приказа И.М. Висковатого¹.

Назовем здесь некоторые основополагающие реформы времен Избранной Рады. Согласно приговору 1549 г., – первой из принятых мер, служилые землевладельцы освобождались от власти наместнического суда, за исключением наиболее тяжких преступлений. Данная мера была связана с тем, что служилые люди, имевшие при себе оружие и не получавшие жалования превращались в разбойников и третировали мирное население. Прекратить грабежи вооруженных шаек являлось главной задачей правительства².

Наконец, в 1550 году началась военная реформа. Была упорядочена воинская повинность, создано вооруженное огнестрельным оружием стрелецкое войско, вместе с которым появился и новый, не связанный с феодальным классом, разряд служилых людей. Зимин А.А. указывает, что «всего выделилось две категории служивых людей. В первую категорию вошли бояре и дворяне. К другой категории относились простолюдины – стрельцы, казаки, ремесленники, связанные с изготовлением оружия. Таких людей называли взятыми на службу “по прибору” или по набору. Военным выделялись зе-

---

¹ См.: Кобрин В. Б., Юрганов А. Ю. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // ИСССР. 1991. №. 4.

² См.: Скрынников Р. Г. История Российская. IX–XVII вв. М., 1997. С.158-159.

мельные наделы и личные дома, таким образом, образовывались целые военные поселения»¹.

Серьёзному реформированию была подвергнута система управления на местах. Среди важнейших правительственных мер было введение единой государственной пошрины и единого налога на землевладение с единицы площади². Указ о местничестве, принятый в 1549 г. и дополненный в 1550, производил своеобразное «огосударствление» местничества. Государь становился высшим арбитром при решении местнических дел, способным всецело контролировать ход разбирательства. Назначение на службу превратилось в обязанность аристократов, уклониться от которой было невозможно. При этом при назначении на должность «служба» (своя и предков), как свидетельствуют разряды, теперь учитывалась чаще, чем само по себе происхождение. Это привлекало на сторону государства нетитулованную часть знати и широкие слои дворянства и дьячества, надеявшиеся на продвижение по служебной лестнице. Служебное начало местнической реформой ставилось выше родового³.

Важной задачей при обновлении системы управления стала борьба с казнокрадством. Необходимо было создать аппарат чиновников, деятельность которых исключала бы хищничество.

Как указывает С.Б.Веселовский «наиболее эффективной формой создания исполнительного аппарата явилось избрание на местах самими подданными чиновников для несения государственных, “казенных” функций. Выбранные в городах и волостях целовальники и старосты становились “чиноначальными” людьми государства. Выборность и сменяемость этих лиц ста-

---

¹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С.120.

² См.: Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С.124-127; Носов Н. Е «К вопросу о земельной политике Избранной рады» // Исторические записки. Кн. 38. М., 1951. С.155-156.

³ См.: Скрынников Р. Г. Самодержавие и опричнина: Некоторые итоги политического развития России в период опричнины // Внутренняя политика царизма: Середина XVI — начало XX в. М., 1967. С. 69.

вила их деятельность в пользу государства и контролируемую государством также и под контроль подданных»¹.

Выборность властей на местах приводила к сокращению масштаба злоупотреблений и произвола увеличивавшая доходы казны. Данная система являлась решительным шагом на пути ликвидации пережитков удельного строя. В рамках выстраивания идейных основ самодержавной монархии в словесном обрамлении выстраивание прямых связей между государем и «землей», без посредства родовитых наместников, имела важнейшее значение. Жители уделов, вошедших в состав Московского государства, только теперь превращались в полном смысле слова в его подданных, подвластных общегосударственным законам и встроенным в общегосударственную систему правовых отношений².

Новым этапом развития политических институтов в Московском княжестве стала губная реформа, подготовленная еще в 1539 г. регентшей великой княгиней Еленой Глинской, матерью Ивана IV. Назначаемые органы управления на местах заменялись выборными – губными и земскими избами во главе со старостами. Выборщиками являлись представители различных сословий отдельных местностей. Земские старосты выбирались жившими на «черных» государственных землях свободными крестьянами, а губные – провинциальным дворянством. В ведение старост была передана борьба с «разбоями». Губная реформа имела своей главной целью избавление от произвола местных властей, прежде всего разрушение в немалой степени и провоцировавшей этот произвол системы кормлений. Постепенно кормления и наместничества были вытеснены новыми административно-территориальными единицами – губами³.

---

¹ Веселовский С. Б. Исследование по истории опричнины. М., 1963. С. 15–16.

² См.: Шмидт С. О. Российское самодержавие и бюрократия в XVI столетии // Власть и политическая культура в средневековой Европе. VI. 1992. Ч. 1. С.183-184.

³ См.: Зимин А. А. Губные грамоты XVI века из Музейного собрания // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. XVIII. М., 1995. С.130-132.

Благодаря «Избранной» раде была проведена и судебная реформа. Ключевым ее актом явилось издание нового Судебника в 1550 г. Этот новый правовой кодекс Московского государства ужесточил наказания за тяжкие уголовные деяния, взяточничество и другие преступления. Кроме того, были упорядочены денежные сборы и штрафы.

Была подвергнута реформированию приказная система. Теперь во главе приказа ставился дьяк, который назначался из служилых людей, что позволило ослабить авторитет знатных бояр. «В древней России управление и суд всегда шли рука об руку», — замечает известный исследователь русского права Ф. М. Дмитриев¹.

Однако для проведения в жизнь судебной реформы требовалось решить проблему «земского устройства». Судебник явился важнейшим этапом на пути той же сословной реформы местного управления, превращавшей его в самоуправление. Наместники ставились под контроль земских органов власти. При этом интересы местного населения защищались представителями практически всех свободных сословий. Городовые приказчики контролировали деятельность наместников от имени дворянства, а дворские старосты и целовальники призваны были стоять на страже интересов посадских и крестьян. Соответствующая статья Судебника отражает представление о необходимости защиты местного населения от произвола знатных управленцев². Идея общего контроля над последними со стороны сословий и монарха — ключевая при выстраивании идеологии сословной монархии.

Судебник, как правовой документ, здесь не столько идеологичен, сколько конкретен и прагматичен. Выборные представители сословий должны следить, чтобы наместники не брали взятки-«посулы». Судебником в тех же целях ограничения произвола вводилось протоколирование судебного за-

---

¹ Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях//Соч. М., 1859. С. 7.

² См.: Скрынников Р.Г. История Российская IX-XVII вв. М., 1997. С.112-114; Судебники XV–XVI веков // под общей ред. Б. Д. Грекова, М.-Л., 1952; Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича / Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. Л., 1968.

седания, причем второй экземпляр протокола должен был оставаться у выборных «судных мужей». Появление присяжных в наместническом суде относится еще к XV в., но ранее они жаловались этим правом в особых случаях от великого князя, и полномочия их носили более символический характер, не имея никакого серьезного значения¹.

Значение судебных реформ «Избранной Рады», ставших переломными для складывания особой формы самодержавно-сословной монархии в России, становится ясно при сравнительно-историческом рассмотрении. Это были преобразования более глубокие, чем абсолютистские судебные реформы XVIII в., проводившиеся при Петре I и при Екатерине II. Это вполне объяснимо разницей в их задачах – реформа середины XVI в. носила революционный характер, взламывая в интересах верховной власти сложившуюся систему взаимоотношений ее с обществом, меняя иерархию в обществе и предоставляя сословиям больше инициативы. Реформы же XVIII в. призваны были укрепить существующий строй и существующую иерархическую систему за счет частичной ее корректировки. С реформой середины XVI в. более сопоставима реформа 1864 г., также расширявшая общественную инициативу через введение суда присяжных. Но если реформа 1864 г. была проведена после отмены крепостного права, то реформа 1550-х гг. предшествует складыванию крепостнической системы. Последняя уже исключала значительную роль присяжных, избираемых в том числе и крестьянами, в судопроизводстве².

Введение новой системы местного самоуправления и единого для всей страны законодательства подразумевало отмену феодальной системы иммунитетов, при которой светские и духовные землевладельцы обладали теми или иными исключительными правами, в том числе и прежде всего в налоговой сфере. Отмене этого порядка посвящена 47-я статья Судебника, которую

---

¹ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1984. С. 134–135, 217–218.

² См.: Скрынников Р.Г. История Российская IX–XVII вв. М., 1997. С.119–121; Юткин А. Судебник Ивана III – первый кодифицированный правовой акт на Руси // Российская юстиция, 1997, №7.

подтвердил в 1551 г. и церковный Стоглавый собор: «Тарханных (освобождения от налогов — *Н.Ш.*) вперед не давать никому, а старые тарханные грамоты поимати у всех».

Вопрос, однако, все равно не был решен окончательно. И после Стоглавого собора продолжалась борьба за сохранение тарханных прав. Однако царская власть пошла только на самые незначительные уступки, в целом добившись уничтожения старого феодального иммунитета.

При этом земельная политика «Избранной Рады», не беря в целом на вооружение программу нестяжателей, была вместе с тем направлена на ограничение церковного и монастырского землевладения. Особенно оберегались земли светских землевладельцев, особенно мелких, – дворян и детей боярских. При этом законодательно ограничивались и права Церкви в отношении крестьянских «черных» земель, что существенно ограничило рост церковного землевладения¹.

Новые задачи перед «Избранной Радой» поставило присоединение Астраханского и Казанского ханств. На западных рубежах Руси началась в 1558 г. Ливонская война, затянувшаяся на 25 лет и послужившая причиной экономического кризиса (1570-1580)².

Стоит подчеркнуть, что характер реформ времени Ивана Грозного был различен и менялся он в зависимости от времени появления самих реформ. Так, реформы, принятые в 1540-е гг., носили значительно более демократический характер, чем реформы более позднего периода.

Как указывает Н.Е. Носов «в середине 50-х гг. правительство проводит целый комплекс реформ, направленных на “огосударствление” взаимоотношений между классом землевладельцев и центральной властью. Важнейшими из них являются приговоры о кормлениях и о службе. Кроме приговора о

---

¹ Скрынников Р. Г. Самодержавие и опричнина: Некоторые итоги политического развития России в период опричнины // Внутренняя политика царизма: Середина XVI — начало XX в. М., 1967. С. 69.

² См.: Зимин А. А. Пересветов и его современники. М., 1958. С.123-124; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С.166-167.

кормлениях правительство принимает в 1550 г. ряд других важнейших указов, регулирующих служебные обязанности землевладельцев. Устанавливается единая норма военной службы с земельными владениями. В целях практического исполнения приговора о службе летом 1556 г. был проведен всеобщий смотр дворянского ополчения. Все землевладельцы независимо от размера своих владений становились служилыми людьми государства. Даже вотчинная земля превратилась в государственное жалование за службу»¹.

Значительным этапом реформации системы управления стал указ Ивана Грозного под названием «Приговор царской о кормлениях и о службах» лета в 1556 г. Исчерпывающую характеристику значения этого акта дал А.А. Зимин: «Кормление было окончательно отменено, в уездах и волостях, где не было помещичьего землевладения, черносошные крестьяне (крестьяне, которые несли тягло не в пользу помещиков, а в пользу государства) и посадские люди получили право выбирать “излюбленных голов” (старост) и “лучших людей” – земских судей, целовальников. Требования к кандидатам были следующие: прожиточность (т.е. определенная мера состоятельности), грамотность и благонадежность. Делопроизводство вел выборный земский дьяк. В своей работе они опирались на выборных от крестьянской общины – сотских, десятских, пятидесятских. Все земские выборные избирались на неопределенный срок, но могли быть переизбраны. Позже были введены ежегодные выборы. Земские органы собирали подати, разбирали гражданские и второстепенные уголовные дела черносошных крестьян и посадских людей. В качестве наказания по обычным уголовным делам применялись битье кнутом на торговой площади, денежные взыскания. За серьезные, особенно противоправительственные, преступления полагалась казнь. К середине XVI в. органы губного и земского самоуправления функционировали как минимум в 160 городах России»².

---

¹ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1968. С.155-156.

² Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С.138-139.

В 1560 г. наступил конец «Избранной Рады» – окрепшая власть царя больше не нуждалась в советчиках. Адашев с братом Данилой были отправлены в Ливонию, а затем репрессированы. Сослан был Сильвестр, бежал в Литву князь Курбский.

Царь начал реализацию новой беспрецедентной реформы – Опричнины. На данном этапе исследования постараемся раскрыть, в общих чертах, проводимую в период с 1565 по 1572 г. политику опричнины через призму идеологии централизации. Важно отметить, что политика опричнины и в особенности та сакральная нагрузка, которую она в себе несла и должна была способствовать централизации и укреплению безграничной власти богоизбранного царя.

Итак, в 1565 году Иван IV разделил всю землю Русскую на частную и государственную – Опричь и Земщину. Значительные территории в различных, преимущественно приграничных, а также северных областях государства, были выделены в личную собственность государя, особый государев удел, Опричь. Земли, которые Иван Грозный оставил в частном владении «земской» знати, получали название Земщины. На землях, вошедших в опричнину, прошли массовые конфискации княжеских и боярских владений, начались репрессии против оппозиционной знати. Захваченные вотчины дробились на мелкие поместья и раздавались в наследственное держание дворянам. В результате такой политики земельная аристократия лишалась практически всякой власти и даже безопасности, а царь становился подлинным самодержцем, опирающимся на силовой аппарат и собственную армию, состоящую из обогатившихся за счет знати дворян-помещиков¹.

К Опричнине были отнесены следующие земли Московского государства. На западе, в литовском пограничье: Козельский, Вяземский, Малоярославецкий, Лихвинский, Белёвский, Медынский уезды, часть Перемышльско-го уезда. В центральных областях государства – Можайский и Суздальский

---

¹ См.: Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // Исторические записки. 1963. № 2. С.132-147; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины / Подгот. В. Г. Гейман, Б. А. Романов, И. И. Смирнов. М.- Л., 1950.

уезды; Аргуновская волость Переславль-Залесского уезда, что вокруг Александровской слободы; из волостей под Москвой – Олешня, Гжель и Хотунь на Лопасне (на границе с Коломенским и Дмитровским уездами), Гусевская; село Муромское во Владимирском уезде; Домодедовская волость на реке Пахре; окрестности озёр Селигер (Вселуки) и Ладожского (Ладожский порог на Волхове). Наиболее богатой частью опричных владений стали приносившие большие налоговые поступления земли Русского Севера, населенные черносошными или дворцовыми крестьянами. Это были поморские города области – Устюг, Вологодский уезд, Двинской край, Вага, Галич, Каргополь, Пинега с Мезенью, Плёсская волость, Буйгород, дворцовый Юрьевецкий уезд на Волге. Все они составили финансовую базу для опричнин. Особенно ценной в этом смысле была соляная торговля Севера (Соль Вычегодская), Заволжья (Солигалич), Заонежья (Каргополь), Северо-Запада (Старая Русса), Поволжья (Балахна). Именно она в основном приносила доход в опричную казну. В 1567 г. в опричнину вошел Костромской. В 1569 году в опричнину была включена часть Белозерского уезда, а также Ростов и Ярославль и часть Новгородской земли¹.

Опричнина разделила и Москву. К ней отнесли территорию от Никитских ворот до Москвы-реки, включая Арбат, Сивцев Вражек, Знаменку, Воздвиженку, Чертолье (нынешний район Пречистенки). На Воздвиженке напротив Троицкой башни Кремля (сегодня на этом месте Российская государственная библиотека) царь выстроил Опричный дворец, прослуживший ему четыре года, вплоть до нашествия крымского хана на Москву, когда Девлет-Гирей спалил весь город. Опричный дворец полностью соответствовал библейскому описанию Града Божьего в библейской книге Иезекииля. Немец Генрих Штаден, служивший в опричном войске, писал, что «цоколь был выложен белым камнем, над ним – кирпичная кладка, трое ворот, окованных

---

¹ См.: Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С.184-186.

железными полосами и крытых оловом, запирались на два толстых бревна каждые, над крышами деревянных хором возвышались двуглавые орлы»¹.

Данное описание соответствует описанию Града Божьего данного Иезекииелем. Так, в видении Града Божьего находим рассказ об измерении храма Божьего, находящегося внутри Града. Храм измерен с четырех сторон: «И ста создаи врат, зрящих на восток, и размери пять сот тростию мерною. И обратися на север и размери на лице севера лактей пять сот тростию мерною. И обратися к морю и размери на лице моря пять сот лактей тростию мерною. И обратися на юг и размери противу югу пять сот тростию мерною. Четыре страны тоюжде тростию: и расположи его, и ограду окрест ему, пять сот лактей (долготу) на восток, и пять сот лактей широту, еже разлучати между святыми и между предстением сущим в чиноположении храма» (т.е. «чтобы отделить святое место от несвятого»)².

Интересно также описанное Иезекииелем соотношение Града Божьего и удела князя: «И старейшине от того: и от сего в начатки святых, во одержание града по лицу начатков святынь и по лицу одержания града, яже к морю, и от сущих к морю, яже на восток: долгота же яко едина часть от предел иже к морю, и долгота ко пределом, иже на восток земли»³.

Князю дается «доля» у священного места как с западной стороны к западу, так и с восточной к востоку. В Москве опричные места находятся в противоположащих частях города. Один район включал Чертолье, Арбат, около половины Никитской улицы. Этот государев удел располагался на западной стороне от Опричного дворца (строившегося по образцу Града Божьего). Слободы же вокруг Воронцова поля – под Сосенками, Воронцовская, Ильинская, Лыщиковская, расположены на восточной стороне от Опричного дворца. Таким образом, книга Иезекииля как бы обеспечивает модель для во-

---

¹См.: Забелин И.Е. Опричный дворец царя Ивана Васильевича. М., 1893. изучения ее планировки конца XVI -начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С.155-156; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. М., 1925. С.107-108.

² Библия. Книга Иезекииля 2000: 42, 16-20.

³ Там же. М., 2000. 45, 7.

площениа в опричном градостроительстве. Опричные территории в Москве расположены сознательно, со строго определенным символическим значением.

В Апокалипсисе Бог дает апостолу Иоанну Богослову трость для измерения Храма в будущем Граде: «И дана ми бысть трость, подобна жезлу, глаголя: встань, и измери церковь Божию, и алтарь, и кланяющыяся в ней»¹. В опричном монастыре и в Опричном дворце было не только 500 братьев, но и 500 посохов – тростей. Едва ли такая деталь случайна, хотя обнаруженная связь, по всей видимости, сугубо символическая².

К сожалению, до нас дошло крайне мало сведений современников, касающихся опричнины. Так, известно «Сказание» Альберта Шлихтинга, «Записки» итальянца Арнольфа Генриха Штадена, «Послания» Иоганна Таубе и Элерта Крузе. Наибольший интерес для исследования представляют воспоминания Альберта Шлихтинга. Альберт Шлихтинг, попал в плен к русским при взятии литовской крепости Озерище в 1564 г., затем работал в качестве переводчика у личного врача Ивана Грозного итальянца Арнольфа Генриха Штадена. В 1570 году Шлихтинг бежал в Польшу где и написал «Сказание» повествующее об Иване Грозном и его Опричнине.

Так, Шлихтинг писал: «Все, что ему приходило в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви; и те, кого он приказывает казнить, должны прибыть (*в Александрову слободу* — Н.Ш.) как можно скорее, и он дает письменное приказание, в котором указывается, каким образом они должны быть растерзаны и казнены»³.

Из воспоминаний современников тех событий также узнаем, что многие казни совершались при помощи воды (часто замученные сбрасывались в воду с моста) – реки, озера, котла с кипящей водой. Как известно, вода зна-

---

¹ Библия. Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции. М., 1995: 50.11,1

² Забелин И.Е. Опричный дворец царя Ивана Васильевича. М., 1893. изучения ее планировки конца XVI -начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С.159.

³ См.: «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С 1-15.

менуется собой неверие¹. Например, это подчеркивал Филофей: «Воду же глаголют неверие».²

Н.С. Тихонравов отмечал: «По мифическим русским воззрениям, выжившимся в многочисленных и разнообразных произведениях народной поэзии, ад находится в пропастях, на дне реки. Грешникам уготовлены “пропасти неисповедимыя”, которые после Страшного Суда будут задернуты землей, травой и муравой»³.

Интересно, что еще в иудаистской традиции Сад Эдема располагается «справа», а Геенна «слева» от Господа; у Платона души праведных после смерти идут «направо и вверх на небо», а грешников – «на лево и вниз». Ад и Страшный Суд постоянно сопровождаются огнем. Он выступает в ипостасях огненных реки и озера, изображается в кипящем котле. В то же время ад – царство не только огня, но и вечного холода. Эти образы переплетаются до тождества. «Лютый мраз» мог изображаться в виде красного, как будто огненного, озера, – частый образ в средневековых миниатюрах, изображающих ад, загробные муки, Страшный Суд. По русским апокрифам, к числу адских мук относилась пытка огнем и «мразом»⁴.

Опричные казни становились как бы чистилищем, мытарством для согрешивших, в преддверии Страшного Суда. Царь своей неограниченной властью, как исполнитель Божьей воли, карая грех во имя «благочестия», спасал тем самым и свою собственную душу, и души своих врагов-грешников, которым предоставил возможность пострадать еще на земле. Очевидно, что посредством опричнины царь пытался воссоздать картину Страшного суда, и сам, приравняв себя к Богу, казнил и миловал своим судом. Возможно, смоделировав Конец света, он пытался искупить грехи народа русского и тем са-

¹ См.: Булычёв А.А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С.112-114; Карсавин Л. П. Символизм мышления и идея миропорядка в средние века // Научный исторический журнал. 1913. Т. 1. Вып. 2. С.189-190.

² Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984.

³ Тихонравов Н.С. Отреченные книги. / Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. С.191.

⁴ См.: Покровский Н.В. Страшный Суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса 1887. Т.3. С.363.

мым отодвинуть Конец света, в неминуемое наступление которого, приблизительно в 1492 году, как уже говорилось, долгое время верили во всем почти православном мире¹.

Стоит обратить внимание на одежду опричников – одеты они были во все черное и восседали на черных конях, к седлам у них были приторочены собачья голова и метла, что являлось символом искоренения измены в государстве. Однако, есть и другие параллели.

В той же книге Иезекииля соединению Бога со своим народам в грядущем Граде Божиим предшествуют разнообразные Божьи наказания. Таким карающим и вразумляющим Божьим Промыслом является и пришествие племен Гог и Магог: «И приидеши от места своего от конца севера, и языцы мнози с тобою: конницы на конех вси, собор велик и сила многа, и възидеши на люди моя Израиля, яко облако покрыта землю: в последния дни будет, и возведу тя на землю мою, да мя оуведят вси языцы, егда освяшуся в тебе пред ними, о Гог!.. И будет в той день, в оньже приидет Гог на землю Израилеву, глаголет Адонаи Господь, въздет ярость моя во гневе Моем»² В Откровении Иоанна Богослова, где нашествие Гога и Магога также описано, без конкретизации происхождения этих народов говорится: «И въздоша на широту земли, и обыдоша святых стан и град возлюбленный. И сниде огонь от Бога с небесе, и пояде я: и диявол льстяй их ввержен будет в езеро огненно...»³.

Андрей Кесарийский, единственный общепризнанный в православии толкователь Откровения, это место истолковывает так: «Как дикие звери из ущелий... предводительствуемые дьяволом и его бесами разойдутся из своих мест по всей земле, чтобы пленить и разрушить стан Святых, т.е. Христову Церковь»⁴.

---

¹ См.: Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // Исторические записки. М., 1963. № 2; Карсавин Л. П. Символизм мышления и идея миропорядка в средние века // Научный исторический журнал. 1913. Т. 1. Вып. 2. С.187-189.

² Библия. Книга Иезекииля. М., 2000. 38. 15-16, 18.

³ Библия. Откровение св. Иоанна Богослова. М., 1995. 20, 8 -10.

⁴ Толкование на Апокалипсис святого евангелиста Иоанна Богослова. М., 2000. С.112-116.

На Руси XVI столетия нашествие Гога и Магога нередко особо иллюстрировалось в лицевых апокалипсисах. Они различаются здесь от Антихриста и лжепророка; Гог и Магог могут изображаться как предводители воинства людей с песьими головами, осаждающего «стан святых». С другой стороны, те же самые песьи головы участвуют в адских наказаниях грешников. Образ Гога и Магога как неких варварских народов, почти демонов, противостоящих народу Божьему, присутствует в эсхатологической традиции и христианства, и иудаизма, и ислама. По общему представлению, восходящему к приведенным библейским текстам, эти чудовищные племена придут с севера или с востока в «последние времена». Но приход их будет по Божьему Промыслу. Их миссия – наказание людей за их грехи¹.

Название «Магог» обычно прилагается к целой стране или народу. В библейской книге Бытие Магог назван одним из сыновей Иафета, следовательно, как родоначальник одноименного народа². Гог в неоднократно цитированной уже книге пророка Иезекииля выступает как «князь Роша, Меше-ха и Фувала». Гог придет со своими полчищами с севера, и произойдет это как раз в «последние дни». Только сам Господь остановит и покарает Гога, послав на землю огонь и поразив врагов землетрясением³.

Срок ожиданий Конца Света, как считают А.И. Плигузов и И.А. Тихонюк, был первоначально ограничен: в промежутке от 12 июля 1492 г. по 27 января 1493 г., когда «с недели мытаря и фарисея начинался очередной пасхальный цикл 7001 лета»⁴. Однако, основываясь на Откровении Иоанна Богослова, «последнее время», в течение которого произойдет окончательная

---

¹ Гуревич А.Я. «Большая» и «малая» эсхатология в культуре западноевропейского средневековья // *Finitis duodecim Lustris*. Сборник статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана. Таллин, 1982. С.186-187.

² Библия. М., 2000. Быт. 10. 2.

³ См.: Карсавин Л. П. Символизм мышления и идея миропорядка в средние века // *Научный исторический журнал*. 1913. Т. 1. Вып. 2. С.112-114; Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1 (А-К).

⁴ Плигузов А.И., Тихонюк И.А. Послание Дмитрия Трахакиота Новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмиричности счисления лет // *Естественнонаучные представления Древней Руси*. М., 1988. С. 51-75.

схватка между добром и злом, ограничено другим сроком, который укладывается в три с половиной года.

Между тем судьба Опричного дворца помогла царю осознать необходимость отмены опричнины. Г. Штаден, связывает решение царя именно с пожаром Москвы, так обосновывая происшедшее психологически: «Так осуществились пожелания земских и угроза великого князя. Земские желали, чтобы этот двор сгорел, а великий князь грозился земским, что он устроит им такой пожар, что они не сумеют его и потушить. Великий князь рассчитывал при помощи опричнины ослабить боярство и уничтожить своих врагов. , что и дальше он будет играть с земскими так же, как начал. Он хотел искоренить неправду правителей и приказных страны, а у тех, кто не служил его предкам верой и правдой, не должно было оставаться в стране ни роду, ни племени. Он хотел устроить так, чтобы правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов. Земские господа вздумали этому противиться и препятствовать и желали, чтобы двор сгорел, чтобы опричнине пришел конец, а великий князь управлял бы по их воле и пожеланиям. Тогда всемогущий Бог послал эту кару, которая приключилась через посредство крымского царя, Девлет-Гирея. С этим пришел опричнине конец, и никто не смел поминать опричнину под следующей угрозой: виновного обнажали по пояс и били кнутом на торгу. Опричники должны были возратить земским их вотчины»¹.

Только в последние годы жизни царь стал каяться, возможно, осознавая, что по гордыне своей приравнял себя к Богу и за это ждет его неминуемое наказание.

Посредством опричнины Иван IV успешно проводил политику дробления крупных вотчин, ослабляя, таким образом, власть боярства, эти земли раздавались по кускам дворянам за преданную службу в наследственное владение, при этом право собственности царь оставлял, тем самым превращая земли в государственную собственность.

---

¹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. М., 1925. С. 107-112.

3.3. Идеология самодержавия от Степенной книги до посланий Ивана Грозного

Как отмечалось в предыдущей главе, составленная под руководством митрополита Макария в 1560-1563 гг. «Степенная книга царского родословия» стала впечатляющим итогом предшествующего этапа развития идеологии централизации и монаршей власти. Все оформившиеся в более ранних памятниках тенденции к сакрализации государственной власти, провиденциальному объяснению ее достижений воплотились в этом «первом изложении истории России как истории правящей династии»¹.

Книга состоит из «степеней», соответствующих поколениям династии Рюриковичей. Каждая степень содержит жизнеописание правителя – прямого предка Ивана Грозного – начиная с княгини Ольги и кончая им самим. Жизнеописания, в уместных случаях прямо определяемые как жития святых, построены по агиографическим канонам. В их ткань включаются жития современных князьям митрополитов, а также не являвшихся прямыми царскими предками, но канонизированных к тому времени членов дома Рюриковичей (например, Бориса и Глеба, Федора Ярославского и др.).

Литературной моделью для «книги» могли послужить византийские циклы императорских биографий. Однако в них не отражалась столь сильная степень сакрализации не столько даже власти, сколько самой фигуры монарха. Императоры могли представляться несовершенными, даже совершенно несоответствующими своему положению, преступными. Это вполне отражено и в русских версиях императорских жизнеописаний, вошедших в Хронограф 1512 года. Представление о священности не только даваемой «от Бога» власти, но самой фигуры представителя этой власти, гораздо сильнее – на архаических основаниях и без влияния античных политических представлений – развилось у перешедших от язычества к христианству южных и восточных

---

¹ Степенная книга царского родословия. М., 2007. Т.1. С.5.

славян. Именно у них сформировался тот синтез из христианских провиденциальных идей и дохристианского представления о вожде/монархе как носителе сакральной силы, который отразился уже в раннесредневековой идеологии Болгарии и Руси¹.

В этом контексте логичнее увидеть источник литературной модели для «книги» в чрезвычайно сходном с ней сербском историко-агиографическом своде «Жития королей и архиепископов сербских». Последний также был составлен под руководством главы местной церкви – архиепископа Даниила – в XIV в., и продолжен его учениками. На Руси сербский свод стал известен как раз в XVI в., сербские исторические жития использовались при создании того же Хронографа 1512 г.²

В отличие от всех других исторических сочинений восточно-христианской и в целом европейской ойкумены, сербские авторы поставили сознательной задачей показать историю государства как историю святости его правителей – не только духовных, но и светских. Биографии всех королей в «Житиях» строятся по агиографическим канонам, что создает у читателя впечатление их святости – часто подтверждаемой официальной канонизацией. Точно так же выстроено повествование и в «Степенной книге». Авторы последней, хотя и не провозглашали своих светских героев официально святыми, но подводили читателя к представлению об их святости – как литературной формой труда, так и общим выстраиванием повествования. Формально-религиозное основание такому подходу сформировывалось утвердившимся уже обычаем предсмертного пострижения государей, посвящавшего их Богу и освобождавшего от бремени греха. Первое и основное при написании

---

¹ См.: Алексеев С.В., Плотникова О.А. Мечты о Новом Иерусалиме. Христианское обоснование власти: Византия, Болгария, Русь // Родина. №5. 2012. С.51-52; Алексеев С.В., Плотникова О.А. Легитимизация власти на начальных этапах христианизации Восточной Европы // Историческое обозрение. Вып. 13. М., 2012. С.4-14

² См.: Алексеев С.В. Сербская историческая агиография: между хроникой и житием // Знание. Понимание. Умение. №3. 2014. С.148-156; Турилов А. А. Древнейшая история славян и Руси в «Книге степенной царского родословия» // Славяне и их соседи: Миф и история: Тез. 15-й конф. М., 1996. С. 51-52.

название книги: «Сказание о святемъ благочестии росиискихъ начялодержецъ и семени ихъ святого и прочихъ»¹.

В качестве героев были, как уже сказано, отобраны лишь прямые предки Ивана Грозного: Ольга, Владимир I (язычник Святослав пропущен), Ярослав Мудрый, Всеволод Ярославич, Владимир II, Юрий Долгорукий, Всеволод Большое Гнездо, Ярослав Всеволодович, Александр Невский, Даниил, Иван Калита, Иван Красный, Дмитрий Донской, Василий I, Василий II, Иван III и Василий III. Это существенно облегчало задачу – никто из них в сложившейся к тому времени официальной государственно-церковной летописной историографии не оценивался негативно, и вместе они вполне могли составить «святую лозу» по образцу сербских Неманичей. Более того, одни из них уже были канонизированы или вскоре будут канонизированы на общерусском уровне (Ольга, Владимир Святой, Александр Невский, Даниил Московский), другие часто считались святыми (Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Дмитрий Донской). Некоторые имели почитавшихся братьев в той же «степени» (Всеволод Большое Гнездо – Андрей Боголюбский; Ярослав Всеволодович – Юрий Всеволодович). Сама Степенная относит к числу «новых чудотворцев» Изяслава Ярославича, брата Всеволода². Список «новых чудотворцев» из Пискаревского списка Степенной интересен сам по себе. Теперь почти всякая насильственная гибель князя, носителя богоустановленной власти, воспринималась как мученичество святого.

Нюансы отношения к разным персонажам становятся отчасти ясны из заглавий «степеней». Государи определяются здесь несколько по-разному, в зависимости от уровня своих заслуг перед Церковью и государством, – однако всегда без исключения позитивно. Ольга – «святая, блаженная и равноапостольная»³. Владимир I – «блаженный, достохвальный и равноапостольный... святой и праведный»⁴. Ярослав – «благоверный и богохранимый». Всеволод

---

¹ Степенная книга... Т.1. С.147.

² Степенная книга... Т.2. С.461.

³ Степенная книга... Т.1. С.149.

⁴ Там же. С. 197.

– «самодержавный наследник»¹. Владимир II – «боговенчаный». Юрий Долгорукий – просто по титулу: «великий князь»². Всеволод Большое Гнездо – «преславный»³. Ярослав Всеволодович – «благоверный и богохранимый, коренеплодный»⁴. Александр – «прехвальный и блаженный»⁵. Даниил – «богоснабдимый»⁶. Иван I – «богоизбранный». Иван II – «богохранимый»⁷. Дмитрий – «блаженный и достохвальный»⁸. Василий I – «благородный и царскоименитый»⁹. Василий II – «благоверный, богохранимый и чудеснорожденный»¹⁰. Иван III – «благочестивый и Богом утвержденный одолеть супостатов, христоролюбивый»¹¹. Василий III – «благоверный, и боголюбивый, и царствию тезоименитый»¹².

Таким образом, лишь Всеволод Ярославич и Юрий Долгорукий участники многих неоднозначных событий удельной поры, междоусобиц и политических интриг, оценены в разной степени сдержанно. Из остальных, хотя только Ольга и Владимир I прямо именуются в заглавиях «святыми», многим даны эпитеты, подразумевающие святость – «блаженный» (Александр Невский, Дмитрий Донской), «благоверный» (Ярослав Мудрый, Ярослав Всеволодович, Василий II, Василий III). Бог как прямой покровитель, ведущий правителя на его пути, называется также в связи с Владимиром II, Даниилом, Иваном I, Иваном II, Иваном III. Светскими добродетелями ограничивается характеристика двух правителей – Всеволода Большое гнездо и Василия I.

Интересно в этой связи, как оценивают авторы книги царствующего и здравствующего монарха. Выясняется, что весьма высоко. Иван IV именуется «богодарованным паче надежа по неплодствии, и благоверным и боговен-

---

¹ Там же. С. 201.

² Там же. С. 202.

³ Там же. С. 203.

⁴ Там же. С. 204.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Там же. С. 206.

⁷ Там же. С. 207.

⁸ Там же. С. 208.

⁹ Там же. С. 209.

¹⁰ Там же. С. 211.

¹¹ Там же. С. 212.

¹² Там же. С. 214.

чанным царем»¹. Таким образом, он ставится в один ряд если не с несомненно святыми, то с наиболее близкими к понятиям святости среди своих предков. Живой еще царь предстает как достойный преемник святых и их подобию на земле.

В Степенной книге идеология самодержавной власти и сакрализации ее носителя достигла максимально возможных пределов – в рамках христианского мировидения и духовно обоснованной политической идеи. Однако для практических задач политического переустройства, как они виделись Ивану Грозному по окончании периода «Избранной рады», этого было уже недостаточно. Перед глазами царя были примеры складывавшихся в Европе, чаще всего с применением силы, абсолютных монархий. Идеология абсолютизма, «просвещенной тирании», разрабатывавшаяся «людьми Возрождения» с оглядкой на античную политическую мысль, проникала и в Россию. Самые заметные ее памятники – «Сказание о Дракуле» и сочинения Ивана Пересветова. При этом первую иногда связывают с именем дьяка Ивана III Федора Курицына, идеолога ранее упоминавшегося еретического движения, вдохновленного мистикой и политическими концепциями Ренессанса². Пересветов же адресовал свои «Челобитные» непосредственно Ивану IV. Идеи «грозы», необходимости жестокого подавления своенравной аристократии, игнорирования при необходимости существующих моральных норм, близкие европейскому макиавеллизму, как будто буквально стали воплощаться в опричной и послеопричной политике царя.

Препятствиями на этом пути были как традиционные аристократические институты, вроде Боярской думы и местнической иерархии, так и Церковь. Идеология Степенной книги вся пронизана идеей симфонии, единого действия Церкви и государства. Как и в послужившем вероятным прототипом сербском своде, государи, при всей сакральности своей власти, вправе существовать только рядом с главами Церкви, которые обеспечивают эту сакральность. При всей идеальности и утопичности такой картины, она отвеча-

---

¹ Там же. С. 215.

² Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. С.684-685.

ла представлениям митрополита Макария и Избранной рады. Насколько она перестала отвечать представлениям самого Ивана IV, стало ясно уже после учреждения опричнины. Кульминацией церковно-государственного конфликта стало отстранение (и последующая гибель) митрополита Филиппа, а также в заметной степени направленный на устрашение духовенства карательный поход против северных городов 1569 г.¹

Сакрализованный носитель сакрализованной власти теперь претендовал на абсолютную высшую власть – как в светских, так и в духовных вопросах. Как явствует из многочисленных сочинений Ивана Грозного, образованный и литературно одаренный царь мыслил себя не только светским идеологом (первым, собственно говоря, в истории России), но и богословом. Идеи государственной «грозы» и абсолютной ничем не сдерживаемой власти, практически и рационально обосновывавшиеся Курицыным и Пересветовым, в царской переписке получают богословское, религиозное основание.

Неудивительно, что в ответ складывается, опять же впервые в истории страны, целостная оппозиционная идеология. Первыми примерами идейной оппозиции монархическому предсамодержавному принципу могут служить сочинения Геннадия Новгородского и Иосифа Волоцкого, противостоявших Ивану III и окружавшим его на том этапе еретикам в религиозном споре. Оба богослова твердо отстаивали невмешательство государства в церковные дела. Однако изменение позиции государства после собора 1503 г. превратило последователей Иосифа, иосифлян, из противников в сторонников самодержавия – при условии поддержания «симфонии». Собственно, такова же была и идеология Степенной книги (хотя отнюдь не иосифлянская, или не чисто иосифлянская по происхождению). Теперь, в эпоху опричнины она оказалась неприменима; попытка «печалования» со стороны митрополита Филиппа окончилась для него гибелью. Оппозиционная идеология в итоге оформилась вне церковной среды – не как церковная, а как аристократическая.

---

¹ О конфликте царя и митрополита и его последствиях см.: Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. СПб., 2004; Володихин Д.М. Митрополит Филипп. М., 2009.

Наиболее явным и свободным выразителем ее стал бежавший в 1563 г. в Литву князь Андрей Курбский. Переписка Курбского с Иваном Грозным – наиболее яркий и многократно исследованный памятник противоборства двух идеологий. Может быть, в исследованиях недостаточно четко выражена лишь та мысль, что это было столкновение двух моделей централизованного государства – абсолютистской (в московском, самодержавном варианте) и аристократической. То же противоборство в век Реформации шло по всей Европе. Аристократия нередко смыкалась с желавшими вольности сословиями и использовала их – как это будет происходить в начале XVII в. и в России. При этом идеалом сторонников аристократического пути по всей Европе была как раз та страна, куда бежал Курбский – с 1569 г. «Республика двух народов», Польско-Литовское государство, Речь Посполита.

Курбский, как и позднейшие вожди Смуты, отнюдь не стремится к возрождению удельной системы. Однако он и не признает за царем самодержавных прав. В первом послании князь лишь осуждает за репрессии: «Про что царю, сильных во Израили побил еси и воевод, от Бога данных ти, различным смертем предал еси... и мученическими их кровьюми праги церковные обогрил еси?...»¹ Второе послание еще короче, и идейная часть его сводится вновь к осуждению царя за террор и «грабеж»: «И уже не разумею, чего уже у нас хоцещи. Уже не токмо единоплеменных княжат, влекомых от роду великого Владимира, различными смертми поморил еси, и движимые стяжания и недвижимые, чего еще был отец твой и дед твой не разграбил, но и последних срачиц, могу рещи с дерзновением, по евангельскому словеси, твоему прегордому и царскому величеству не возбранихом»². Здесь уже можно увидеть осуждение централизаторской политики прежних московских князей. Но, как показывает третье, наиболее пространное послание, и «История о великом князе Московском», к аннулированию ее итогов Курбский вовсе не призывал.

---

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С.9.

² Там же. С.101-102.

В третьем послании Курбский напоминает царю о «благочестивых его днях» – временах Избранной рады, указывая, что тогда Бог споспешествовал всем делам государя. Князь отстаивает свое право на отъезд «лютого ради гонения». Не без смысла он приводит обширные переводы писем идеолога римской аристократии – Цицерона, обращенные к своим врагам в Риме. Восхваление первых лет правления Ивана, а отчасти и его предков, противопоставление его нынешнему самодержавному правлению в окружении негодных советников¹ не оставляют сомнения, что реальные политические идеалы Курбского дальше середины XVI в. не заходили. Однако он не мог не задумываться о том, как предотвратить злоупотребления царской властью в будущем. На этот вопрос дается ответ в другом сочинении князя – «Истории о великом князе Московском». Здесь он постулирует необходимость обращения царя за «добрым и полезным советом» не только к «советникам, но и у всенародных человек»². Под последними он, скорее всего или в первую очередь, имеет в виду не более чем дворянство³. Во всяком случае, несколько ниже князь уже возмущается тем, что в «писари» (чиновники) берутся «не от шляхетского роду, ни от благородных, но паче от поповичев, или от простого всенародства»⁴. Избежать всего этого, по мысли князя, и гарантировать права высшего сословия можно с помощью тех «свобод», которые даровали своим подданным (как он прекрасно знал, не без нажима последних) «христианские короли» Речи Посполитой.

Политическая теория Курбского определенно уступала по цельности и последовательности взглядам его оппонента. На первое послание Курбского Иван дал развернутый ответ, в котором оправдывал свою политику и доказывал ее преимущество по отношению ко временам Избранной рады (существование которой, впрочем, царь фактически отрицал). В этом произведении, небольшой книге, царь обвинял «изменных бояр» и в том, что они сами

---

¹ Там же. С.106-118.

² Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб.. 1913. Стб.55.

³ См.: Шмидт С.О. Становление российского самодержавия. М., 1973. С.189.

⁴ Курбский А.М. История. Стб. 61.

накликали его жестокость, и в своих отступлениях от церковных норм, и во многих других грехах. Используя библейские аллюзии, он отстаивал свое право по собственному усмотрению менять состав господствующего класса: «может бо Бог и от камени сего воздвигнути чада Аврааму!»¹ Идеи «грозы», внедренные в сознание государей первыми идеологами самодержавия, теперь претворялись в политическое действие. Подчеркивание права на репрессии против знати – главная и сквозная тема первого послания. Более того, наказание злых, опять же в соответствии с Библией, долг правителя: «И тако ли убо пастырю подобает, еже не рассмотри о нестроении о подвластных своих?»²

Еще одна важная тема – неограниченность монаршей власти. «Доселе русские владатели не истязуемы были ни от кого, но вольны были подвластных своих жаловати и казнити, а не судилися с ними ни перед кемь»³. Подвластные, даже бояре, суть «рабы», и власть им принадлежать не должна: «А се ли убо свет или сладко, еже рабом владети? А се ли тма и горько, еже от Бога данному государю владети?.. Аще царю не повинуются подвластные, и никогда же от междоусобных браней престанут»⁴. Таким образом, неограниченная власть монарха хороша не сама по себе, но ради спокойствия и блага государства.

Эти идеи, пусть со спецификой, обусловленной больше византийским, чем ордынским, наследием и блестящим богословским багажом царя-писателя, в целом повторяют мысли идеологов европейского абсолютизма, пусть и в его наиболее крайних (Франция, Испания) формах. Более умеренные версии абсолютистской политики, при сохранении сословных институтов, вызывали у царя раздражение. Оно выплеснулось в известном письме Елизавете Английской, отговорившейся от брачных предложений Ивана волей парламента: «И мы чаяли того, что ты на своемъ государстве государыня и сама

---

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С.45.

² Там же. С.18.

³ Там же. С.35.

⁴ Там же. С.34.

владееш и своей государской чести смотриш и своему государству прибытка, и мы потому такие дела и хотели с тобой делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государевых головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков»¹.

Вопрос о степени искренности и причинах обращения самого Ивана IV к мнению «всей земли» на созывавшихся именно с его царствования Земских соборах выходит за пределы настоящей работы и является предметом давней научной дискуссии. Однако мы скорее склонны согласиться с теми исследователями, которые полагают, что такое обращение имело в глазах царя, с одной стороны, более ритуально-церемониальный, отчасти сакрализующий, с другой стороны, практический пропагандистский смысл. Ни в том, ни в другом случае речь о создании постоянного органа, наподобие западноевропейских, в Московском царстве не шла до последних лет Смутного времени.

Это обусловленное рамками нашей работы краткое рассмотрение завершающего этапа развития идеологии централизации Московского государства и складывания на ее основе идеологии раннего самодержавия преследовало две цели. Во-первых, нами показана как логическая преемственность, так и обусловленные внешними влияниями отличия идеологии самодержавия от первоначальных идей возвышения государевой власти и сильной централизованной монархии, развивавшихся церковными авторами XV – середины XVI в. Это, как представляется, может представлять пользу для дальнейшего исследования русской общественно-политической и духовной мысли, в частности для анализа воздействия идей Ренессанса на Московское царство и его идеологию.

Во-вторых, нами показано возникшее в результате расхождение двух вариантов выстраивания централизованного государства – абсолютистско-самодержавного и аристократического. Оба к тому времени уже были представлены в государствах Западной Европы, о чем в России хорошо знали.

---

¹ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1986. С.114-115.

Собственно, политическая мысль времен Ивана Грозного подводит итог автономному, отчасти изолированному, неразрывно связанному с идеями православных богословов периоду развития идеологии Московского государства. Следующий период характеризуется столкновением идей и партий, сформировавшихся в русле конкретных социальных и политических интересов, под сильным воздействием зарубежных политических образцов. Естественным образом более сильное воздействие соседних государств – Польско-Литовской «республики» и сословной Шведской монархии – не могло не оказать влияния на политические идеалы образованных слоев. Все это привело к столкновению самодержавной, «аристократической» и «сословной» моделей государственного устройства во времена Смуты начала XVII в. Это, однако, было уже противостояние внутри сложившегося государства, необходимость существования которого как единого целого не отрицала ни одна сторона противостояния.

Выводы:

В XV веке центральная власть на Руси была представлена великим князем, Боярской думой, дворцовыми учреждениями и дьяческим аппаратом. Великий князь осуществлял законотворческую деятельность, ему принадлежала подготовка Судебников, уставных и указные грамот и т. п. Он же назначал на ведущие государственные должности. Великокняжеский суд являлся верховной судебной инстанцией. В ведении великого князя были международные отношения. Наиболее значимые военные походы возглавлялись им лично.

С образованием единого централизованного государства Боярская дума превращается в высший государственный орган, сосредоточившим в своих руках как исполнительные, так и законодательные функции. Князь должен был координировать с Думой практически все свои политические действия. При этом формально-юридически прерогативы Думы не фиксирова-

лись и не были разграничены с княжеским. Власть высшей титулованной и нетитулованной аристократии, сосредоточенной в Думе, основывалась на родовом праве и силе обычая, а не на писаном законе. На первых порах, а также в условиях временных ослаблений великокняжеской власти, – прежде всего при малолетстве государей, – это была сильная сторона, обеспечивавшая боярской аристократии возможность проводить выгодную для себя государственную политику во всех областях.

Наивысший расцвет Боярской Думы, пик ее влияния на государственные дела приходится на период после смерти великого князя Василия III, когда Иван IV оставался малолетним. В этот период думское боярство играло роль правительства России, в рамках Думы разгоралась борьба за власть между отдельными боярскими группировками, определявшими в разные годы политику страны. В то же время и в другие периоды роль Думы была огромна. В руках представленных в Думе боярских родов и кланов находились высшие военно-административные должности, бояре осуществляли дипломатические миссии. Дума являлась органом управления единого государства и в принципе была заинтересована в сохранении этого единства. Однако объективно всевластие аристократии не только ограничивало власть монарха, но и тормозило завершение процессов централизации страны. Между отдельными группами и родами не прекращалась борьба, часто принимавшая весьма ожесточенные формы.

Легальной формой этой борьбы и одновременно средством ввести ее в законные рамки, приспособить к требованиям стабильности централизованного государства, являлось местничество. Местническая система определяла положение служилого землевладельца, аристократа или простого дворянина, на внутренней иерархической лестнице его сословия. Замещение должностей по местническому принципу исходило, с одной стороны, из степени знатности того или иного лица, а с другой – из «служб» не только его собственных, но и его предков, московским князьям, из занимавшихся ранее родом должностей. Система местничества и местнический суд позволяли

великим князьям предотвращать перерастание соперничества знати в прямые усобицы, поддерживать в аристократии сознание необходимости государственной службы в личных и общеродовых интересах. Однако эта же система вынуждала государей считаться с исключительными или как минимум преимущественными правами знатнейшей титулованной и нетитулованной знати на все высшие должности в военной и административной системе. Практика функционирования боярской иерархии в централизованном государстве основывалась, таким образом, на архаических родовых принципах, на феодально-клановой идеологии.

В первый период правления Ивана Грозного прослеживается политика реформации системы управления, проводником которой являлась Избранная рада, возглавляемая А. Адашевым и протопопом Сильвестром.

Избранной Радой было проведено в жизнь ряд реформ. Среди них: военная реформа, создавшая стрелецкое войско, упорядочившая воинскую повинность; введение единой государственной пошлины, указ о местничестве, поставивший под контроль государя местнические споры. Важнейшим шагом на пути закрепления итогов политической централизации стала реформа местного управления, придавшая ему характер выборного самоуправления. Это приводило к сокращению масштаба злоупотреблений и произвола и увеличивала доходы казны. В рамках выстраивания идейных основ самодержавной монархии в сословном обрамлении выстраивание прямых связей между государем и «землей», без посредства родовитых наместников, имела важнейшее значение. Жители уделов, вошедших в состав Московского государства, только теперь превращались в полном смысле слова в его подданных, подвластных общегосударственным законам и встроенным в общегосударственную систему правовых отношений

Новым этапом развития политических институтов в Московском княжестве стала губная реформа. Важнейшие законодательные меры фактического правительства, охватывающие предельно широкий круг вопросов общественного устройства получили отражение в Судебнике 1550 г. Судеб-

ник отражает представление о необходимости защиты местного населения от произвола знатных управленцев. Идея общего контроля над последними со стороны сословий и монарха – ключевая при выстраивания идеологии сословной монархии.

В 1560 году Избранной Раде пришел конец – окрепнувшая власть царя больше не нуждалась в советчиках. Царь начал реализацию новой беспрецедентной реформы – Опричнины.

С экономической точки зрения опричнина характеризовалась выделением в особый государев удел значительных территорий на западе, севере и юге страны. За этим последовали массовые конфискации земель вотчинников и репрессии против них. Посредством опричнины Иван IV успешно проводил политику дробления крупных вотчин, ослабляя, таким образом, власть боярства, эти земли раздавались по кускам дворянам за преданную службу в наследственное владение, при этом право собственности царь оставлял, тем самым превращая земли в государственную собственность.

Опричнина была построена на идеи Страшного суда. Так, Опричный дворец полностью соответствовал библейскому описанию Града Божьего в книге пророка Иезекииля. Очевидно, что посредством опричнины царь пытался воссоздать картину Страшного суда, и сам, приравняв себя к Богу, казнил и миловал своим судом.

Возможно, смоделировав Конец света, он пытался искупить грехи народа русского и тем самым отодвинуть Конец света, в неминуемое наступление которого, приблизительно в 1492 г. верили в православном мире. Опричный дворец был сожжен Девлет-Гиреем, что и послужило для Ивана Грозного поводом для отмены политики опричнины.

Эволюция идеологии централизации отражена, как и в предшествующий период, в ряде литературных памятников эпохи. Первый этап, связанный с деятельностью «Избранной рады», представлен, прежде всего, «Степенной книгой царского родословия». Она закрепляет тенденции предшествующей эпохи, сакрализуя царскую власть, наделяя монархов и монархий

род чертами святости. Второй этап, опричный, характеризовался расколом на две модели централизации – самодержавную и оппозиционную формально не самой централизации, но самодержавию аристократическую. Они представлены в русской словесности фигурами Ивана Грозного и Андрея Курбского. В истории России самодержавная модель взяла верх, но аристократическая, в соединении с чаяниями податных сословий, сыграла драматическую роль в событиях начала XVII в., существенно замедливших становление абсолютной монархии. Вместе с тем, все политические силы, в том числе наиболее деструктивные, стремились к управлению единым сложившимся государством и не отрицали необходимости централизованной власти. В этом был важнейший итог идейных исканий предшествующего периода.

Заключение

В ходе процесса образования централизованного государств в XV в. в отдельных странах Запада, Востока и России было много общего. В первую очередь это экономический прогресс и усиление монаршей власти. В ряде стран образование централизованных государств совершалось в тесной связи с освободительной борьбой. Так было и в России, страдавшей двести с лишним лет под гнетом Золотой орды, так было в Китае и Корее, подвергшихся татаро-монгольскому завоеванию и восстановивших свою национальную и политическую независимость в конце XIV в., почти одновременно с знаменательной победой русского народа над войсками золотоордынского хана Мамая в 1380 г. На западе Европы, во Франции, территориальное объединение страны и создание централизованного государства последовали после победы французского народа над английскими захватчиками в так называемой Столетней войне.

В России, однако, на фоне доминирующей роли княжеской власти, не маловажную роль в процессе централизации принадлежала не городской аристократии, как это было на Западе, а землевладельцам – сначала – боярству, а затем – дворянству, а также Церкви. Еще одной особенностью России являлось более слабое развитие городов. Во многом это было связано с последствиями татаро-монгольского ига, общей замедленностью экономического прогресса в относительном отрыве от морских торговых магистралей и т. д.

Если Иван III в 1462 г. получил в наследство территорию в 430 тыс. кв. км, то в конце XV в. Россия занимала территорию в 5400 тыс. кв. км. Население Российского государства в XVI в. составляло 6–7 млн. человек. На политической арене появилась новая великая держава, сопоставимая с сильнейшими государствами тогдашнего мира.

Основной проблемой на данном этапе оставалась борьба с пережитками раздробленности и необходимость ликвидации местного самоуправления

в бывших удельных княжествах. Особенно остро шла борьба с местной новгородской властью, завершившаяся в конце концов разгромом Новгорода в 1570 году.

Неслучайным элементом политики московских князей являлось «собираение святынь». Проводилось данное собирательство все с той же целью усиления статуса московских князей и Москвы как вселенского, богоизбранного города. Иваном IV к тому же проводилась интенсивная канонизация православных святых. Так благодаря посредству укрепляющейся Церкви проводилось утверждение и власти московских князей.

При этом, очень скоро Церковь стала представлять серьезную угрозу для центральной власти. Церковь, получив автокефалию, а в период XIV – XV вв. и крупные земельные пожалования от великих князей, укрепила свои позиции на международной арене и теперь претендовала на главенство над государством. Весь XVI век ознаменовался острой борьбой между светской и духовной властью. Политика секуляризации церковных земель и ограничения власти церкви нашла отражение в программах церковных соборов в 1503 г., 1550 и 1584 гг.

Еще одной угрозой для централизации стало боярство, являясь крупным землевладельцем, боярство тяготело к самостоятельности, тем самым ограничивая власть великого князя. Боярство долгое время, до усиления дворянства, являлось основным источником формирования аристократии вместе со всем вытекающим комплексом привилегий.

Конец XV – начало XVI в. ознаменованы рядом этапных явлений в становлении Московского государства. Пало ордынское иго. Принято единое законодательство – Судебник Ивана III. Завершилась ликвидация самостоятельности крупнейших удельных и великих княжеств. Утвердилось представление о самодержавной власти монарха над своими подданными, закрепленное рядом знаковых деяний – принятием Иваном III титула «государя всея Руси», восприятием византийской имперской геральдики. Наконец, начинает

складываться единая система государственного аппарата, централизованного управления сложившимся Российским государством.

Однако еще в XVI в. продолжала сохраняться экономическая раздробленность страны. Новая система управления на общегосударственном уровне приняла специфическую форму приказов, отражающую как факт политической централизации Руси, так и незавершенность этого процесса. Общепринятой классификацией приказов считается классификация по двум основным критериям – территориальному и функциональному. Недостаточная централизация отразилась на системе администрирования, которая не обеспечивала полного единства территории, сохраняла отличия в управлении отдельными землями.

Уже в XV в. в соответствие с новой вырабатываемой идеологией Московского государства, князь московский и всея Руси в своем статусе должен был стать сравним с византийским императором. После брака Ивана III и Софьи Палеолог, а затем свержения в 1480 г. татаро-монгольского ига, русские государи начинают претендовать на вселенский престол. Русское духовенство рассматривает страну как средоточие торжествующего «великого православного христианства», оформляется концепция – «Москва – третий Рим», со всеми вытекающими последствиями.

Уже в 1492 г. Московский митрополит Зосима в новой Пасхалии назвал Ивана III Великого «государемъ и самодержцем всея Руси, новым царемъ Константиномъ новому граду Константину – Москвь». В Пасхалии Зосимы впервые обнаруживается идея – Москва — «третий Рим». Согласно Зосиме, Иван III, духовный преемник Константина Великого и прямой наследник святого Владимира, является «новым царем Константином новому граду Константину-Москве». Русь осознается как преемница Византии. Данная идея была развита уже в XVI в.

Идея законного господства Московских великих князей над всем православным миром хорошо прослеживается по источникам. Так, например, в Хронографе рассматривается всемирно-историческое значение создания

единого Русского государства. Особенно тщательно проводит автор Хронографа идею преемственности от Византии – Русь предстает новой защитницей православной веры во всем мире.

Идеология Хронографа, которая заключается в концепции восприятия русской истории как части всемирной истории и божественного замысла, просматривается и в Никоновской летописи. Особые статьи этого летописного свода посвящены биографиям русских князей, в них передана генеалогия русских князей от Рюрика до Ивана Великого. Она увязывается с жизнеописаниями царей из всемирной истории – израильско-иудейских, египетских, римских, византийских. Особенное внимание уделяется падению Византии, причинам этого падения и возвышению Москвы, как центра православия и третьего Рима.

Важно подчеркнуть, что прослеживая идеологию власти, отраженную в источниках, обнаруживаем, что корону и бармы помазанника Божьего и нового Константина в православном мире примеряли на себя, посредством литературных образов, все великие князья Земли Русской, начиная с Владимира Крестителя.

Венцом идеологии власти XVI в. стала «Книга степенная царского родословия» (1560-е годы). Она в некоторых чертах повторяет Никоновский свод. В «Книге» содержится история возвышения великокняжеской власти, изложенная в виде жизнеописаний ряда великих московских князей и доведенная уже до царствования Ивана IV. Киев и Владимир уступают место Москве так же, как уступили ей место прежние мировые столицы, хотя и по иным причинам. Первый Рим пал, потому что предал истинное христианство, по той же причине пал и Константинополь, Москва – третий Рим, центр христианского мира и столица христианского монарха будет стоять вечно.

Очевидно, что идеология возвышения Москвы и княжеской власти, обнаруживаемая в источниках того времени, строилась на следующих основных положениях – Москва – третий Рим; великий князь московский – новый

Константин, божий избранник и защитник веры христианской и всей земли Русской.

Ведущая роль в создании идеологической платформы централизации принадлежала Церкви. Церковь являлась не только центром обучения грамотности и посредником между западными литературными традициями и Русью, но и посредником между властью князей и народом. Таким образом, Церковь, облекая в слово в удачных компиляционных текстах передавала и прививала народу идеологию власти. На каждом этапе эволюции института князя эта идеология несколько трансформировалась, но основная идея оставалась неизменна – высокий статус власти, единоначалие власти, богоизбранность власти. Работа Церкви по укоренению этой идеологии в массах обошлась власти очень дорого – многочисленные земельные пожалования, дары, отписывание крестьян, вместе с ростом собственности рос и авторитет Церкви как в стране, так и в мире. Возвышая власть, Церковь возвышала и себя.

После принятия автокефалии Церковь превращается в крупнейший властный институт, и становится официальным гарантом светской власти и ее легитимности в глазах народа, еще больше, чем раньше, акцентируя внимание на своей посреднической роли между Богом и русским царем как помазанником Божьим. Сильно укрепившиеся позиции церкви стали беспокоить и тяготить светскую власть, князья не намерены были делить власть даже с Церковью. Рост пожалованных князьями земельных угодий, а также ее высокий статус в обществе постепенно превращает церковь в крупного землевладельца. Церковь начинает претендовать не только на идейное и духовное главенство, но и на самостоятельное участие в общественно-политической жизни единой теперь страны. Весь XVI в. прошел под знаменем борьбы Церкви и Государства за власть и землю. Если в 1503 году на церковном Соборе светская власть проиграла Церкви и та отстояла свои земли, то уже в 1551 на Стоглавом соборе светская власть закрепила свое достигнутое за несколько десятилетий доминирование.

В XV веке центральная власть на Руси была представлена великим князем, Боярской думой, дворцовыми учреждениями и дьяческим аппаратом. Великий князь осуществлял законотворческую деятельность, ему принадлежала подготовка Судебников, уставных и указных грамот и т. п. Он же назначал на ведущие государственные должности. Великокняжеский суд являлся верховной судебной инстанцией. В введении великого князя были международные отношения. Наиболее значимые военные походы возглавлялись им лично.

С образованием единого централизованного государства Боярская дума превращается в высший государственный орган, сосредоточившим в своих руках как исполнительные, так и законодательные функции. Князь должен был координировать с Думой практически все свои политические действия. При этом формально-юридически прерогативы Думы не фиксировались и не были разграничены с княжеским. Власть высшей титулованной и нетитулованной аристократии, сосредоточенной в Думе, основывалась на родовом праве и силе обычая, а не на писаном законе. На первых порах, а также в условиях временных ослаблений великокняжеской власти, – прежде всего при малолетстве государей, – это была сильная сторона, обеспечивавшая боярской аристократии возможность проводить выгодную для себя государственную политику во всех областях.

Наивысший расцвет Боярской Думы, пик ее влияния на государственные дела приходится на период после смерти великого князя Василия III, когда Иван IV оставался малолетним. В этот период думское боярство играло роль правительства России, в рамках Думы разгоралась борьба за власть между отдельными боярскими группировками, определявшими в разные годы политику страны. В то же время и в другие периоды роль Думы была огромна. В руках представленных в Думе боярских родов и кланов находились высшие военно-административные должности, бояре осуществляли дипломатические миссии. Дума являлась органом управления единого государства и в принципе была заинтересована в сохранении этого единства. Однако

объективно всевластие аристократии не только ограничивало власть монарха, но и тормозило завершение процессов централизации страны. Между отдельными группами и родами не прекращалась борьба, часто принимавшая весьма ожесточенные формы.

Легальной формой этой борьбы и одновременно средством ввести ее в законные рамки, приспособить к требованиям стабильности централизованного государства, являлось местничество. Местническая система определяло положение служилого землевладельца, аристократа или простого дворянина, на внутренней иерархической лестнице его сословия. Замещение должностей по местническому принципу исходило, с одной стороны, из степени знатности того или иного лица, а с другой – из «служб» не только его собственных, но и его предков, московским князьям, из занимавшихся ранее родом должностей. Система местничества и местнический суд позволяли великим князьям предотвращать перерастание соперничества знати в прямые усобицы, поддерживать в аристократии сознание необходимости государственной службы в личных и общеродовых интересах. Однако эта же система вынуждала государей считаться с исключительными или как минимум преимущественными правами знатнейшей титулованной и нетитулованной знати на все высшие должности в военной и административной системе. Практика функционирования боярской иерархии в централизованном государстве основывалась, таким образом, на архаических родовых принципах, на феодально-клановой идеологии.

В первый период правления Ивана Грозного прослеживается политика реформации системы управления, проводником которой являлась Избранная рада, возглавляемая А. Адашевым и протопопом Сильвестром.

Избранной Радой было проведено в жизнь ряд реформ. Среди них: военная реформа, создавшая стрелецкое войско, упорядочившая воинскую повинность; введение единой государственной пошлыны, указ о местничестве, поставивший под контроль государя местнические споры. Важнейшим шагом на пути закрепления итогов политической централизации стала рефор-

ма местного управления, придавшая ему характер выборного самоуправления. Это приводило к сокращению масштаба злоупотреблений и произвола и увеличивала доходы казны. В рамках выстраивания идейных основ самодержавной монархии в сословном обрамлении выстраивание прямых связей между государем и «землей», без посредства родовитых наместников, имела важнейшее значение. Жители уделов, вошедших в состав Московского государства, только теперь превращались в полном смысле слова в его подданных, подвластных общегосударственным законам и встроенным в общегосударственную систему правовых отношений

Новым этапом развития политических институтов в Московском княжестве стала губная реформа. Важнейшие законодательные меры фактического правительства, охватывающие предельно широкий круг вопросов общественного устройства получили отражение в Судебнике 1550 г. Судебник отражает представление о необходимости защиты местного населения от произвола знатных управленцев. Идея общего контроля над последними со стороны сословий и монарха – ключевая при выстраивании идеологии сословной монархии.

В 1560 году Избранной Раде пришел конец – окрепнувшая власть царя больше не нуждалась в советчиках. Царь начал реализацию новой беспрецедентной реформы – Опричнины.

С экономической точки зрения опричнина характеризовалась выделением в особый государев удел значительных территорий на западе, севере и юге страны. За этим последовали массовые конфискации земель вотчинников и репрессии против них. Посредством опричнины Иван IV успешно проводил политику дробления крупных вотчин, ослабляя, таким образом, власть боярства, эти земли раздавались по кускам дворянам за преданную службу в наследственное владение, при этом право собственности царь оставлял, тем самым превращая земли в государственную собственность.

Опричнина была построена на идеи Страшного суда. Так, Опричный дворец полностью соответствовал библейскому описанию Града Божьего в

книге пророка Иезекииля. Очевидно, что посредством опричнины царь пытался воссоздать картину Страшного суда, и сам, приравняв себя к Богу, казнил и миловал своим судом.

Возможно, смоделировав Конец света, он пытался искупить грехи народа русского и тем самым отодвинуть Конец света, в неминуемое наступление которого, приблизительно в 1492 г. верили в православном мире. Опричный дворец был сожжен Девлет-Гиреем, что и послужило для Ивана Грозного поводом для отмены политики опричнины.

Эволюция идеологии централизации отражена, как и в предшествующий период, в ряде литературных памятников эпохи. Первый этап, связанный с деятельностью «Избранной рады», представлен, прежде всего, «Степенной книгой царского родословия». Она закрепляет тенденции предшествующей эпохи, сакрализуя царскую власть, наделяя монархов и монарший род чертами святости. Второй этап, опричный, характеризовался расколом на две модели централизации – самодержавную и оппозиционную формально не самой централизации, но самодержавию аристократическую. Они представлены в русской словесности фигурами Ивана Грозного и Андрея Курбского. В истории России самодержавная модель взяла верх, но аристократическая, в соединении с чаяниями податных сословий, сыграла драматическую роль в событиях начала XVII в., существенно замедливших становление абсолютной монархии. Вместе с тем, все политические силы, в том числе наиболее деструктивные, стремились к управлению единым сложившимся государством и не отрицали необходимости централизованной власти. В этом был важнейший итог идейных исканий предшествующего периода.

Опричный период, попытка военно-административного подавления боярской аристократии, привела к существенному идеологическому разлому в элите русского общества. Самодержавной власти монарха противопоставила себя идеология централизованного, но управляемого на основе аристократического согласия государства – отчасти смоделированная по образцу политического устройства Речи Посполитой. Столкновение самодержавной и ари-

стократической идеологией отразилось в переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского. Явное и подспудное, осознанное и неосознанное противоборство этих двух идеологических моделей продолжалось несколько десятилетий, вылилось в Смуту начала XVII в. и нашло временное разрешение в сословной монархии первой половины XVII века. Если складывание централизованного государства на Руси происходило, как сказано выше, во многом сходно и синхронно с западноевропейскими государствами, то складывание абсолютной монархии затянулось более чем на полтора столетия. Этот разрыв в немалой степени определяет несоответствие Московского царства канонам «централизации» и способствует дискуссиям о степени последней. Вместе с тем, как показано в настоящей работе, целостная идеология централизованной и самодержавной власти, соответствующая запросам эпохи, сложилась в Московской Руси задолго до реального и бесповоротного ее утверждения уже в следующий исторический период.

Список сокращений

- АЕ – Археографический ежегодник
АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России
АИ – Акты исторические, собранные и изученные Археографическою комиссиею
АСЭИ – Акты социально—экономической истории Северо—Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков
ВВ – Византийский временник
ВИ – Вопросы истории
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины
ВМУ – Вестник Московского университета
ВГ- Вопросы географии
ВМУ – Вестник Московского университета
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
Труды МГИАИ – Труды Московского историко-архивного института
ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г. — Древнейшие государства на территории СССР)
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. ДКУ – Древнерусские княжеские уставы
ИЗ – Исторические записки
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИСССР – История СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
НЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ОИ – Отечественная история
ОИДР – Общество истории и древностей российских
ПВЛ – Повесть временных лет
ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси
ПРП – Памятники русского права
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РД – Русский дипломатарий
РИБ – Русская историческая библиотека
РИИР – Редкие источники по истории России
РИО – Русское историческое общество
РФА – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в.
СА – Советская археология

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров
СР – Средневековая Русь
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы
УІЖ – Український Історичний журнал
ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд

Список источников и литературы

1. Источники

1. Акты русского государства 1505-1526 гг. М., 1975.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-начала XVI вв. М., 1958. Т. 2.
3. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. ч. II, № 261.
4. Библия. Книга Иезекииля. М., 2000.
5. Библия. Синодальный перевод. М., 2008.
6. Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: Канонические: В рус. пер. с парал. местами. М., 1992.
7. Вилепский В. Б. Губные и земские грамоты // Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т. 2.
8. Галахвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1874. Кн. 1.
Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988; М.- Л., 1949.
9. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.
10. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.- Л., 1955. Древнерусские патерики. М., 1999.
11. Дополнения к Актам историческим. Т. I. СПб., 1846, № 25. Акты исторические, собранные и изученные Археографической комиссией, т. I, № 292.
12. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. // Подгот. Я. Н. Шапов / Отв. ред. Л. В. Черепнин. Пг., 1916.
13. Древние русские пасхалии на осьмую тысячу лет от Сотворения мира // Православный собеседник. Казань, 1860. Ч. 3.
14. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. // Подгот. Л. В. Черепнин. М.- Л., 1950.

15. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950, № 98; № 99; № 100; № 101.
16. Житие и чудеса Преподобного Сергия Игумена Радонежского, записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарьиным. М., 1997.
17. Жития Зосимы и Савватия Соловецких. Библиотека литературы Древней Руси: 2005. Т. 13: XVI век.
18. Задонщина: Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю // Послесловие С. Шамбинаго; Общая редакция Ф. М. Головенченко. М., 1947.
19. Зимин А. А Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским // Труды отдела древнерусской литературы. М., 1981. Т. 31.
20. Зимин А. А. Первое послание Курбского Ивану Грозному // Труды отдела древнерусской литературы. М., 1981. Т. 31.
21. Иларион, митрополит Киевский. Слово о Законе и Благодати // Златоуструй. Древняя Русь X–XIII веков. М., 1990.
22. Курбский А. История о великом князе Московском. СПб., 1913.
23. Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 3. М., 1995.
24. Максим Грек. Соч., ч. 1–3. Казань, 1859–1860; 2-е изд. Казань, 1894.
25. Московский летописный свод конца XV века. Том 25. М., 2004.
26. Мусин-Пушкин А. И. Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поучение. СПб., 1793.
27. Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 году. М., 1892. Ч. 1. Вып. 1–2.

28. Палея Толковая. Заветы 12 патриархов. М., 2002.
29. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, Т. I. Сборник Русского исторического общества, Т. 35. СПб., 1882.
30. Памятники древнерусского канонического права. 2-е изд. СПб., 1908. Ч. 1. Памятники XI–XV вв.
31. Памятники куликовского цикла // Под ред. Б. А. Рыбакова. СПб., 1998.
32. Памятники литературы древней Руси // Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1978–1989. Кн. 1–9. Т. 1–10.
33. Памятники отреченной русской литературы // Собр. и изд. Н. С. Тихонравовым. М., 1863. Т. 1–2.
34. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Русская историческая библиотека. Т. 4. Кн. 1. СПб., 1878.
35. Памятники русского права / Под ред. и с предисл. С. В. Юшкова. М., 1952–1963. Вып. 1–8.
36. Памятники русского права. Вып. IV, под ред. Л. В. Черепнина, М., 1956.
37. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993.
38. Письма князя А.М. Курбского к разным лицам. СПб., 1913.
39. Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.- Л., 1959.
40. Повесть временных лет. М. – Л., 1950. Ч. 1, 2: Текст и перевод / Подг. текста и перев. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова.
41. Поле Куликово: Сказания о битве на Дону // Составление, подготовка текстов, послесловие и примечания Л. А. Дмитриева. Вступительная статья Д. С. Лихачева. М., 1980.

42. Полное собрание русских летописей. Т. 14. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
43. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
44. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Суздальская летопись. М., 2000.
45. Полное собрание русских летописей. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000.
46. Полное собрание русских летописей. Т.18. Симеоновская летопись. М., 2000.
47. Полное собрание русских летописей. Т.22. Хронограф 1512 . Ч.1. М., 2000.
48. Полное собрание русских летописей. СПб., 1862-1914. Т. 1-23.
49. Послания Ивана Грозного, М.- Л., 1951.
50. Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л., 1969.
51. Послания старца Филофея. Библиотека литературы Древней Руси. Т.9. М., 2000.
52. Рогожин Н. М. Посольские книги России кон. XV-нач.XVII вв. М., 1994.
53. Российское законодательство X-XX вв: В девяти томах / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М.,1984 – 1994.
54. Русская библия: Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе: в 10 т. М., 1992.
55. Русские повести XV-XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль / Ред. Б. А. Ларина. М.- Л., 1958.

56. Русский хронограф. Т. 22. М., 2005.
57. Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 1. Вып.1. СПб., 1890.
58. Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 2. Вып.2. СПб., 1893.
59. Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
60. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970.
61. «Сказание о князьях владимирских» // Библиотека литературы Древней Руси // Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века.
62. «Сказание о Мамаевом побоище». Лицевая рукопись XVII века из собрания Государственного Исторического музея. Альбом / Т. В. Дианова. М., Советская Россия, 1980.
63. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934.
64. «Сказания и повести о Куликовской битве» / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982. Серия: Литературные памятники.
65. Скрынников Р.Г. История Российская IX-XVII вв. М., 1997.
66. Слово о полку Игореве – памятник XII века. М.-Л., 1962.
67. Слово о полку Игореве. Игоря сына Святъславля внука Ольгова. М., 2002.
68. Степенная книга царского родословия. Т.1-3. М., 2007.
69. Стоглав. Казань. 1911.
70. Судебники XV–XVI веков // Под общей ред. Б. Д. Грекова. М.-Л., 1952.

71. Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича // Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. Л., 1968.
72. Тихонравов Н.С. Отреченные книги // Памятники отреченной русской литературы. М., 1863.
73. Толкование на Апокалипсис святого евангелиста Иоанна Богослова. М., 2000.
74. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. V слово. М., 1996.
75. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. М., 1925.

2. Литература:

1. Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм // ИСССР. 1981. № 2.
2. Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.
3. Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972.
4. Адрианова-Перетц В. П. «Задонщина» (Опыт реконструкции авторского текста) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 6. М.- Л., 1948.
5. Азбелев С. Н. Фольклоризм «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // Литература Древней Руси. М., 1981.
6. Александров Д.Н., Мельников С.А., Алексеев С.В. Очерки по истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX-XV веках. М., 1995.
7. Александровский А. Л. Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990.
8. Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV начала XVI вв. СПб., 2002.

9. Алексеев С.В. Игорь Святославич. М., 2014.
10. Алексеев С.В. Проблема добра и зла и эсхатологическая идея в религиозных системах Евразии. М., 1995.
11. Алексеев С.В. Сербская историческая агиография: между хроникой и житием // Знание. Понимание. Умение. №3. 2014. С.148-156
12. Алексеев С.В., Плотникова О.А. Мечты о Новом Иерусалиме. Христианское обоснование власти: Византия, Болгария, Русь // Родина. №5. 2012. С.51-52
13. Алексеев С.В., Плотникова О.А. Легитимизация власти на начальных этапах христианизации Восточной Европы // Историческое обозрение. Вып. 13. М., 2012. С.4-14
14. Алексеев Ю. А. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
15. Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992.
16. Алексеев Ю. Г. Поход «миром» и Городищенское стояние 1475-76 г. // Новгородский исторический сборник. СПб.; Новгород, 1993. Вып. 4(14).
17. Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV-XV вв. СПб., 1998.
18. Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.
19. Алексеев Ю. Г. «Наймит» и «государь» Псковской судной грамоты // Общество и государство феодальной России. М., 1975.
20. Алексеев Ю. Г. Белозерская уставная грамота 1488 г. и вопросы наместничьего суда // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. 23.
21. Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.

22. Алпатов М.В. Памятник древнерусской живописи конца XV века – икона «Апокалипсис» Успенского собора Московского Кремля. М., 1964.
23. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988.
24. Арсеньев К. А. Об устройстве управления в России с XV до исхода XVIII столетия // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839. Отд. I.
25. Афремов И. Куликово поле с реставрированным планом Куликовской битвы в 8 день сентября 1380 года. М., 1849.
26. Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.
27. Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии: География Начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885.
28. Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.- Л., 1966.
29. Барсов Т. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878.
30. Белокуров С. А. О Записном приказе // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1900. Кн. 3. Отд. 2.
31. Белокуров С. А. О Посольском приказе // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1906. Кн. 3. Отд. 4.
32. Белякова Е. В. Учреждение автокефалии русской церкви в политической мысли XV–XVI вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995.
33. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

34. Бережков М. Н. Древнейшая книга крымских посольских дел (1474-1505) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1894. Вып. 21.
35. Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 46. СПб., 1993.
36. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
37. Богословский М. Приказы Великого княжества Литовского и княжества Смоленского в Московском государстве // Журнал министерства народного просвещения. Ч. IV. СПб., 1906. № 8.
38. Богоявленский С. К. О Пушкарском приказе // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917.
39. Большая Российская энциклопедия. М., 2000.
40. Борисов Н. С. Иван Калита. М., 1995.
41. Бородин А. Е. Уложение о службе 1556 г. // Сборник статей по русской истории. (Посвящ. С. Ф. Платонову) Пг., 1922.
42. Буганов В. И. О Городовом приказе в России XVI в. // Вопросы истории. 1962. № 10.
43. Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV- начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
44. Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV – начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
45. Буганов В. И. Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов в 1577-1578 гг. // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965.
46. Буганов В. И. «Государев разряд» 1556 г. и реформы 50-х годов XVI в. // История СССР. М., 1957. № 5.

47. Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М.-Л., 1946.
48. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI–XIV вв.) М., 1960.
49. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991.
50. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.
51. Булычёв А.А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.
52. Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996.
53. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.
54. Вернадский Г. В. Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Т. 4. Берлин, 1925.
55. Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Т. 5. Берлин, 1925.
56. Вернадский Г.В. История России в 5 тт. М., 2004.
57. Вернер И. И. О времени и причинах образования московских приказов // Ученые записки Лицея в память цесаревича Николая. М., 1907. Вып. 1.
58. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
59. Веселовский С. Б. Приказной строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912. Т. 3.

60. Веселовский С.Б. Отзывы о Грозном его современников // Владимирский -Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 8-е изд. Ростов н/Д, 1995.
61. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ч. 1. СПб.; Киев, 1907.
62. Водов В. Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в.-1425 г.) // Исторические записки. М., 1979. Т. 103.
63. Володихин Д.М. Митрополит Филипп. М., 2009.
64. Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии (Ветхий Завет). Милан. М., 1992.
65. Гальперин Г. Б. Вопрос о форме правления Русского государства XV и первой половины XVI в. // Ученые записки Ленинградского государственного университета, серия юридических наук. Вып. X, Л., 1958.
66. Гальперин Г.В. Формы правления Русского централизованного государства XV –XVI вв., Л., 1964.
67. Гергей Е. История папства. М., 1996.
68. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. I. М., 1901.
69. Гольдберг А. Л. Три «послания Филофея» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXIX, Л., 1974.
70. Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. М. 30. Л., 1976.
71. Гольдберг А.Л. Идея «Москва -Третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 37. Л., 1983.
72. Гольдберг А. Л., Дмитриева Р. П. Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2.

73. Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992.
74. Горский А. А. К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма на Руси // Вестник Московского университета. Сер. история. 1982. № 4.
75. Горский А. А. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. М., 1984. № 9.
76. Горский А. А. Феодализация на Руси: основное содержание процесса // Вопросы истории. М., 1986. № 8.
77. Горский А. А. Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и Александр Невский // Страницы отечественной истории. М., 1993.
78. Горский А. А. Московско-ордынский конфликт начала 80–х годов XIV века: причины, особенности, результаты // Отечественная история. 1998. № 4.
79. Горский А. А. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века // Вопросы истории. 1999. № 8.
80. Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.
81. Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001.
82. Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3.
83. Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996.
84. Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 43. Л., 1990.

85. Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – начале XV в. // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2003.
86. Горчаков М. И. Монастырский приказ (1649-1725). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868.
87. Готье Ю. В. Отделение судебной власти от административной // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1.
88. Гофф Ж. Л. Цивилизация средневекового запада. М., 1991.
89. Грановский А. Д. История местного управления в России. СПб., 1899. Т. III.
90. Грановский А. Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т. 2.
91. Грановский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1887. Т. 2.
92. Грановский А. Д. Собрание сочинений. СПб., 1903. Т. 8.
93. Грачев В. П. Сербская государственность в X–XIV вв. (Критика теории жупной организации). М., 1972.
94. Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964.
95. Гумилев Л. Н. Трагедия на Каспии в X в. и «Повесть временных лет» // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988.
96. Гуревич А.Я. «Большая» и «малая» эсхатология в культуре западноевропейского средневековья // *Finitis duodecim Lustris*. Сборник статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана. Таллин, 1982.
97. Гурлянд И. Я. Приказ Сыскных дел // Сборник статей по истории права, посвящ. М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904.
98. Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902.

99. Гурпяпо И. Я. Роспись, какие города в каком приказе ведомы (Материалы для истории приказов XVII в.). Ярославль, 1901.
100. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001.
101. Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов Древней Руси // Вопросы истории. М., 1994. № 10.
102. Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. 2. СПб., 1902.
103. Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.-Л., 1966.
104. Дмитриев Л. А. Реминисценция «Слова о полку Игореве» в памятнике новгородской литературы // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976.
105. Демин А.С. Путешествие души по загробному миру (В древнерусской литературе) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 7. Ч. 1.
106. Дитятин И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1876.
107. Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
108. Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. М., 1859.
109. Дмитриева Р. П. Взаимоотношения списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.- Л., 1966.

110. Дмитриева Р. П. Некоторые итоги изучения текстологии «Задонщины» (В связи с вопросом подлинности «Слова о полку Игореве») // Русская литература. М., 1976. № 2.
111. Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 30. Л., 1976.
112. Дмитриева Р. П. Задонщина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. 1989.
113. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.-Л., 1955.
114. Довженок В. И., Брайчевский М. Ю. О времени сложения феодализма в Древней Руси // Вопросы истории. М., 1950. № 8.
115. Довнар-Запольский. Вече // Русская история в очерках и статьях. Т. 1. СПб., 1907.
116. Дубов И. В. К проблеме «переноса городов» в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985.
117. Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М.- Л., 1923.
118. Дьяконов М. А. Власть московских государей. СПб., 1889.
119. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
120. Егоров В. Л. Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России. Новгород, 1996.
121. Енуков В. В. Псковские и смоленские длинные курганы (по данным погребального обряда) // Советская археология. М., 1992. № 1.
122. Жемличка И., Марсина Р. Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе

- (Чехия, Польша, Венгрия) // Раннефеодальные государства и народности (Южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991.
123. Епифанов П. П. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI в. М., 1976. Ч. 1.
124. Ермолаев И. П. Создание приказа Казанского дворца и отражение его деятельности в документах государственного архива России XVI в. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990.
125. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М., 1983.
126. Ефимов Н. И. «Русь -Новый Израиль». Теократическая идеология своеземного православия в допетровской письменности. Казань, 1912.
127. Забелин И.Е. Опричный дворец царя Ивана Васильевича. М., 1893.
изучения ее планировки конца XVI -начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968.
128. Завадская С. В. К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках X–XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1989.
129. Загоскин Н. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875.
130. Загоскин Н. П. История права Московского государства. Казань, 1879. Т. 2, вып. 2.
131. Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991.
132. Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV-первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1971. Т. 87.

133. Зимин А. А. О сложении приказной системы на Руси / Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. III. М., 1954.
134. Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. М., 1958. Т. 63.
135. Зимин А. А. Пересветов и его современники. М., 1958.
136. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.
137. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени // Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972.
138. Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. История и генеалогия. Л., 1973.
139. Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М., 1982.
140. Зимин А. А. Русские летописи и хронографы конца XV-XVI в. М., 1960.
141. Зимин А. А. Слово о полку Игореве. Источники. Время создания. Автор. М., 1963.
142. Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. // Археографический ежегодник. 1968. М., 1970.
143. Зимин А. А. Две редакции «Задонщины» // Труды Московского историко-архивного института Т. 24. Вып. 2. М., 1966.
144. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV-первой трети XVI вв. М., 1988.
145. Зимин А. А. Губные грамоты XVI века из Музейного собрания // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. XVIII. М., 1995.
146. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

147. Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV-XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957. М., 1958.
148. Золотухина Н. М. Из истории русской политической мысли конца XV – начала XVI века: теория «Москва – третий Рим» // Советское государство и право. 1977. № 1.
149. Золотухина Н. М. Политико-правовая мысль периода сословно-представительной монархии (середина XVI — середина XVII в.) // История политических и правовых учений: Средние века и Возрождение. М., 1986
150. Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980.
151. Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20–е гг. XV столетия // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999.
152. Иванов А. Б. Третий Рим: Русь в XIV – XVII веках. М., 1996.
153. Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1858.
154. Изображение монет // Древняя Русь: город, замок, село / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1985.
155. Истрин В. М. Толковая Палея и Хроника Г. Амартола. М., 1981.
156. Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: репр. изд. В. М. Истрина. М., 1994.
157. Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е. Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII в. Л., 1957.
158. Калачев Н. В. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические записки. М., 1842. Т. 2.
159. Каравашкин А.В. Нравственный аспект полемики Ивана Грозного с Андреем Курбским // Макариевские чтения: Апокалип-

- сис в русской культуре. Материалы III Российской научной конференции, посвященной памяти Святителя Макария (6-8 июня 1995 года). Вып. 3. Ч. 2. Можайск, 1995.
160. Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000.
161. Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. Опричнина и страшный суд. М., 2003.
162. Карамзин Н.М. История государства российского. М., 1989. Т.1.
163. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2-4. М., 1989-1992.
164. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. М., 1956. Ч. 1.
165. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.
166. Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1980.
167. Каргалов В. В. На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле: противостояние XIII–XVIII вв. М., 1998.
168. Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса) // Русский город. Историко-методологический сборник. М., 1976.
169. Карсанов А. Н. К вопросу о трех группах русов // Герменевтика древнерусской литературы. X–XVI вв. Сб. 3. М., 1992.
170. Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.
171. Кистерев С. М. Князья Ярославские и Псков в первой половине XVI в. // У источника. 1. Ч. II. М., 1997.

172. Карпец В. И. Институты самоуправления в допетровской Руси // Институты самоуправления: историко-правовое исследование. М., 1995.
173. Карпец В. И. Символизм в политическом сознании: эпоха Московской Руси // Из истории развития политико-правовых идей. М., 1984.
174. Карсавин Л. П. Символизм мышления и идея миропорядка в средние века // Научный исторический журнал. 1913. Т. 1. Вып. 2.
175. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т.2. М., 1997.
176. Каштанов С. М. Еще раз о Городовом приказе XVI в. // Вопросы истории. 1963. № 11.
177. Каштанов С. М. Известие о Засечном приказе в XVI в. // Вопросы истории. 1968. № 7.
178. Каштанов С. М. Русский «удел» XIV-XVI вв. как социально-политическое явление (правовые основы и практика) // Общество, государство, право России и других стран Европы. М., 1983.
179. Каштанов С. М. Финансовое устройство Московского княжества в сер. XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.
180. Каштанов С. М., Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1057 г. М., 1958
181. Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // Исторические записки. 1963. № 2.
182. Каштанов С. М. Россия // История Европы. Т.3: От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.) М., 1993.
183. Кистерев С. Н. «Великий князь всея Руси» в XI–XV веках // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002.
184. Климишин И.А. Календарь и хронология. М., 1985.

185. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. М., 1998.
186. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. М., 2001.
187. Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485). Тверь, 1994.
188. Ключевский В. О. Соч. Т. 1. М., 1987.
189. Ключевский В. О. Соч. Т. 2. М., 1988.
190. Кобрин В. Б., Юрганов А. Ю. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // ИСССР. 1991. №. 4.
191. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XV–XVII веков. М., 1980.
192. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. VI.. 1994.
193. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.
194. Князьков С. Е. Судные приказы в конце XVI-первой половине XVII в. // Исторические записки. М., 1987. Т. 115.
195. Кобрин В. Б. О репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV-XVI вв. // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1.
196. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой Руси. М.,1984.
197. Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989.
198. Козлов О. Ф. Переход от приказной системы управления к коллегиальной в русской дореволюционной и советской историографии // Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР. М., 1983.
199. Козлов О. Ф. Приказ тайных государевых дел // Вопросы истории. М., 1982. № 8.
200. Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. СПб., 2004.

216. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965.
217. Кузьмин А. Г. Публицистика и общественная мысль // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2.
218. Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
219. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.
220. Кучкин В. А. Тверской источник Владимирского полихрона // Летописи и хроники. 1976. М., 1976.
221. Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. М., 1980. № 8.
222. Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.
223. Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV–XV вв.) // ИСССР. 1984. № 6.
224. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
225. Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
226. Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? М., 1991.
227. Кучкин В. А. Княгиня Анна – тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993.
228. Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1995.
229. Кучкин В. А. Юрий Долгорукий // Вопросы истории. М., 1996. № 10.

230. Кучкин В. А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996.
231. Кучкин В. А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. М., 1996. № 5.
232. Кучкин В. А. Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве в XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
233. Кучкин В. А. Институт тысяцких в средневековой Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1993.
234. Кучкин В. А. Москва в XII-первой половине XIII в. // Отечественная история. М., 1996. № 1.
235. Кучкин В. А. Московское княжество в XIV в.: Система управления и проблема феодальной государственной собственности // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М., 1988. Ч. 2.
236. Кучкин В. А. Новооткрытая битва Тохтамышша Ивановича Донского (он же Дмитрий Туйходжаевич Московский) с Мамаем (Маминым сыном) на московских Кулижках // Отечественная история. М., 2000. № 4.
237. Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001.
238. Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003.
239. Кучкин В. А. Десятские на Руси X–XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2003.
240. Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. М., 1995. № 1.

241. Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси кон. XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти М. Н. Тихомирова. М., 1967.
242. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984.
243. Кучкин В. А. Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до кон. XIII в.) // Вопросы географии. Сб. 83. М., 1970.
244. Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1995.
245. Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960.
246. Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990.
247. Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
248. Лаптев В. В. Воскресенская летопись («Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена». Т. II, Л., 1955.
249. Лаушкин А. В. К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине XV в. // Вестник Московского университета. Сер. история. М., 1995. № 6.
250. Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975.
251. Лихачев Д. С., Дмитриев Л. А. От редакторов // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.- Л., 1966.
252. Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000.
253. Лебедев А.П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998.
254. Лебедев Л. Москва патриаршая. М., 1995.

255. Левина С. А. Воскресенская летопись (ее редакции, источники и значение) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. X. М., 1957.
256. Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XIII. М.-Л., 1957.
257. Леонтьев А. К. Государственный строй, право и суд // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2.
258. Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV-первой половине XVI в. М., 1961.
259. Ливанов И. К. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960.
260. Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.-Л., 1945.
261. Лихачев Д.С. Великий путь. М., 1987.
262. Ловмянский Х. О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
263. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991.
264. Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 40. Л., 1985.
265. Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994.
266. Лурье Я. С. Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997.
267. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV-начала XVI века. М.-Л., 1960.
268. Лурье Я. С. Новые памятники русского летописания конца XV в. // История СССР. 1964, № 6.

269. Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
270. Лурье Я. С. Вопрос об идеологических движениях конца XV- начала XVI в. в научной литературе. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XV. М.-Л., 1958.
271. Любавский М. К. Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1909.
272. Любавский М. К. Формирование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и освоение Центра. Л., 1929.
273. Мазуров А. В. Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде // Вопросы истории. М., 1995. № 3.
274. Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
275. Манько А.В. Российская монархия: символика и атрибуты. Страницы истории государственности. М., 2005.
276. Милюков Л.Н. Очерки по истории русской культуры в 3 т. М., 1993-1995.
277. Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1 (А-К).
278. Мейендорф Иоанн, протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001.
279. Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000.
280. Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. (К методике изучения вопроса) // ИСССР. М., 1976. № 3.
281. Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.

282. Назаров В. Д. Служилые князя Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1999.
283. Назаров В. Д. О включении Ярославского княжества в состав Российского централизованного государства // Россия в IX–XX веках: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999.
284. Назаров В. Д. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002.
285. Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Исторический сборник. Вып. 1. Пг., 1924.
286. Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.-Л., 1940.
287. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969.
288. Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы // Проблемы источниковедения. Вып. IV. М., 1955.
289. Насонов А. Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. VI. М., 1958.
290. Насонов А. Н. Московский свод 1479 г. и его южно-русские источники // Проблемы источниковедения. Вып. IX. М., 1961.
291. Неволин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. М., 1844. Ч. 41. № 1/3.
292. Никольский С. Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2003.
293. Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ИСССР. М., 1982. № 4.
294. Носов Н. Е. «К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в.» // Исторические записки. Кн. 52. М., 1955.

295. Носов Н. Е «К вопросу о земельной политике Избранной рады» // Исторические записки. Кн. 38. М., 1951.
296. Носов Н. Е «О полном холопе и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного» (Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия). М., 1952.
297. Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в., М.-Л., 1957.
298. Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960.
299. Павлов – Сильванский Н.Г. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1898.
300. Павлов А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584—1605) // Исторические записки. М., 1988. Т. 116.
301. Павлов А. П. Эволюция четвертных приказов в конце XVI-начале XVII в. //Архив русской истории. Вып. 3. 1993.
302. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1909.
303. Патенко А.М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха: Концепции первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II. Кн.1. Киевская и Московская Русь. М., 2002.
304. Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
305. Перевезенцев С.В. Тайны Земли Русской. Смысл русской истории. М.,1992.
306. Пихоя Р.Г. История государственного управления в России. М., 2001.
307. Платонов С. Ф. Боярская дума – предшественница Сената // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. 2-е изд. СПб., 1912.

308. Платонов С. Ф. К вопросу о Тайном приказе // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883—1912). СПб., 1912.
309. Платонов С. Ф. Как возникли чети? К вопросу о происхождении московских приказов-четвертей // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883—1912). СПб., 1912.
310. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Ч. 1. СПб., 1913.
311. Плигузов А.И., Тихонюк И.А. Послание Дмитрия Трахакиота Новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмиричности счисления лет // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988.
312. Плигузов А. И. Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М., 2002.
313. Плотникова О.А. Генезис и легитимизация института княжеской власти в древнерусском обществе VI-XII вв. М., 2010.
314. Плотникова О.А. Князь в системе социально-политических отношений Древнерусского общества VI-XII вв.: принципы властвования. М., 2006.
315. Плотникова О.А. Печальник Земли Русской. Благословение преподобного Сергия великому князю Дмитрию Ивановичу // Родина. №7. 2014.
316. Плотникова О.А., Шилов Н.А. Московское государство: трансформация институтов управления на этапах централизации // Управление мегаполисом. №5. 2013.
317. Плотникова О.А., Шилов Н.А. Система управления на Руси в XII-XVI вв. // Научные труды Московского гуманитарного университета. №11. 2013.

318. Плотникова О.А., Шилов Н.А. Первые институты централизованной власти на Руси // Сучасні проблеми правового, економічного та соціального розвитку держави. Харків: Изд-во ХНУВС, 2014.
319. Плотникова О.А., Шилов Н.А. Идеология централизации Московского княжества (по материалам литературных памятников) // Научные труды Московского гуманитарного университета. №3. 2014.
320. Плотникова О.А., Шилов Н.А. Идеологи и идеология централизации Московского княжества (по материалам литературных памятников) // Новые гуманитарные исследования. Вестник Орловского государственного университета. №1. 2014.
321. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 4. М., 1850.
322. Покровский П. В. Страшный Суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса, 1887. Т. 3.
323. Поляк А. Г. Историко-правовой обзор Судебника 1497 г. // Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4.
324. Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских сочинений против латинян. М., 1875.
325. Пресняков А. Е. Московское царство // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990.
326. Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
327. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1938.
328. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. М., 1939.

329. Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940.
330. Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978.
331. Прохоров Г. М. Нил Сорский. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Часть 2. Л.-Я. М., 1989.
332. Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 23, Л., 1968.
333. Пушкарев Л. Н. К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи // Проблемы источниковедения. Вып. VIII. М., 1959.
334. Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003.
335. Романов Б. А. Судебник Ивана Грозного // Исторические записки. Т. 29. М., 1949.
336. Рогов В. А. К вопросу о развитии княжеской власти на Руси // Древняя Русь: проблемы развития права и правовой идеологии. М., 1984.
337. Рогов В. А. Преступная личность в праве и идеологии средневековой России // Право и идеология: проблемы исторических взаимосвязей. М., 1991.
338. Ротенберг С. С., Монархия с Боярской думой (к вопросу об установлении самодержавия в России) // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. М., 1946, Т. 35.
339. Румянцева В. С. Патриарх Никон и Соборное Уложение 1649 г. // Реформы в России XVI–XIX вв. М., 1992.

340. Румянцева В. С. Приказ Тайных дел и религиозно-политический сыск в России // Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV-XVIII вв. М., 1980.
341. Рыбаков Б.А. Борьба за суздальское наследство в 1174-1176 гг. (по миниатюрам Радзивилловской летописи) // Средневековая Русь. М., 1976.
342. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1993.
343. Садиков П. А. «Кормленные дьяки» и вопрос о происхождении приказов-четей в Московском государстве XVI столетия // Сборник статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову. Пг., 1922.
344. Садиков П. А. Очерки по истории опричнины / Подгот. В. Г. Гейман, Б. А. Романов, И. И. Смирнов. М.- Л., 1950.
345. Салмина М.А. «Летописная Повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.-Л., 1966.
346. Сантала Р. Мессия в Ветхом Завете в свете раввинистических писаний. СПб., 1995.
347. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
348. Свердлов М. Б. Начальная история Руси: исследовательские традиции и новации // Вестник Российской академии наук. М., 2003. № 1.
349. Свердлов М.Б. 1983. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. М., 1983.
350. Свердлов М.Б. Владимир Святославич Святой – князь и человек // Культура славян и Русь. М., 1998.
351. Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.

352. Седов П. В. Деятельность боярских надворных комиссий XVII в. в отсутствие царя в Москве // *Studia I humanislica*. СПб., 1996.
353. Семенченко Г. В. Присоединение Ростовского княжества к Москве // *Вопросы истории*. М., 1986. №7.
354. Семенченко Г. В. Управление Москвой в XIV-XV вв. // *Исторические записки*. М., 1980. Т. 105.
355. Сербина К. Н. Летописный свод 1518 г. // *Вопросы историографии и источниковедения истории СССР*. М.-Л., 1963.
356. Сергеев В.М. Структура текста и анализ аргументации первого послания Курбского // *Методика изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма*. М., 1989.
357. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903.
358. Сергеевич В.И. Лекции и исследования. 4-е изд. СПб., 1890.
359. Сеницына Н. В. Автокефалия русской церкви и учреждение Московского патриархата (1448–1589 гг.) // *Церковь, общество и государство в феодальной России*. М., 1990.
360. Сеницына Н. В. Третий Рим. М., 1998.
361. Сеницына Н. В. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518-1519 гг.) // *Византийский временник*. Византия, 1965. Т. 26 (51).
362. Скрынников Р. Г. Куликовская битва: проблемы изучения // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины*. М., 1983.
363. Скрынников Р. Г. История Российская. (IX–XVII вв.) М., 1997.
364. Сеницына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998.

365. Скрынников Р. Г. Самодержавие и опричнина (Некоторые итоги политического развития России в период опричнины) // Внутренняя политика царизма (середина XVI-начало XX вв.). Л., 1967.
366. Скрынников Р.Г. О заготовке первого послания Ивана IV Курбскому и о характере их переписки // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. АН СССР. Т 33. М., 1945.
367. Скрынников Р.Г. Опричнина и последние удельные княжества на Руси // Исторические записки. Т. 76. 1965.
368. Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969.
369. Скрынников Р.Г. Иван III. М., 2006.
370. Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994.
371. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1. М., 1988.
372. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3. М., 1990.
373. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6. М., 2000.
374. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л-Я. Л., 1989.
375. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 19. М., 1994.
376. Словарь синонимов русского языка. М., 1986.
377. Смирнов И. И. Судебник 1550 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24.
378. Смирнов И. И. Московское восстание 1547 года // Вопросы истории. М., 1953, № 12.
379. Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30-50-х годов XVI в., М.-Л., 1958.

380. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959.
381. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1988.
382. Сперанский А. Н. Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. М., 1930.
383. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1996.
384. Станкевич Н. О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Ученые записки Московского университета. Ч. 5. М., 1834.
385. Сурмина Н. О. Восточная политика Александра Невского // Всеобщая и отечественная история. Актуальные проблемы. Саратов, 1993.
386. Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова» / Под ред. Д. С. Лихачёва и Л. А. Дмитриева. М.-Л.: Наука, 1966.
387. Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.- Л., 1966.
388. Сташевский Е. Д. К вопросу о том, когда и почему возникли чети? // Университетские известия. М., 1908. № 12. Отд. 1.
389. Степанов Н.В. Новый стиль и православная пасхалия. М., 1907.
390. Сторожев В. Н. Московское управление в Вильне XVII в. // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 2.
391. Сыромятников Б. И. Происхождение и развитие министерского начала в России // Научное слово. М., 1903. Кн. 8.
392. Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

393. Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения. Вып. III. М.-Л., 1940.
394. Тихомиров М. Н. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в. // Вопросы истории. М., 1958, № 5.
395. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.
396. Тихомиров Ю. А. Управление делами общества. М., 1984.
397. Тихонюк И. А. «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII – XVIII вв. М., 1986.
398. Толкование на Апокалипсис святого Андрея, архиепископа Кесарийского. Иосифо-Волоколамский монастырь. 1992.
399. Толочко П.П. Русь и Византия (взгляд из Киева) // Культура славян и Русь. М., 1998.
400. Толстой Д. История финансовых учреждений в России. СПб., 1848.
401. Толстой И.И. Древнейшие русские монеты. СПб., 1893.
402. Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980.
403. Троицкий И.Г. Талмудическое учение о посмертном состоянии и конечной участи людей. Его происхождение и значение в истории эсхатологических представлений. СПб., 1904.
404. Троцина К. История судебных учреждений в России. СПб., 1851.
405. Трубецкой Е. Мирозерцание В.Соловьева. М., 1909. Т. I.

406. Трубецкой Е. Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении // Вопросы философии и психологии. 1890. № 9.
407. Турилов А.А. Забытое сочинение митрополита Саввы-Спиридона литовского периода его творчества. // Славяне и их соседи. Вып. 7. Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVII веках. М., 1999.
408. Турилов А. А. Древнейшая история славян и Руси в «Книге степенной царского родословия» // Славяне и их соседи: Миф и история: Тез. 15-й конф. М., 1996. С. 51-52.
409. Успенский Б.А. Царь и Бог // Избранные труды. Т. 1. М., 1994.
410. Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – третий Рим» // Русское подвижничество. М., 1996.
411. Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1996. Т.1.
412. Устрялов Н. Сказания князя Курбского. СПб., 1842.
413. Федорин К. Д. Печатный приказ как тип государственного учреждения допетровской Руси // Спорные вопросы отечественной истории XI-XVIII вв. М., 1990.
414. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973.
415. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981.
416. Феннелл Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1989.
417. Фетищев С. А. К истории договорных грамот между князьями московского дома конца XIV – начала XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 25. М., 1994.

418. Фетищев С. А. К вопросу о присоединении Мурома, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002.
419. Философский словарь // Под ред. И.Т.Фролова. М., 1991.
420. Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский. Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007.
421. Флоря Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 1. М., 1982.
422. Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (К вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. М., 1993. № 2.
423. Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001.
424. Флоря Б.П. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV – начала XVI в. Политическая и культурная деятельность // Руско-Балкански културни връзки през средновековието. София, 1982.
425. Фроянов И. Я. Киевская Русь: очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
426. Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1988.
427. Федотов Г. П. Собрание сочинений // Святые Древней Руси. М., 2000. Т. VIII.
428. Хавский П. В. Взгляд на хронологию еврейскую, христианскую вообще и русскую в частности. СПб., 1849.

429. Хлебников Н. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869.
430. Хорошкевич А. Л. История государственности в публицистике времен централизации // Общество и государство феодальной России. М., 1975.
431. Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.
432. Хорошкевич А. Л. Царский титул Ивана IV и «боярский мятеж» 1553 года // Отечественная история. М., 1994. № 3.
433. Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.). М., 1986.
434. Хорошкевич А. Л. Государство всея Руси // Родина. М., 1994. № 5.
435. Хорошкевич А.Л. Поставление князей и символы государственности X –XIII вв. // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992.
436. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1990.
437. Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М., 1993.
438. Цодикович В. К. Семантика иконографии «Страшного Суда» в русском искусстве XV-XVI веков. Ульяновск, 1995.
439. Чаев Н. С. «Москва-Третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века // Исторические записки, Т. XVII, М., 1945.
440. Чеглоков П. Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича // Юридический сборник. Казань, 1855.
441. Черепнин Л. В. Комментарий к Судебнику 1497 г. // Судебники XV-XVI вв. М.- Л., 1952.

442. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. М., 1951. Ч. 2.
443. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1960.
444. Черепнин Л. В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентиской унии // Средние века. Вып. 25. М., 1964.
445. Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII в. // Исторические записки. Т. 89. М., 1972.
446. Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на землю на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. М., 1953. № 4.
447. Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.- Л., 1958.
448. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М., 1948.
449. Чернов А. В. О зарождении приказного управления в процессе образования русского централизованного государства // Труды Московского историко-архивного института. М., 1965. Т. 19.
450. Чернов А. В. О классификации центральных государственных учреждений XVI-XVII вв. // Исторический архив. М., 1958. № 1.
451. Чернов А. В. История государственных учреждений в XV–XVI вв. М., 1956.
452. Чернов А. В., Образование стрелецкого войска // Исторические записки. Кн. 38, М., 1951.
453. Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991.
454. Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

455. Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30-80-е годы XVI века. СПб., 2006.
456. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.
457. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV – XV вв. М.- Л., 1938.
458. Шимко И. И. Патриарший казенный приказ // Описание документов и бумаг Московского архива министерства юстиции. М., 1894. Кн. 9. Отд. 1.
459. Шмидт С. О. Единое европейское государство // Родина. М., 1995. № 9.
460. Шмидт С. О. К истории Царского архива середины XVI в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 11. М., 1958.
461. Шмидт С. О. Миниатюры Царственной книги как источник по истории московского восстания 1547 г. // Проблемы источниковедения. Вып. V. М., 1956.
462. Шмидт С. О. О приказном делопроизводстве в России второй половин XVI в. // Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996.
463. Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // Ученые записки Московского государственного университета. Вып. 37. М., 1954.
464. Шмидт С. О. Российское самодержавие и бюрократия в XVI столетии // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. Ч. 1.
465. Шмидт С.О. Становление русского самодержавия. М., 1973.

466. Шмидт С. О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений // Труды Московского историко-архивного института. Т. 8. М., 1957.
467. Шмидт С. О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия // Известия Академии наук СССР, серия истории и философии. Т. VII, № 5. М., 1950.
468. Шмидт С. О. К истории составления Царского архива XVI века. // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960.
469. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. М., 1925.
470. Штамм С. И. Комментарий к Судебнику 1497 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. М., 1985
471. Штамм С. И. Суд и процесс // Развитие русского права в XV-первой половине XVII вв. М., 1986.
472. Шумаков С. А. Новые губные и земские грамоты // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 23. Новая серия. М., 1909. № 10. (Вятская губная грамота 1541 г., Зубцовская губная грамота 1556 г., Белозерский губной наказ 1571 г.).
473. Щапов Х.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI-XIV вв. М, 1972.
474. Щапов Я.Н., Лимонов Ю.А. История Руси в хронографической компиляции XVI в. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.
475. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
476. Юрганов А. Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991.
477. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

478. Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.- Л., 1939.
479. Юрганов А.Л. Идеи И.С.Пересветова в контексте мировой истории и культуры // Вопросы истории. М., 1996. №2.
480. Юрганов А.Л. О дате написания завещания Ивана Грозного // Отечественная история. М., 1993. №6.
481. Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // Отечественная история. М., 1996. № 3.
482. Юркович И. О народе Божиим. М., 1995.
483. Юшков С. В. К вопросу о сословно-представительной монархии в России // Сов. гос-во и право. М., 1950, № 10.
484. Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876.
485. Языкова И.К. Богословие иконы. М., 1995.
486. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Ч. 1. М., 1970.
487. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья // Славяне и Русь. М., 1998.
488. Brown P B. Muscovite Government Bureaus // Russian History. 1983. Vol. 10. Pt. 3.
489. Keep J. L. H. The regime of Filaret, 1619-1633 // Slavonic and East European Review. 1960. Vol. 38. №91.